

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

К. В. ЧИСТОВ

Народная
поэтесса
И. А. ФЕДОСОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК — 1955

НАРОДНАЯ ПОЭТЕССА И. А. ФЕДОСОВА

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

К. В. ЧИСТОВ

*Шародная
поэтесса*
И. А. ФЕДОСОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК — 1955

Ирина Андреевна Федосова

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

К. В. ЧИСТОВ

НАРОДНАЯ ПОЭТЕССА
И. А. ФЕДОСОВА

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Под редакцией проф. В. И. ЧИЧЕРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК — 1955

*К пятидесятипятилетию со дня смерти
И. А. Федосовой*

Большевики учат рабочий класс и всех трудящихся относиться с величайшим вниманием к народному творчеству.

(„Правда“, 18 сентября 1936 г., передовая статья)

В В Е Д Е Н И Е

И. В. Сталин в работе «О диалектическом и историческом материализме» писал: «Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов».¹

Воссоздание истории русского трудового народа на всех этапах его развития до сих пор остается важнейшей задачей советской исторической науки, которую она должна решать в теснейшем содружестве с другими, соседними науками — этнографией, изучающей культуру и быт народов в их национальном своеобразии, искусствоведением, изучающим сложные процессы развития национального искусства и, наконец, литературоведением и фольклористикой, призванными не только мобилизовать художественные памятники прошлого ради полноты воссоздания истории трудового народа, но и помочь выяснить вопрос о путях развития его мировоззрения и миропонимания (как оно выразилось в художественном слове) и показать, в конечном счете, какую роль сыграл трудовой народ в развитии русской культуры (в частности, в развитии русской культуры XIX века).

Значение изучения народного творчества прошлого для воссоздания истории русского трудового народа неоднократно подчеркивал А. М. Горький. Так, например, в докладе на I съезде советских писателей в 1934 г. он го-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1938, стр. 116.

ворил: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...»¹

Как известно, советская фольклористика в послевоенные годы подверглась резкой и справедливой критике в партийной и научной печати. Коммунистическая партия и советская общественность справедливо указывали на недопустимый **антиинсторизм**, который до недавнего времени господствовал в фольклористике.

В настоящее время усилия многих исследователей как дооктябрьского, так и современного народного творчества направлены на преодоление этого важнейшего методологического порока, лежавшего в основе подавляющего большинства частных искажений, ошибок, промахов и заблуждений. Об этом свидетельствуют такие издания, появившиеся в послевоенные годы, как «Русское народное поэтическое творчество. Том первый. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков»² или сборник «Русское народно-поэтическое творчество» с выразительным подзаголовком «Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа»³ и др.

Названные работы не могли охватить всех проблем, возникших в связи с задачей исторического изучения народной поэзии, которая в течение многих веков творилась талантливым русским народом. Решение многих вопросов затрудняется из-за отсутствия достаточно надежных, выверенных источников; многое безвозвратно упущено, многое может быть восстановлено лишь путем тщательного изучения отдельных проблем. Для совершенствования, уточнения и детализации исследований в области истории народного творчества надо в дальнейшем обратиться к монографическому исследованию отдельных периодов и этапов развития, отдельных жанров и циклов, к исследованию творчества отдельных мастеров, исторических причин своеобразия отдельных так называемых «областных» школ, поэтического языка и художественного метода и т. д. и т. п.

Именно в этом плане и задумана настоящая работа.

¹ Собр. соч., т. XXVII, стр. 311.

² Изд. Института Русской Литературы (Пушкинский дом), Академия наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 538.

³ Изд. Института Этнографии Академии наук СССР, М., 1953, стр. 223.

Ее целью является посильное восстановление одной из страниц истории русского народного творчества XIX века.

Ирина Андреевна Федосова — одна из крупнейших народных поэтесс XIX века. Великолепный дар импровизации, которым она обладала, прекрасное знание богатейшей северорусской народно-поэтической традиции, постоянная тревога за трагическую судьбу родного ей крестьянства, желание проникновенным словом русской песни принести людям утешение в их горестях выдвинули ее в первые ряды народных поэтов, составляющих гордость великой русской нации. Безграмотная крестьянка, подобно другим крестьянам ее времени отрешенная от лучших завоеваний книжной культуры, она была одним из творцов и носителей демократической культуры, созданной русским народом.

Широта дарования И. А. Федосовой, необычайная социальная острота записанных от нее текстов, сила ее протеста против общественного строя самодержавно-помещичьей России давно уже обратили на себя внимание исследователей.

Творчество И. А. Федосовой активно использовалось великим русским поэтом Н. А. Некрасовым, заслужило высокую оценку основоположника советской литературы А. М. Горького, много раз писавшего о Федосовой и положившего начало научному изучению ее творчества.

Известен интерес, который вызвало творчество И. А. Федосовой у В. И. Ленина. О его знакомстве с текстами народной поэтессы вспоминали С. М. Буденный, В. Д. Бонч-Бруевич и Д. Бедный.

Мысли В. И. Ленина о текстах, записанных от И. А. Федосовой, с наибольшей подробностью передаются в статье В. Д. Бонч-Бруевича «В. И. Ленин об устном народном творчестве».¹ Как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, вскоре после переезда советского правительства в Москву решено было заложить при Управлении Делами Совета Народных Комиссаров небольшую библиотеку, которой всегда смог бы пользоваться В. И. Ленин. В первую партию книг, затребованных В. И. Лениным, входил и известный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

¹Журн. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 117—131.

«Он очень часто занимался им, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — не только просматривая, но и внимательно читая приводимые там в качестве примеров пословицы, поговорки, а также изучая отдельные слова в их многообразном значении.

Я предложил ему принести книги из моей личной библиотеки, где собраны были произведения народной литературы и материалы по изучению русского языка. Разговор перешел на фольклорные материалы, изучением которых я занимался в часы досуга. Когда я сказал Владимиру Ильичу, что у меня в библиотеке имеются довольно хорошо подобранные книги былин, народных песен и сказок, он сейчас же выразил желание посмотреть их.¹ Среди сборников, принесенных В. И. Ленину, были «Северные сказки» Н. Е. Ончукова, «Смоленский этнографический сборник» В. И. Добровольского и II том «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова, т. е. II том сборника, который был составлен Е. В. Барсовым из текстов, записанных от И. А. Федосовой. «Когда я доставил книги Владимиру Ильичу, — пишет далее автор воспоминаний, — он быстро просмотрел их по заглавиям, разложил по жанрам и больше всего внимания обратил на «Причитания Северного края», собранные Е. В. Барсовым, где во второй части были напечатаны «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские».

— По замыслу интересная книга, — сказал Владимир Ильич, «кладя «Завоенные плачи» прямо против себя».²

В последующие дни В. И. Ленин неоднократно беседовал с В. Д. Бонч-Бруевичем о прочитанных им книгах по русскому народному творчеству. В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич воспроизводит беседы о сказках (в связи с чтением сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки»³), о народной рукописной традиции и о рекрутских причитаниях, записанных от И. А. Федосовой. Беседа о текстах И. А. Федосовой воспроизводится автором следующим образом: «Хорошая книжечка! — сказал Владимир Ильич, возвращая мне через несколько дней «Завоенные плачи», на которые он обратил особое внимание.

¹ Журн. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 118.

² Там же, стр. 118 (подчеркнуто здесь и дальше мною К. Ч.).

³ Об этом сборнике см. Чистов К. В., «Заметки о сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки».

— Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеевско-николаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека.¹ Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение.² Почему бы не написать исследование, чем была аракчеевская военщина для крестьян, сравнив эти «плачи» над уходящими на службу с песнями тех же крестьян, которые убегали от помещика, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону, в Новороссии, на Урале, в степях в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей. Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей; постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов. Что перерождало их? К чему они стремились? Как и за что боролись? Разве это не интересно знать? И все это звучит в народной песне. **Даже здесь, в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах,**

¹ Чрезвычайно близкую мысль высказал В. И. Ленин несколько позже в беседе с С. М. Буденным. Советуя строить пропагандистскую работу в Красной Армии на постоянном противопоставлении старой и новой армии, В. И. Ленин рекомендовал широко использовать народное творчество, особенно старинные солдатские и рекрутские причитания и песни. С. М. Буденный подчеркивает, что В. И. Ленин особенно выделял тексты рекрутских причитаний, записанные от И. А. Федосовой: «Какая это замечательная вещь, — говорил Ленин, — какие богатые материалы о военных истязаниях, которые допускали цари, особенно Николай I. Как эти «истязания отразились великолепным образом в народных сказаниях и песнях» (С. М. Буденный, «Боец-гражданин», Партиздат, 1937, стр. 16).

² В. И. Ленин, повидимому, имел в виду статью Л. Н. Толстого «Николай Палкин», во многом, действительно, перекликающуюся со стихотворением Н. А. Некрасова «Орина, мать солдатская». Статья эта была написана Л. Н. Толстым в связи с рассказом о зверских издевательствах в армии, который он слышал от 95-летнего отставного солдата, во время пешего путешествия из Москвы в Ясную Поляну в 1886 году. Статья была запрещена царской цензурой (за ее распространение был арестован студент Московского Университета М. А. Новоселов), но неоднократно издавалась за рубежом (первое издание осуществлено в 1891 г. М. Эллипным в Женеве). В 1917 г., т. е. меньше, чем за год до бесед В. И. Ленина с В. Д. Бонч-Бруевичем, появилось первое легальное издание.

при начальстве, — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер».¹

И, наконец, в этой же статье В. Д. Бонч-Бруевича содержится еще один чрезвычайно любопытный эпизод. Автор воспоминаний пишет: «Возвращая книгу «Завоенные плачи», Владимир Ильич сказал мне: «А я так увлекся этими записями, что забыл, что книга-то не моя, и стал отчеркивать особо интересные тексты, на которые стояло бы обратить особое внимание».

Я с радостью сказал Владимиру Ильичу, что Демьян² будет счастлив иметь книгу с его пометками и предложил еще оставить книгу. Он улыбнулся и сказал: «Да вот все дела и дела, а так хочется написать статью на основании этого интереснейшего настоящего народного материала: ведь это действительно народные думы, сама каторжная жизнь народа! Да вот некогда. Пусть другие пишут». И он — к огорчению моему — протянул мне книгу и сейчас же углубился в бумаги, лежавшие перед ним».³

IV глава воспоминаний целиком посвящена пометкам В. И. Ленина на экземпляре II тома «Причитаний Северного края», ныне принадлежащем В. Д. Бонч-Бруевичу. Автор воспоминаний тщательно описывает страницу за страницей, отмечая все подчеркнутое и отмеченное В. И. Лениным. Это описание шаг за шагом воссоздает удивительную по своей логической ясности и единственную в своем роде картину ленинского анализа произведений народно-поэтического творчества в процессе их чтения. Том буквально испещрен отметками, и все же при внимательном их просмотре бросается в глаза поразительное умение В. И. Ленина выделить из огромного числа записей самое важное, наиболее ценное для изучения народной жизни и народного мировоззрения прошлого.

Ленинская оценка творчества Федосовой дает прочную методологическую основу изучения наследства народной поэтессы. Остановимся на ней несколько подробнее. Для правильного понимания мыслей В. И. Ленина, высказанных в связи с чтением текстов Федосовой, необхо-

¹ Журн. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

² В связи с тем, что личная библиотека В. Д. Бонч-Бруевича после переезда в Москву была еще не распакована, сборники были доставлены В. И. Ленину из библиотеки Демьяна Бедного.

³ Журн. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 121.

димо хотя бы в общих чертах вспомнить политическую ситуацию, сложившуюся в марте-апреле 1918 г., т. е. в те дни, когда происходили беседы, воссозданные в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича.

Автор воспоминаний пишет, что беседы эти происходили вскоре после переезда советского правительства в Москву. Как известно, переезд состоялся 10 марта 1918 года, т. е. через два дня после окончания VII съезда партии, который работал в чрезвычайно сложных исторических условиях. Вероломное нарушение соглашения о перемирии немецкими империалистами поставило перед необходимостью принять унижительные условия Брестского мира. Двухнедельное наступление немцев показало полную небоеспособность старой армии. В то же время Красная Армия еще только начала создаваться и не могла еще играть решающей роли в развитии событий. Брестский мир был необходим как передышка, во время которой предстояло совершить многое и, прежде всего, — приложить максимум усилий для создания армии, способной оказать отпор новым попыткам империалистов задуть молодую советскую республику. VII съезд партии в своих решениях подчеркнул, что империалисты в любой момент вновь могут бросить свои вооруженные силы против пролетарского государства.

Новая армия — Красная Армия — должна была быть организована из тех же масс рабочих и крестьян, из которых состояла и стремительно разваливавшаяся старая царская армия. Поэтому задача перевоспитания солдатских масс, особенно перевоспитания крестьян-солдат в духе пролетарской революции стала одной из важнейших политических задач. Решить эту задачу было нелегко. В статье «О революционной фразе», опубликованной в газете «Правда» 21 февраля 1918 г., В. И. Ленин писал: «...нам пришлось армию демобилизовать, мы были вынуждены это сделать, вынуждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непреоборимыми, что не только не возникло «течения» или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось. Кто захочет *подумать* о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии Советской социалистической республикой, не окончившей войны с соседним империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины

в социальном строе мелкокрестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация многомиллионной армии и приступ к созданию на *добровольческих* началах Красной Армии — таковы факты».¹

Трудности усугублялись еще и тем, что в зимние и весенние месяцы 1918 г. классовая борьба в деревне разгорелась с небывалой силой. На очередь дня встала задача организации бедноты для борьбы с кулачеством, пытавшимся извлечь для себя максимальные выгоды из только что проведенной национализации земли и пытавшимся захватить ключевые политические и экономические позиции в деревне. В. И. Ленин в 1918 и 1919 гг. неоднократно указывал, что весна 1918 г. была фактически началом второго этапа развития революции в деревне, началом «настоящей пролетарской революции в деревне».² В связи с этим со всей остротой встал вопрос об отношении к середняку.

Короче говоря, с исторической неизбежностью вставал вопрос о способности масс трудового русского крестьянства пойти за пролетариатом во все углублявшейся пролетарской, социалистической революции.

В эти месяцы В. И. Ленин неоднократно указывает на необходимость глубоко изучать настроения крестьянства, его жизнь, его стремления, его экономические и социальные идеалы и традиции.³

И в то же время сам он, опираясь на глубочайшее знание крестьянства, не раз проявленное им в прошлом и в споре с народниками, и в дискуссиях об аграрной программе русских социал-демократов, и в статьях о Л. Н. Толстом, и о 50-летию реформ 60-х гг. XIX века, непрерывно продолжает обогащать свои сведения в этой области. Об этом свидетельствуют его постоянный интерес к рассказам людей, побывавших в деревне, его многочисленные беседы с крестьянскимиходаками, его горячий отклик на содержательную книгу А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом» и многие другие факты этих лет. В этой же связи и в этом ряду следует осмысливать и ленинский интерес к вопросам народного творчества, его чтение фольклорных сборников, несмотря на предельную за-

¹ В. И. Ленин. Соч. 4-е изд., т. 27, стр. 2.

² Там же, т. 29, стр. 180.

³ Там же, стр. 188 и др.

нятость и сложнейшую политическую обстановку марта-апреля 1918 г. Именно в этой связи становится понятным и отзыв В. И. Ленина о сказках (после чтения сборника Н. Е. Ончукова), в которых он увидел материал для изучения чаяний и ожиданий народа, нуждающихся в осмыслении «под социально-политическим углом зрения». Характерно, что в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем В. И. Ленин говорит не только об историко-познавательном, а именно об актуальном значении изучения народных сказок («Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»¹).

Из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, которые мы уже цитировали, следует, что среди сборников произведений народного творчества, доставленных Ленину в марте-апреле 1918 г., особое его внимание сразу же, еще до чтения текстов, привлек II том «Причитаний Северного края», в котором содержались так называемые «завоеванные плачи», записанные от И. А. Федосовой. В эти же дни Ленин внимательно прочел этот том и испещрил его своими отметками. Этот факт также находит свое прямое объяснение в том круге политических проблем, которые в те дни так волновали В. И. Ленина.

Чтение рекрутских причитаний И. А. Федосовой увлекло В. И. Ленина, т. к. в них нашло свое яркое выражение не только традиционное отношение русского крестьянства к старой армии, но и та бытовая основа, на которой эта традиция складывалась.

Следует отметить, что, подчеркивая историко-познавательную ценность текстов, записанных от И. А. Федосовой, В. И. Ленин в то же самое время думал о возможности преодоления пацифистских, антивоенных настроений старого крестьянства, т. к. без этого невозможно было создание новой революционной армии.

Задача воскрешения патриотических традиций на новой социально-политической основе, разъяснение освободительных целей начавшейся гражданской войны было острой и актуальной политической проблемой. Именно поэтому, нам кажется, В. И. Ленин среди фольклорных сборников, принесенных ему В. Д. Бонч-Бруевичем, сразу же выделил томик, в котором были собраны причитания по рекрутам и солдатам.

¹ См. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 118.

Подтверждением этого могут служить воспоминания Демьяна Бедного, беседовавшего с В. И. Лениным в эти же дни на близкие темы. «Надо было видеть как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова, — пишет Демьян Бедный. — Взяв ее у меня, долго он ее мне не возвращал, а потом при встрече сказал: «Это противвоенное, слезливое, неохочее настроение надо и можно, я думаю, преодолеть, старой песне противопоставить новую песню. В привычной, своей, народной форме — новое содержание».¹ Ответом на это указание В. И. Ленина явилась известная песня «Проводы», созданная Д. Бедным в том же 1918 г. В этой песне рисуются типичные обстоятельства, в которых возникала старая рекрутская или солдатская причета («Как родная меня мать провожала, тут и вся моя родня набежала»), и дается в предельно сжатой формулировке выражение антивоенных идей старой причеты («Ах, куда же ты, Ванек, ах, куда ты? Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты!»). Ответ Ванькы известен — и смысл его сводится именно к поэтическому выражению нового отношения к новой армии, которое возникало в эти дни в результате громадной разъяснительной и организационной работы, проводившейся партией в деревне и в армии в бурные весенние месяцы 1918 г., в результате того исторического опыта, который приобретался трудовым крестьянством на фронтах начавшейся гражданской войны и в столкновениях с кулачеством в деревнях.²

¹ Д. Бедный, Предисловие к книге «По следам войны», Л., 1925, стр. 4.

² Возможно, что в «Проводах» Д. Бедный имел в виду противопоставить новую песню не только старым рекрутским причитаниям, но и старым псевдосолдатским песням типа песни П. М. Карабазова «Гренадеры, молодцы» и их народным перетекстовкам, отразившим «неохочие» настроения старого крестьянства (о песне П. М. Карабазова и ее фольклорной судьбе см. в книге И. Н. Розанова «Песни русских поэтов», «Сов. писатель», 1936, стр. 58—60 и др.). В этой песне есть такие строки:

А когда служить сберется,
Словно с жизнью расстается.

Ох, калина, ох, малина!

Тут жена и сват и брат —
Гришка, Сидор и Кондрат.

Ох, калина, ох, малина!

(См. на след. стр.).

Интерес В. И. Ленина к текстам И. А. Федосовой не может быть сведен только к сказанному выше. Как свидетельствуют воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин, подчеркивая историко-познавательную ценность причитаний и, вместе с тем, политическую актуальность изучения выраженных в них антивоенных настроений старого крестьянства, обращал внимание своего собеседника на специфичную противоречивость крестьянского мировоззрения, лежащего в их основе. Характерно, что эта противоречивость осмыслялась им не как индивидуальное свойство мировоззрения И. А. Федосовой, а как исторически сложившаяся особенность идеологии русского крестьянства, связанная с социальной природой крестьянства и особенно ярко сказавшаяся в период 1861—1917 гг.

Вскрытие и изучение этой противоречивости в ее историческом развитии В. И. Ленин считал, судя по всему, одним из важнейших моментов изучения крестьянского мировоззрения. Именно так он поступал в статьях о Толстом, перешедшем на позиции патриархального крестьянства, так он поступал во всех случаях, когда речь шла о роли крестьянства в русской революции, о социальной природе крестьянства и т. д. и т. п. По этому же руслу устремилась его мысль и при чтении текстов Федосовой. Об этом свидетельствуют в первую очередь сами отчеркивания, столь тщательно описанные В. Д. Бонч-Бруевичем. Внимательный их анализ показывает, что они очень четко распадаются на три основные группы. Ленин отчеркивает: во-первых, строки, в которых содержатся наиболее яркие свидетельства тяжести жизни крестьянства и тяжести солдатской службы; во-вторых, строки, в которых

Как по мертвом зарыдают,
До кружала провожают.
Ох, калина, ох, малина!
Всей деревней заревут:
«Ваньку в рекруты сдают!»
Ох, калина, ох, малина!
«Ах, прости навеки Ваня,
Вот ужю те будет баня!»
Ох, калина, ох, малина! и т. д.

И. Н. Розанов отмечает популярность этой песни «в ее переделок. О мелодических истоках «Провод» см. М. Друзин, «Русская революционная песня», Музгиз, 1954, стр. 29—31» 149.

слышится протест, вырастающий на этой почве, и, наконец, в-третьих, все свидетельства ограниченности крестьянского мировоззрения, противоречивости его протеста, политической бесформенности и мягкотелости его.

Совершенно так же строится и ленинская оценка текстов И. А. Федосовой. В. И. Ленин сопоставляет «завоенные плачи» с «песнями тех же крестьян, которые убегали от помещиков, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону, в Новороссии, на Урале, в степях в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей»,¹ т. е. с песнями крестьянских движений, ранней казачей вольницы, с песнями, в которых в особенно яркой форме выразился протест народа против крепостного права, против бесчеловечной солдатчины, «уничтожавшей человека». Он отмечает в них «постоянную готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов». Такое сопоставление рождает вопрос: если это те же крестьяне, то что же перерождало их, к чему они стремились? Народное творчество, утверждает В. И. Ленин, дает богатейший материал для изучения этого вопроса.

Однако В. И. Ленин не ограничивается этим сопоставлением. В самих текстах, записанных от И. А. Федосовой, он видит то же выражение противоречивости крестьянского мировоззрения. «Даже здесь, — говорит он, — в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах, при начальстве — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер».² Более того, подцензурность текстов И. А. Федосовой заставляет В. И. Ленина предположить, что в действительности крестьянский протест мог приобретать еще более острые формы. В связи с этим В. И. Ленин дает чрезвычайно ценный совет: «Надо докопаться до скры-

¹ «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

² «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120. Ср. ту же мысль В. И. Ленина в передаче Ю. М. Соколова, познакомившегося в 30-е гг. с набросками воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. По Ю. М. Соколову, Ленин обращал особенное внимание на силу народного гнева и ненависти к работодателям, выраженную в текстах, записанных от И. А. Федосовой, и вместе с тем, подчеркивал ограниченность этого протеста, прорывавшегося сквозь жалобы, стон «попытки найти утешение в религии (Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1941, стр. 184).

тых, тайных песен, плачей, сказок, сатир — они должны быть, и в них мы найдем много нового и, вероятно, особо ценного».¹

Проблема исторической ограниченности крестьянского протеста, сильных и слабых сторон крестьянской революционности (и крестьянского мировоззрения вообще) глубоко волновала В. И. Ленина не только потому, что партии и правительству предстояла гигантская воспитательная работа и в армии и в ее тылу в условиях мелкокрестьянской страны, но и потому, что в ходе революции периоды побед сменялись подчас периодами острых затруднений и поражений, связанных и с общим ходом событий и с настроениями многомиллионных масс крестьянства. Так было и в весенние месяцы 1918 г. В докладе на заседании ВЦИК 23 февраля 1918 г. В. И. Ленин говорил о политической ситуации, приведшей к Брестскому миру: «На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение, и поражению надо уметь смотреть прямо в лицо. Да, революция шла до сих пор по линии восходящей от победы к победе, она теперь понесла тяжелое поражение».² Естественно, в подобный период было чрезвычайно важно знать психологию, настроения, особенности и противоречия мировоззрения различных слоев крестьянства.

И, наконец, отметим еще одну мысль В. И. Ленина. Чтение текстов Федосовой заставило его вспомнить «Николая Палкина» Л. Толстого и «Орину, мать солдатскую» Некрасова и указать на народное творчество как на один из источников русской классической литературы.

Итак, ленинская оценка творчества И. А. Федосовой³ ставит перед исследователем следующие задачи:

1. Показать историко-познавательную ценность ее творчества.

2. Изучить, как и какие настроения русского крестьянства второй половины 60-х гг. прошлого века выразила в своем творчестве И. А. Федосова; показать глу-

¹ «Сов. этнография», стр. 120. О цензурных изъятиях в текстах Федосовой, см. стр. 177.

² Соч., т. 27, стр. 26.

³ Следует помнить, что речь идет о мыслях В. И. Ленина, произведенных авторами воспоминаний по памяти. В то же время авторитетность источников и совпадение сообщаемых ими сведений дает возможность не сомневаться в достоверности зафиксированной ими оценки творчества И. А. Федосовой.

бину и значительность ее протеста против социальных порядков современной ей самодержавно-помещичьей России, протеста, поэтически обобщившего силу народного гнева и ненависти к поработителям.

3. Вскрыть историческую ограниченность мировоззрения и поэтического творчества Федосовой; показать пассивность, политическую незрелость и неосознанность выраженного в нем протеста.

4. Показать, какой отклик получили произведения И. А. Федосовой в русской литературе, как выраженные ею идеи и свойственные ей поэтические достижения через произведения русских писателей вливались в общенациональный фонд русской культуры.

5. Изучить особенности художественного мастерства И. А. Федосовой, позволившего с такой яркостью и силой выразить мировоззрение русского крестьянства второй половины XIX века.

* * *

Большая историко-познавательная ценность творчества И. А. Федосовой заключается прежде всего в том, что оно было поэтически обобщенным выражением идеологии русского крестьянства пореформенных лет. Ценность его раскрывается в связи с установлением сильного и многостороннего отражения в нем не только реальных событий, реальных классовых взаимоотношений и реальных черт крестьянского быта, но прежде всего самой идеологии крестьянства той поры. Социальный протест, получивший художественное выражение в творчестве Федосовой, созрел и развивался на путях, типичных для русского крестьянства второй половины XIX века, и нес на себе бремя характерной незрелости, противоречивости и политической несознательности.

Социальная острота и поэтическая сила текстов Федосовой обеспечили не только значительность ее воздействия на современную ей крестьянскую аудиторию, но и определили значительность ее вклада в историю русской культуры.

Большое историко-культурное значение имела и поездка И. А. Федосовой по России в 1895—96 гг. (Петрозаводск, Петербург, Москва, Нижний Новгород, Казань), во время которой она встречалась со многими передовыми деятелями русского искусства и культуры—А. М. Горь-

ким, Ф. И. Шаляпиным, Н. А. Римским-Корсаковым и др. Периодическая печать 90-х гг. сохранила память о 31 выступлении Федосовой в различных городах России. В эти же годы о выступлениях И. А. Федосовой было написано более 200 статей и заметок. Поэтическое мастерство Федосовой, с таким блеском описанное А. М. Горьким в очерках для «Нижегородского листка» и «Одесских новостей», и позднее в 1-й части «Клима Самгина», вызывало восхищение многотысячных слушателей, прочно входило в их сознание как образец высокого народного искусства, как свидетельство необычайной одаренности великого русского народа.

Федосова — одно из крупнейших явлений русского народного творчества прошлого столетия, сказительница, оставившая значительный след в истории русской культуры. Поэтому научное изучение ее творчества совершенно необходимо для выяснения того вклада, который был внесен русским трудовым народом в развитие русской культуры XIX века.

Творчество отдельных крупных сказителей изучается уже давно. Нельзя отрицать некоторых успехов в этой области. Однако методику этих изучений следует признать неудовлетворительной, не отвечающей элементарным требованиям марксистско-ленинской науки.

Дореволюционная буржуазная фольклористика не смогла подняться выше примитивных биографических «штудий», подменявших изучение мировоззрения сказителей учетом случайных и внешних изменений. В дальнейшем, уже в советское время, изучение творчества отдельных сказителей стало мыслиться как изучение «творческих индивидуальностей», т. е. изучение особенностей индивидуального стиля (манеры сказывания) того или иного сказителя. Само собой разумеется, что дальше самой общей классификации сказителей на «эпиков», «балагуров», «склонных к психологизации» или «увлекающихся развитием сюжетной интриги», эти изучения не пошли. Внеисторичность подобного рода классификаций и формалистическая их сущность теперь совершенно ясны. И тот и другой метод мало дали для построения марксистско-ленинской истории русского народного творчества.

Оба метода отрывали поэтическую деятельность мастеров народного творчества от традиции, вели к отрица-

нию коллективной природы народной поэзии, т. е., по существу, варьировали основные положения так называемой «исторической школы».¹

Народная поэзия — коллективное творчество народа, поэтому понять смысл и значение поэтической деятельности отдельного творца или исполнителя можно только, изучив идеологию и эстетику того коллектива, который этот сказитель представляет. Это не значит, что задача заключается в сведении индивидуального к традиции. Наоборот, задача, в конечном счете, заключается в том, чтобы уловить то новое, что изучаемый сказитель вносит в общую сокровищницу русского народного творчества, опираясь на опыт своих предшественников и современников, причем это новое должно быть раскрыто как поэтическое выражение идеологии, типичной для исторически определенной ступени развития русского крестьянства во всей ее сложности и полноте.

Вместе с тем мировоззрение исполнителя (или сказителя-творца) выражается не только в этом новом, внесенном именно этим исполнителем. Оно выражается всей системой поэтических образов и поэтических приемов, старых и новых, традиционных и созданных исполнителем. Поэтому неправильно было бы изучать мировоззрение того или иного мастера народного творчества, отмечая все воспринятое по традиции и выделяя только то, что создано впервые. При этом, разумеется, следует учитывать, что и мировоззрение любого представителя любой социальной группы в любую эпоху не возникает совершенно заново, а представляет собой сложное сочетание традиционного, унаследованного и возникшего вновь.

Три части, на которые делится настоящая работа, связаны между собой и определяют друг друга.

Цель первой части — по доступным источникам восстановить с возможной полнотой биографию И. А. Федосовой для создания фактической основы дальнейшего исследования. Вместе с тем, в первой части разрабатываются вопросы историко-культурного значения творчества народной поэтессы.

¹ См. например, на стр. 141—143 о речи главы «исторической школы» В. Ф. Миллера перед выступлением И. А. Федосовой на заседании Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском Университете в 1896 г.

Вторая часть — «Историко-социальная проблематика творчества И. А. Федосовой» — посвящена характеристике мировоззрения Федосовой. В третьей — речь идет о важнейших особенностях художественного мастерства народной поэтессы.

При подготовке настоящей работы, помимо печатных источников (книг, журналов и газет), был использован архив Е. В. Барсова, хранящийся в Государственном Историческом Музее в Москве, материалы некоторых других архивов и организован сбор воспоминаний об И. А. Федосовой.

* * *

Важнейшие произведения Федосовой — ее поэмы из крестьянской жизни середины XIX века — возникли на основе бытовой традиции причитывания.

Причитания как самостоятельный жанр, имеющий четкие и своеобразные общественно-эстетические функции, возникли еще в древней Руси. Об этом красноречиво говорят свидетельства древнерусских литературных памятников, начиная от летописей и «Слова о полку Игореве».¹

По аналогии со многими другими жанрами — былинами, песнями, сказками, пословицами и поговорками, — общерусский репертуар которых сложился в основном в пору формирования русского национального государства, можно предположить, что и поэтическая традиция причети с определенным запасом отстоявшихся, отшлифованных поэтических приемов и образов в основном сложилась в это же время. По крайней мере, ясно, что XVIII век застаёт эту традицию разработанной и богатой.

Чрезвычайно характерен также и процесс прогрессирующей утраты господствующими классами поэтической традиции причети. Если древнерусские летописи и жития свидетельствуют о том, что образы русской причети были близки и народным массам (основным ее творцам), и княжеско-дружинной среде, и, даже, среде духовенства,²

¹ См. В. П. Андрианова-Перетц, Очерки поэтического стиля древней Руси, М.—Л., 1947, гл. «Лирико-эпические» плачи в древней русской литературе», стр. 135—181.

² Следует оговориться, что мы имеем в виду бытовую близость образов и мотивов. В обрядном же плане церковь издавна стремилась к вытеснению «языческого» народного похоронного чина, перенесению центра его тяжести в церковь (книжники Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста и др.).

то для XVIII—XIX веков мы имеем прямо противоположные факты. Так, например, известно, что в 1715 г. Петр I запретил причитывать на похоронах Марии — супруги Федора Алексеевича.¹ И если самого Петра после его смерти оплакивали плакальщицы, то в дальнейшем мы подобных сведений уже не имеем.

Во второй половине XVIII века исчезновение причети из обихода господствующих классов делается все более и более заметным. Об этом свидетельствует, в частности, трактовка причитаний, данная в статьях на бытовые и фольклорные темы, публиковавшихся в 1760-е гг.

В 1769 г. в апрельской книжке журнала «Трудолюбивая пчела» появилась статья одного из виднейших писателей середины XVIII века А. П. Сумарокова «О неестественности». В этой статье Сумароков называет причитания — «дурацкими песнями»; он озабочен тем, чтобы они окончательно исчезли из дворянского обихода. Двумя годами раньше, в 1767 г., в «Ежемесячных сочинениях» появилась статья писателя и ученого Г. В. Козицкого «О плаче над мертвыми древних греков и других языческих народов» — первая научная статья о причитаниях в русской литературе. Примечательно, что Козицкий не упоминает русских причитаний.

Для XIX века характерно все убыстряющееся исчезновение их из дворянского и купеческого быта. Трудно представить, например, чтобы в среде «господ Головлевых» могли искренне звучать волнующие строки народной причети. Для Головлевых значительно типичнее отношение к смерти близкого человека, запечатленное в сцене последнего свидания Иудушки с братцем Павлом (см. гл. «По-родственному»), как для русской буржуазии середины XIX века типична ситуация, описанная в стихотворении Н. А. Некрасова «Секрет». Смерть «ближнего» и для тех, и для других — прежде всего момент раздела его имущества.

Что же представляет собой причеть?

В дореволюционной бужуазно-либеральной фольклористике было принято считать причитания жанром обря-

¹ Петр писал: «Желая истребить непристойный суеверный обычай выть, приговаривать, рваться над умершим, занеграждайше приказал, чтобы никто, как над умершею царицею, так и над всеми прочими не издавал такого непристойного вопля» — см. «Русские простонародные праздники», 1837, вып. 4, стр. 120.

довой народной поэзии. Такое понимание непозволительно сужает широкую область устной народной поэзии, которая в крестьянском быту связывалась с названием «причитания» («причети», причёта», «вопа» и т. д.).

Как показывают исследования советского времени, под причетью следует понимать элегические импровизации (создававшиеся женщинами), не имевшие устойчивого текста («причёт сам на ум течет»), возникавшие в связи с печальными, скорбными, трагическими событиями в крестьянском быту (пожар, неурожай, голод, семейные неурядицы, социальный гнет, тяжесть положения сироты или вдовы, сочувствие горю близкого человека, свадьба, проводы в солдаты, смерть).¹

Причеть была несомненно одним из важнейших жанров устной поэзии угнетенного крестьянства. Она звучала в самые трагические моменты жизни крестьянина, когда обнажались все тяготы и противоречия и особенно ясным становился ужас подневольного существования, когда умолкала веселая песня и занимательная сказка. В причети крестьянка выплакивала свои горести, выражала гнев по отношению к виновникам несчастий. Постоянная взволнованность творцов и исполнителей причитаний помогала отыскивать наиболее выразительные поэтические средства для раскрытия чувств и переживаний. Поэтому причитания, несмотря на обычное отсутствие прямой эстетической цели у ее творцов, представляют собой значительную художественную ценность, являются жанром, в котором (наряду с другими жанрами) с большой силой проявился поэтический дар русского народа.

Причитывающая женщина уясняла себе и своим слушателям смысл и причины произошедшего и говорила о возможных последствиях. При этом лучшие мастера причети поднимались до больших обобщений, будили в на-

¹ См. на уход сыновей — М. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922, №№ 25 и 27; по сыну, увезенному на лечение, — М. Михайлов, Русские плачи Карелии, Петрозаводск, 1940, № 85; после пожара — там же № 9; на зимнем ужбище наваг — там же № 17; вдовы на сенокосе — там же № 18; об оливокой доле — там же № 39; на расставание с невесткой — В. Базанов, Поэзия Печоры, Сыктывкар, 1943, стр. 29; См. также «Затюремная припляс в Нигижме» (Зап. Н. Шайжина), Олон. губ. вед., 1903, № 48; на объявление войны (зап. Н. Н. Ярославлева), Архив Р. Г. О., Разряд 25 № 24 и др.

роде ненависть к действительным виновникам народных несчастий.

Само собой разумеется, что причитания любой эпохи, так же, как всякий другой жанр, не могут характеризовать все стороны идеологии крестьянства этой поры. Поэтому, говоря о причитаниях, нельзя забывать о том, что русским трудовым народом были созданы в прошлом и песни о Разине и Пугачеве, и песни казачьей вольницы, и удалые бурлацкие и «разбойничьи» песни, и веселые плясовые частушки, и волшебные сказки, в которых в своеобразной поэтической форме нашли свое выражение чаяния и ожидания народные. Именно поэтому В. И. Ленин в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем указывал на необходимость изучения причети в тесной связи с другими жанрами русского народного творчества (см. выше стр. 9). Только тогда станет понятной мысль, высказанная В. Г. Белинским о русских лирических песнях, которую можно с полным основанием отнести и к причитаниям: «Грусть у него (у русского человека—К. Ч.) не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодчества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой».¹ Значительное развитие причитаний, так же как грустная тональность большинства народных лирических песен—историческое свидетельство невыносимой тяжести жизни русского трудового народа в прошлом. В статье о Федосовой А. М. Горький писал, что «стон» ее полон «страшной боли», «силы страшной, рвущей сердце тоски». Вместе с тем «стон», выраженный в причитаниях, писал далее Горький, полон общественного содержания, это тот стон, который «создал наш народ, наша стомиллионная масса».²

В отличие от «протяжных» песен причитания не имели устойчивого текста и ясно выраженной фабулы; чувства исполнительницы выражались в них непосредственно при помощи более или менее определенного круга отработанных поэтических образов (сложившихся словосочетаний), употребление и выбор которых для каждого случая были индивидуальными. Если исполнительница «протяжной» песни выражает свои чувства в самом способе исполнения песни, в выборе песни, подходящей к ее душевному состоянию, то создательница причети формирует ее в зави-

¹ Полн. собр. соч., т. VI, СПб, 1903, стр. 477.

² См. «Нижегородский листок», 1896, № 159 (11 июня).

симости от своей потребности, опираясь на поэтический опыт своих предшественниц.

Свадьба, которую А. М. Горький называл «гражданской смертью женщины», проводы мужа, отца или брата в солдаты и смерть близкого человека — три важнейшие скорбные события, которые переживала в прошлом в своей жизни каждая крестьянка и которые перестраивали всю ее жизнь, были источниками целого ряда несчастий, выпадавших на ее долю. Повторяемость этих событий в жизни деревни и возникновение на этой почве устойчивых и разработанных обрядов создавали и устойчивость определенных видов причитаний — свадебных, рекрутских и похоронных. В этих случаях причитания — не только само причитывание, но и темы, образы, лексика причети — становились ритуально-обязательными моментами обряда, создавалась традиция, оказывавшая большое воздействие на развитие поэтики всей причети и обрядовой и внеобрядовой (которая иногда называется «бытовой» причетью).

Дореволюционная фольклористика, изучавшая по преимуществу обрядовую причеть, из трех ее видов особенно интересовалась причетью похоронной, настойчиво отыскивая в ней мифологические представления о смерти (как о мифологическом существе) и религиозные элементы (представления о загробном мире), обычно игнорируя общественное и бытовое содержание причети. Между тем значительную ценность составляет именно ее бытовое содержание, передающее живые черты происшествия, в связи с которым она возникла.

Различные виды обрядовой и необрядовой причети тесно переплетались между собой. Основа этого явления — в самой природе причети. Внешняя композиция ее очень проста. По меткому народному определению, обычная причеть состоит из «заплачки» и «обидных стихов». ¹ «Заплачка» — это горестный рассказ о происшествии; «обидные стихи» — сования о горькой доле причитывающей, выражения предчувствия надвигающейся беды, плач о себе, своем сиротстве, своей доле. ² «Обидные стихи» за-

¹ См. И с т о м и н, Экспедиция для собирания русских народных песен с напевами, Олон. Губ. Вед. 1887, № 55.

² Эта черта причети была подмечена еще Н. Г. Чернышевским и привлекалась им для обоснования т. наз. «теории разумного эгоизма» (см. «Антропологич. принцип в философии», Полное собр. ещ., т. 7, ГИХЛ, М., 1950 стр. 283).

нимают центральное место в большинстве причитаний, они насыщены живым, конкретным бытовым содержанием. Так, например, в похоронных причитаниях оплакивается и смерть близкого и горькая доля оставшихся в живых. В обрядовой причети «заплачка» обычно сосредоточивала в себе ритуально-обязательные мотивы. «Обидные стихи» импровизировались, здесь привычные образы использовались и располагались в последовательности, которая определялась конкретными обстоятельствами. Поэтому и обрядовая причеть могла включать в себя все элементы причети внеобрядовой, состоявшей, в основном, из «обидных стихов» и импровизированной (а не традиционной) «заплачки».

Обрядовая причеть (похоронная, рекрутская, свадебная) не была чем-то однородным. Каждый из этих обрядов включал в себя не одно причитание, а целую цепь текстов, связанных своим содержанием и системой образов с различными моментами обряда.¹

Поэтическая система причети связана вовсе не с магической стороной обряда, не с мифологическими представлениями о смерти, как особом существе, о потустороннем мире и т. д., как утверждала буржуазно-либеральная наука, а с потребностью горящей выразить свои скорбные чувства. Имеющиеся же в причитаниях мифологические представления (Смерть, Горе-Доля и др.) используются, обычно, как материал для создания поэтических образов, выражающих чувства овдовевшей (осиротевшей) солдатки и т. д. Несмотря на многовековое давление церковной идеологии в основе поэтики причитаний лежат стихийно-материалистические представления. Характерно, что никаких более или менее развитых представлений о «загробном мире» никто из многочисленных исследователей этой стороны причети не мог из нее извлечь. Для того, чтобы пойти дальше самого общего представления о «дорожке муторсливой», большинство исследователей вынуждено было прибегать к дополнительным показаниям самого обряда и повторять из статьи в

¹ См. обзор мотивов причети связанных с отдельными моментами обряда в статье Г. С. Воевогорова в кн. «Русские плачи Карелии», Петрозаводск, 1940, стр. 9 сл.

статью одно утверждение о вере народа в физическое продолжение жизни после смерти и т. д.¹

Не подлежит сомнению, что теснейшая связь причети с бытом, со всею жизнью крестьянства не могла не вызывать постоянные изменения в содержании как внеобрядовых, так и обрядовых причитаний, а эти изменения не могли не влиять, в свою очередь, на всю поэтическую систему русской причети в целом. Однако теоретическая ясность этого вопроса вместе с тем мало облегчает практическое его разрешение. От XVIII века и первой половины XIX века дошло до нас крайне мало текстов. Разрозненные свидетельства о бытовании причитаний и столь же разрозненные записи не дают, разумеется, возможности восстановить с необходимой полнотой картину последовательного развития причитаний в этот период.

Как уже говорилось, XVIII век застаёт причеть сложившейся, богатой и разработанной. Об этом свидетельствует чрезвычайно содержательная и яркая бытовая зарисовка, принадлежащая перу А. Н. Радищева, и сведения, имеющиеся в упоминавшейся статье А. П. Сумарокова «О неестественности». В выдающемся литературном памятнике XVIII века «Путешествие из Петербурга в Москву», в главе «Городня» Радищев дал реалистическую зарисовку проводов рекрутов в крепостной деревне. Приведенный Радищевым прозаический пересказ двух рекрутских причитаний интересен во многих отношениях, но прежде всего он замечателен тем, что воспринимается в органической связи с той потрясающей по своей силе общей картиной крепостного рабства, которая нарисована Радищевым в его книге. Причитания крестьянок Городни звучат особенно выразительно потому, что читателю «Путешествия» совершенно ясно, на какой социальной и психологической основе они возникают. Не случаен и сам выбор именно рекрутского причитания. XVIII век сыграл, повидимому, огромную роль в развитии именно этого вида русских причитаний. Именно с XVIII века входит в быт русского крестьянства рекрутчина, введенная Петром и развитая его преемниками. С начала XVIII века ведет

¹ Характерно, что авторы этих статей для характеристики народных представлений о «плотутороннем мире» совершенно не привлекли такие замечательные документы как «Газету с того света» («Ведомость из ада»), в которой велась речь о загробных карах, уготованных угнетателям народа.

свое начало долгосрочная пожизненная (позднее 25-летняя) солдатская служба, т. е. сложилась та почва, на которой исторически возникает обряд проводов рекрута, одним из моментов которого была рекрутская причет.

Кроме того, с середины XVIII века рядом указов Петра III и Екатерины II (1760—1765 гг.) помещикам было присвоено право внеочередной сдачи в рекруты «провинившихся» крестьян, а крестьянам было запрещено жаловаться на своих помещиков. Вместе с тем почти непрерывные войны, которые велись в XVIII веке, влекли за собой систематически учащавшиеся рекрутские наборы.

В «Городние» Радищев рисует три типа рекрутов своего времени — из государственных крестьян (по разверстке старосты), крепостного интеллигента (сданного в солдаты в наказание за «непослушание») и из крепостных крестьян (без всякой вины проданных помещиком в зачет рекрутов, потому что ему «запонадобилися» деньги на новую карету). Причитания, пересказанные Радищевым, оплакивают уход в солдаты государственного крестьянина. Характерно, что Радищеву запомнились не «общие места», а именно бытовая часть причети — «обидные стихи». Мать рекрута предугадывает ужасные для себя последствия ухода сына в солдаты. Приведенный Радищевым отрывок причети дает возможность восстановить конкретные обстоятельства проводов. Двадцатилетний рекрут, — повидимому, единственный сын рано овдовевшей и надорвавшей свои силы крестьянской женщины («старуха лет пятидесяти»). С его уходом рушится последняя надежда. Сын сдается в рекруты внезапно и накануне женитьбы, уже помолвленным. Мать предвидит полное запустение хозяйства («поля наши порастут травой, мохом наша хижина») и ожидающее ее нищенство («я бедная престарелая мать твоя должна скитаться по миру»). Не менее скорбна судьба просватанной, которая чувствует себя ни невестой, ни мужней женой, ни вдовой. Ей предстоит по распространенному крестьянскому обычаю остаться «вековухой». Она считает виновниками всех несчастий «бесчеловечных старост» — черта, чрезвычайно характерная именно для государственных крестьян — крепостных самого большого на Руси помещика (помещичьего государства), которым была свойственна меньшая, по сравнению с помещичьими крестьянами, ясность понимания социальной действительности. Следует

помнить, что даже в годы наибольшего размаха пугачевского движения значительная часть крестьян после расправы с помещиками своего уезда, своей губернии считала свою задачу выполненной и расходилась по домам; крестьяне (особенно государственные) сравнительно редко преодолевали стихийные формы протеста и поднимались до обобщенного представления о классовом враге; виновниками своих несчастий они считали ближайших угнетателей — плохого помещика, плохого старосту, в конечном счете, плохого царя, не теряя веры в хорошего царя, помещика, старосту и т. д.

Разобранный выше пересказ двух рекрутских причитаний из «Путешествия из Петербурга в Москву» несомненно основан на реальных бытовых наблюдениях писателя. Примеры эти особенно ценны для изучения причети, т. к. получили в книге Радищева всестороннее социальное истолкование.

Наше представление о темах, содержании и отчасти поэтических образах рекрутской причети XVIII века и первой половины XIX века может быть несколько расширено привлечением ряда солдатских и исторических песен, сюжеты которых связаны с причитаниями, возникавшими в связи с определенными историческими событиями. Так, например, в известной песне о петровских новобранцах на Воробьевых горах рассказывается о том, как причитывали солдаты о тяжести солдатской службы под началом командиров — «немчинов».¹ В обширном цикле солдатских песен петровской эпохи о сборах полков на шведскую войну, о сборах армии Шереметьева, о сборах в поход солдат Преображенского полка и др. рассказывается о прощании солдат с родными и близкими и неизменно приводятся слова причитывающих, звучащие прямыми цитатами из рекрутских причитаний.²

Прямые переключки с поэтикой причети обнаруживаются в песнях о солдатчине, не связанных с конкретными историческими событиями. В текстах, записанных в конце XVIII века, она не менее отчетлива, чем в более поздних записях. Так, в песеннике 1780 г. содержится не-

¹ См. Песни, собр. П. В. Киреевским, М., 1872, вып. 9, дополнения стр. 5—6.

² Там же, вып. 8, стр. 118—119, 224, 119—120, 221; вып. 9, дополнения стр. 6—14 и др.

сколько подобных песен (см. напр. песню «Не былинушка в чистом поле зашаталася», перепечатанную Соболевским, т. 6, № 395 и др.).

Связь солдатской и рекрутской причеты и солдатской песни не случайна. Близость тематики и основных идей тех и других позволяет говорить о параллельном возникновении в Петровскую эпоху и дальнейшем параллельном развитии этих жанров, в истории которых XVIII век, совершенно очевидно, сыграл крупнейшую роль. С другой стороны, несомненно, что к концу XVIII века уже вполне сложился основной круг поэтических средств, характерных как для рекрутской причеты, так и для солдатской песни и известных по записям XIX века. Названные выше песни и очерк Радищева свидетельствуют о том, что основное направление развития и той, и другой наметилось уже в петровское время. Возможно, что самое острое антикрепостническое содержание рекрутская причета обрела в третьей четверти XVIII века, после упомянутых выше указов Екатерины, в пору назревания крестьянской войны, вспыхнувшей в 70-е гг. этого столетия.

По вполне понятным причинам до нас почти не дошло текстов, содержащих прямые антикрепостнические мотивы. Характерно, например, что Николай I, просматривая рукопись «Истории Пугачева» А. С. Пушкина, вычеркнул интереснейшее предание о причитании матери Степана Разина над рекой Яик, которое связывалось исполнителями с пугачевским движением. Царь написал на полях: «Лучше выпустить, ибо связи нет с делом».

Некоторое представление о причитаниях, бытовавших в крепостной деревне, дают такие рукописные документы XVIII века, как плач крепостного кн. Н. С. Долгорукова.¹ Автор этого плача был грамотным человеком, крепостным живописцем одного из крупнейших русских помещиков XVIII века. Плач его почти не содержит традиционных мотивов — это свободная импровизация; вместе с тем связь поэтической манеры одаренного крепостного с бытовыми «обидными стихами» несомненна. В плаче

¹ Текст найден был в деле о бегстве крепостного и опубликован впервые в «Нижегородском сборнике» (1890) в статье Снежневокого о беглых крепостных. Перепечатан в ст. Т. А. Мартемьянова «Крепостное право в народной словесности», Ист. Вестник, 1906, сентябрь, стр. 867.

крепостного поэта рисуется горькое холопье житье, капризы и привередничество Долгорукова, которых не смог вынести сознавший свое человеческое достоинство живописец и от которых он в 1787 г. бежал в Швецию. Вместе с тем импровизация крепостного живописца автобиографична — это горестные сетования о своей доле, и поэтому совершенно неправы исследователи, называвшие ее вслед за Т. А. Мартемьяновым песней. Автор ее излагает факт за фактом из своей жизни, не поднимаясь до обобщений, не вскрывая типичности своей судьбы.

Ох, как был-то я, добрый молодец, во неволюшке,
Во неволюшке в доме господниим.
Служил-то я своему князю верой-правдою
Уж тому князю строгому
Князю Николаю Сергеевичу Долгорукову.

Крепостной поэт не решается поднять голос против крепостничества в целом, он возмущен теми жестокостями, которые допускал его барин, несмотря на то он служил ему «верой-правдою». Долгоруков «без резону гневался», «без вины наказывал», запретил дворовым «по ночам гулять, в хоровод ходить», а главное стал крепостного живописца «склонять во масонню, во масонню — веру проклятую». Отказ живописца перейти в «веру проклятую» взбесил князя, и он велел заковать его в кандалы. Только тогда он гулять пошел

На чужую дальню сторону,
Что во ту ль землю шведскую...

Широкое развитие причитаний самых различных видов в крепостной деревне XVIII — первой половины XIX века, в которые органической частью входили антикрепостнические мотивы, не подлежит сомнению. Об этом говорят приведенные уже выше материалы. Можно указать еще на целый ряд лирических песен крепостнической эпохи, в которых, подобно солдатским песням, либо отразились мотивы бытовых причитаний, либо причитывание легло в основу сюжета этих песен. Так, например, в песне, записанной в середине XIX века в Тульской губернии и опубликованной П. В. Шейном, говорится о том, как плачет девушка («Слезамн-то горячими весь сад затоплю, причетами горькими живот-сердце иссушу»), семья которой разрушена злой волей крепостника.

.....Батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большого-то брата в солдаты куют,

А среднего-то брата в лакеи стригут,
А меньшего брата в прикащики.¹

Любопытное свидетельство о тематике бытовых причитаний крепостной деревни содержится в «Путешествии критики» С. фон Ф.,² испытавшего на себе сильное влияние «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. Во втором письме автор рассказывает потрясшую его историю продажи крепостных промотавшимся и проигравшимся в карты помещиком фабриканту за три тысячи верст. «Проигравшись кругом до последней нитки, — рассказали автору крестьяне, — вздумал за ум схватиться: хочет, видно, долги-то кое-кому заплатить: так по зиме-то лятнадцать человек продал в рекруты. А ныне поднялся на новые фигли, всех до одного молодых-то ребят пере хватал, сковал в железы — да и карауль мы же деток-то своих».³ С. фон Ф. приводит здесь же краткий пересказ причитания по одному из проданных крепостных («Родимый ты наш братец! На кого же нас покидаешь? Кто нас будет поить, кормить? Без тебя натерпимся мы холоду и голоду...» и т. д.). С фактом, рассказанным С. фон Ф., перекликается записанный уже в советское время А. М. Астаховой случайно сохранившийся плач по крепостной, сдававшейся из деревни в барскую дворню,⁴ который, как и причитание в «Путешествии критики», относится, повидимому, к первой половине XIX века. Отзвуки антикрепостнических причитаний звучат и в известном памятнике крестьянской литературы XVIII века «Плаче холопов», выразившем настроение крепостных преддугачевской эпохи. Автор его был несомненно человеком грамотным, в его поэтическом стиле сплетаются приемы народного райка и причитаний с книжными оборотами то силлабических виршей, то сатиры сумароковской школы. Для

¹ Русская старина, 1886, февр., стр. 489—490. Аналогичную песню см. тут же, № 1, 4 и др., в сб. Киреевского, новая серия, ч. 2, стр. 265 и др.

² Как сообщает В. Н. Орлов в кн. «Радищев в русской литературе» (Изд. 2-е, Л., 1952, стр. 115), М. А. Шнейерсон в неопубликованной работе «К вопросу о литературном наследии Радищева» установила, что автором «Путешествия критики» был С. К. фон Ферельит.

³ «Путешествие критики», Издательство Московского университета, 1951, стр. 26—31.

⁴ См. альманах «Год 20-й», М., 1937, стр. 384.

нас особенно интересно то, что автор для выражения своих антикрепостнических воззрений избрал именно форму бытового плача, хотя и не придерживался сколько-нибудь последовательно его обычной, традиционной поэтики. Этот факт уже сам по себе свидетельствует о том, что горестные размышления о крепостной доле легко ассоциировались в сознании автора с причитаниями, несомненно много раз слышанными им из уст крепостных воплений. Вместе с тем автор «Плача холопов» поднимается до широкого социального обобщения, он смело восстает против всей системы крепостнических порядков, хотя и не в силах еще придти к прямым революционным выводам. В конце стихотворения он склоняется к пассивному отчаянию.

Генетическая связь с причитаниями ощущается с такой же силой и в целом ряде аналогичных текстов, созданных поэтами из народа в XVIII веке («Прошение в небесную канцелярию», «Челобитная богу от крымских солдат» и др.) и дошедших в немногих рукописных списках.

С наибольшей силой крестьянские антикрепостнические настроения XVIII века и первой половины XIX века выразились в причитаниях, связанных с народными движениями этой поры. До нас дошли некоторые тексты, относящиеся ко времени крестьянской войны, возглавленной Е. И. Пугачевым. Эти тексты дают некоторое представление о характере причитаний, бытовавших в связи с этим крупнейшим событием XVIII века. Нельзя не признать чрезвычайно характерным, что ни известные тексты причитаний, ни песни о Пугачеве и пугачевцах, в противоположность разобранным выше солдатским песням, не содержат ни мотивов проводов восставших из деревень, ни мотивов причитаний перед сражением. Уже это одно свидетельствует о силе классовой ненависти к помещичьему строю, которая вдохновляла пугачевцев в их борьбе. Единственная известная нам песня, связанная с началом восстания и содержащая в себе отзвуки поэтики причитаний (преимущественно рекрутских), — «Как за барами житье было привольное», — представляет собой образец преодоления пассивных сетований, использования мотивов

вов причети для создания песен гнева и классовой ненависти.¹

Большинство текстов причитаний и их отзвуки в песнях связаны с поражением крестьянской войны, с царской расправой над восставшими. В замечательном фрагменте, записанном в советское время, но несомненно возникшем в 70-е гг. XVIII века и бытовавшем впоследствии наряду с другими песнями о Пугачеве, содержатся строки:

Емельян ты наш родной батюшка!
На кого ты нас покинул?
Красное солнышко закатилось...
Как остались мы, сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...²

Не менее интересный, полный глубокого исторического значения фрагмент причитания был записан А. С. Пушкиным. Фрагмент этот был составной частью легенды, своим содержанием объединившей «разинщину» и «пугачевщину». В ней рассказывалось о том, как после поражения под Татищевой и отступления Пугачева по рекам плыли трупы убитых. «Жены и матери стояли у берега, — пишет Пушкин, — стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей».³ В примечании к этому эпизоду поэт сообщает: «В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли мое детище? Не ты ли, мой Степанушка! Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп».

Сюжетом ряда песен о Пугачеве и пугачевцах явилось причитывание по поводу поражения или пленения сторонников Пугачева правительственными войсками, смерти Пугачева и т. д. («Из-за леса, леса темного», «Ходил-

¹ Названная песня, известная по сб. Н. Л. Бродского «К воле. Крепостное право в народной поэзии» (стр. 73—74), в советское время была записана в новом варианте, свидетельствующем об ее связи с движением Пугачева (см. Лозанова А. Н., Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье, Куйбышев, 1947, стр. 3).

² Записано А. Н. Лозановой в 1930 г. в Нижнем Тагиле от В. Н. Петровой, см. сб. А. Н. Лозановой «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», 1935, стр. 186.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., М., 1936, т. 5, стр. 374.

то я, добрый молодец, по чисту полю» и др.). Во всех этих песнях активно используются мотивы причеты, особенно в строках, которые вкладываются в уста причитывающих героев («На кого ты нас спокинул», «Мы не чаяли невзгодушки», обращение к стихиям и пр.).

Итак, сохранившиеся фрагменты причетей, отзвуки причетей в солдатских, лирических и исторических песнях, пересказы причитаний в произведениях художественной литературы, наконец, крестьянские стихотворные произведения, созданные грамотными крепостными на основе причитаний, дают возможность составить некоторое представление об основных линиях развития русской причеты крепостнической эпохи (XVIII — первая половина XIX века). Не подлежит сомнению, что XVIII век сыграл крупнейшую роль в развитии рекрутской причеты, возникавшей и формировавшейся в тесной связи с рекрутскими и солдатскими песнями. Обострение крепостного гнета, особенно с середины XVIII века и по мере приближения к 60-м годам XIX века, было почвой для значительного развития, распространения и углубления бытовой причеты крепостной деревни с антикрепостническими мотивами, выражающей как сильные, так и слабые стороны крестьянского мировоззрения. Крестьянская война, возглавленная Е. И. Пугачевым, ее поражение и расправа над пугачевцами была одним из важнейших этапов эволюции антикрепостнической причеты, развивавшейся параллельно с народными песнями этой поры — песнями гнева и классовой ненависти.

Если дошедшие до нас материалы дают возможность только в самых общих чертах, только в целом представить приблизительный круг тем причеты крепостнической эпохи, то для изучения художественных особенностей причеты этой поры их совершенно недостаточно. Мы можем исходить только из общего представления о том, что XVIII век застаёт поэтику русской причеты уже развитой, богатой, в основном, уже сложившейся. Вопрос же о том, какова была ее эволюция в XVIII и в первой половине XIX века до обнаружения новых и значительных материалов не может быть выяснен. В настоящее время данные, анализированные выше, могут быть лишь незначительно дополнены привлечением текстов некоторых лирических песен, не связанных с какими-либо историческими событиями, но записанных и опубликованных в

XVIII и начале XIX века. Мы имеем в виду, главным образом, лирические песни о смерти возлюбленного, тюремные песни и др. Уже в цитированных фрагментах и песнях мы не раз встречались с образами, известными нам по записям причитаний второй половины XIX и XX веков. (Смерть — закатившееся солнце; смерть — отправление в преждевременный путь до теплого лета, до солнца; изображение трудности солдатской жизни при помощи развернутого сопоставления: постель — мать сыра земля, «изголовьице» — корни деревьев, «умываньице» — дождь, «утираньице» — трава; характерный призыв к стихиям — ветру, солнцу и т. д. — раскрыть могилу, расколоть «гробову доску», оживить покойника и т. п.). Несмотря на скудность сведений, можно сказать вполне определенно, что в причитаниях XVIII и первой половины XIX века, так же, как и в позднейших, преобладали вопросительно-восклицательные конструкции, причем несомненно уже сложился целый ряд устойчивых традиционных вопросов (на кого ты нас покинул? не вернешься ли назад? куда ты отправляешься? как нам жить без тебя? кто о нас подумает? и т. д.).

Лирические песни, записанные в XVIII веке, не приуроченные к определенным событиям и имеющие мотивы, сходные с мотивами причитаний, подтверждают сказанное выше. Так, в песнях «Ты рябинушка, ты кудрявая» и «Как во городе да Санк-Питере» используется мотив, типичный для надмогильной причеты («Вы завейте, ветры буйные»). Например, в первой из них:

Потяните вы, ветры буйные,
Что со той стороны северной,
Вы развеите мать сыру землю,
Вы раскройте гробову доску,
Вы пустите меня проститься
И в последний раз поклониться.

Некоторые песни дают возможность выявить и другие типичные образы причеты, т. е. подтверждают их наличие уже в традиции XVIII века. Так, например, в песне «Отлетает мой соколик из очей, из глаз моих», заимствованной Соболевским из рукописного листка XVIII века (т. 5, № 518), развивается мотив «портрета» в типичном соединении с надмогильным плачем; песня «Близ зеленые дубравушки» подтверждает существование в XVIII веке так называемой «затюремной припечи», известной

по более поздним записям (т. 6, № 499, 500 и др. из песенников XVIII — начала XIX века).

Дополнительные свидетельства о бытовании причитаний в первой половине XIX века обнаруживаются и в ряде произведений художественной литературы, особенно 30—40 гг., когда судьбы народа, его жизнь, обычаи, психология были в центре внимания передовых русских писателей. Пушкин, Гоголь, Григорович неоднократно изображали причитывание как распространенное бытовое явление, как обычного спутника напряженных трагических моментов жизни крестьян, пользовались мотивами причети для углубленного раскрытия тяжести жизни русского трудового народа.¹ Поэтические достижения причети пытались использовать в своих целях и реакционные писатели (Ф. Булгарин, Б. Федоров, Ф. Кузьмичев). Так, например, в одной из повестей «серобумажного», как называл его В. Г. Белинский, Ф. Кузьмичева приводится большой по объему «плач старухи», который представляет собой пересказ действительной народной причети, однако нарочито и густо приправленный искусственными вставками, содержащими восхваление, якобы, «широкой и обильной» жизни крепостных, влюбленных в начальство и смиренно молящихся богу.²

Во второй половине XIX века число и качество записей резко возрастает. Уже в 60—70 гг. причеть включается в число наиболее активно собираемых и изучаемых жанров.³ Вокруг причети, особенно вокруг творчества

¹ См. Пушкин, «Борис Годунов» — причитание Ксении над портретом умершего жениха (особенно черновой вариант); «Капитанская дочка» — причитывание капитаном Мироновой над трупом мужа; «Тазит» — о похоронном обряде адехов; «Путешествие в Арарум» — причитывание у осетин и т. д.; Гоголь, «Страшная месть» (гл. 9); Григорович, «Четыре времени года» (гл. 7), «Кошка и мышка» (гл. I) и др.

² «Ф. Кузьмичев, Плач на кладбище или сельская девушка, М., 1835, стр. 8—13.

³ См. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. III, «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым», т. I—III, 1872—1885 (записи начаты в 1867); П. Чубинский, Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-русский край, т. IV, 1877, стр. 700 сл. и др. Библиографию важнейших публикаций последующих лет см. Н. П. Андреев и Г. С. Виноградов, Русские плачи (причитания) в сер. «Библиотека поэта», М.—Л., 1937, стр. XXXV—XXXVI и Г. С. Виноградов, Крестьянская причеть в новых записях; в кн. М. М. Михайлова, Русские плачи Карелии, Петрозаводск, 1940, стр. 4—20.

крупнейшей ее исполнительницы — талантливой народной поэтессы XIX века И. А. Федосовой, разворачивается живая литературно-общественная борьба. Собиратели и исследователи консервативного и буржуазно-либерального лагеря стремятся истолковать причет как архаический обрядовый жанр, дающий богатый материал для мифологических и религиозно-мистических штудий (Веселовский, Бычков, Браиловский и т. д.). Представители демократической науки видят в причети творчество современного им крестьянства. Они ищут и ценят в причети выразительные картины социального гнета, черпают из нее сведения о жизни, психологии, мыслях и идеях крестьян, особенно крестьянской женщины (Рыбников, Некрасов, Горький и др.).

Во второй половине XIX века и в начале XX века записано несколько сотен текстов, содержащих десятки тысяч строк. Известны записи причитаний из самых различных уголков России — из Тульской, Пермской, Владимирской, Иркутской и др. губерний. Однако, наиболее богатые в поэтическом отношении записи дал так называемый «русский Север», особенно бывшая Олонецкая губерния. Середина XIX века застаёт причет развитой и отработанной в каждой из этих областей, причем, если различие «областных школ» сказывания былин, сказок, особенно лирических песен обнаруживается лишь путем детального сравнительного анализа, то различие типов причети отдельных районов устанавливается очень легко. Так, например, даже в пределах бывшей Олонецкой губернии легко различимы заонежская, пудожская и поморская причет; они отличны по запасу основных поэтических образов и приемов, ритмике, композиционной структуре, по соотношению лирических и повествовательных элементов и т. д.

Эта особенность причети легко объяснима. Причет — бытовой жанр, ее исполнительницы — женщины — обычно были значительно более связаны с местным бытом, редко покидали границы своей волости. Таким образом, в причети, в путях ее развития нашла свое отражение характерная бытовая патриархальная замкнутость дореволюционной русской деревни. Несомненно, что по мере развития капитализма, по мере социального разложения деревни и характерного для нее натурального хозяйства все более и более стирались различия «областных школ».

доставшихся в наследство от эпохи феодализма. Однако этот процесс протекал для каждого жанра различно. Причеть была в этом отношении одним из наиболее устойчивых жанров.

Значительная активность бытования причитаний в эту пору была прямым отражением тяжести народной жизни. Усиление политического и экономического гнета в эпоху капитализма не могло не способствовать активности бытования причитаний, как обрядовых, так и внеобрядовых. С другой стороны, усиление гнета рождало все новые и новые формы протеста. В то же время сам факт выражения протеста наряду с другими жанрами и в жанре причитаний свидетельствовал о характерной противоречивости крестьянского сознания, а вместе с тем о противоречивости процесса развития причитаний.

Основным в этом процессе было дальнейшее значительное расширение социально-бытового содержания причитаний, углубление в них картин тяжести народной жизни, обострение мотивов социального протеста, постепенная выработка социальных обобщений, свидетельствующая о революционизировании сознания широких слоев крестьянства и особенно его беднейшей части. Усиление социальных мотивов обуславливало, вместе с тем, и ускорение процесса преодоления архаических элементов, особенно характерных для обрядовых свадебных, похоронных и рекрутских причитаний. Рамки старой причети начинают становиться тесными. В творчестве лучших мастеров причети и наиболее чутких выразителей настроений пореформенного крестьянства причеть перерастает порой в импровизированную социально-бытовую поэму, сохраняя только самую общую поэтическую связь с обрядовой причетью. Так было и в творчестве И. А. Федосовой, которой посвящена настоящая работа.

Следует иметь в виду, что опубликованные записи, как указывал на это В. И. Ленин, подверглись определенному отбору собирателей, издателей и официальной цензуре. Большинство собирателей основным в причитаниях считало мифологические элементы, игнорировало тексты с бытовым содержанием, наиболее острые тексты не пропускала цензура.¹

¹ См. ниже о цензурных выдержках в сборнике Е. В. Барсова.

В этом смысле любопытные свидетельства о характере основных процессов эволюции причитаний содержатся в ряде печатных выступлений церковников. Усиление социальных, в том числе и антицерковных мотивов, дальнейшее развитие стихийно-материалистических элементов и постепенное преодоление ряда суеверий вызывало тревогу среди реакционного духовенства. Об этом говорят многочисленные факты борьбы попов с исполнительницами причитаний,¹ многочисленные статьи, «исследования» и инструкции церковников о причитаниях.² Церковники с неудовольствием отмечают, что причитывающие слишком много сетуют по поводу земных, «суетных дел», вместо того, чтобы с христианским умилением приобщаться к церковному таинству погребения или бракосочетания.

Для рассматриваемого периода чрезвычайно характерно выдвижение крупных мастеров — исполнителей самых различных жанров. Характерно оно и для причети. Во второй половине XIX — начале XX века становятся широко известными такие мастера причети, как И. А. Федосова, Н. С. Богданова (Зиновьева), ученица И. А. Федосовой — Маланья Лобачевская, Л. Ланева, Н. В. Коникина, Первенцева, Белоусова и др.

С особенной силой настроения пореформенного крестьянства выразились в творчестве И. А. Федосовой. В центре внимания И. А. Федосовой судьбы вдовы и солдатки в пореформенной деревне. «Реформы» 60-х гг. несколько не облегчили положение трудовой русской жен-

¹ См. напр. Смирнов В. И., Народные похороны и причитания в Костромском крае, Этнографический сб. Костромского научного общества по изучению местного края, Кострома, 1917, вып. 8.

² См. Лоневский П., Сопоставление смысла и существа обрядов и таинств православной церкви с народными обычаями, практикуемыми в Подольской епархии, Подольск, епарх., вед., 1891, ч. 16—17; Думиштриков К., Народные поверья и обычаи при смерти, в погребении и поминовении христиан, требующие уничтожения, Руководство для сельских пастырей, 1868, т. 3, ч. 39, стр. 108—116; Генерозов Я., Русские народные представления о загробной жизни на основании записок, причитаний, духовных стихов, 1883, стр. 48; Покровский Н., Загробная жизнь в народных верованиях Северного края России, Православное обозрение, М., 1872, № 7, стр. 89—104 и др.

щины. Об этом выразительно писал А. М. Горький в предисловии к книге А. Коревановой «Моя жизнь»:

«Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Положение это не стало легче после «освобождения крестьян от крепостной зависимости помещиками» в 1861 году. Крестьянка и фабричная работница так же, как и раньше, принуждены были «до гроба покоряться» воле мужа, хозяина, работодателя, — воле рабов идола — собственности. Церковь приучала смотреть на «баб» как на людей «второго сорта», как на существа низшего качества. Безграмотные, забытые до отупения каторжным трудом, женщины жили в качестве домашних животных и производительниц «пушечного мяса» для казарм, для армии — для защиты русских помещиков, фабрикантов, лавочников, ростовщиков от нападения таких же немецких, французских, английских и других грабителей трудового народа, — для защиты от них или нападения на них. Жили «бабы», выпевая позорную и страшную судьбу свою в горестных песнях и в бесплодной надежде «выкарабкаться» из нищеты, «нажить» корову, лошадь, увеличить клочок надельной земли для того, чтобы поднять на ноги детей».¹

Подчеркивая воспитательное значение изучения документальных материалов, рисующих быт трудового народа прошлого (особенно судьбу женщины), для советской молодежи, Горький заключает свою мысль: «Девушки Советского Союза только тогда поймут, почувствуют все величие работы партии Ленина, когда они познакомятся с каторжным прошлым их матерей и бабушек... Мы узнаем «земли родной минувшую судьбу» только тогда, когда хорошо будем знать условия жизни и работы трудового народа, когда оценим его «умственный баланс», накопленный веками рабской, подневольной жизни».²

¹ Собр. соч. т. XXVII, стр. 533—534.

² Там же.

Поэтические произведения И. А. Федосовой, несомненно, принадлежат к числу ярчайших документов, рисующих тяжелую жизнь русской крестьянки прошлого и, вместе с тем, они — выразительное свидетельство поэтической одаренности русского народа, его постоянного стремления найти путь к счастью и свободе, его ненависти к эксплуататорам, ко всем проявлениям гнета, ко всем попыткам унижить человеческое достоинство.

Часть I

**БИОГРАФИЯ.
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ТВОРЧЕСТВА И. А. ФЕДОСОВОЙ**

Ирина Андреевна Федосова — одна из талантливейших русских сказительниц прошлого. Ее высокую одаренность подчеркивали все знавшие ее и все изучавшие ее творчество. Нами уже приводилась высокая оценка, данная ее текстам В. И. Лениным. А. М. Горький чрезвычайно высоко ценил ее сказительское мастерство. В специальных очерках и многочисленных упоминаниях¹ он постоянно называет ее «талантливейшей народной поэтессой», «талантливейшей сказительницей» и т. д.

Однако жизнь И. А. Федосовой и ее творчество изучены крайне слабо. Краткие общие очерки, появившиеся в последние годы,² преследовали, главным образом, цели популяризации и оперировали при этом все одним и тем же, по существу чрезвычайно скудным фактическим материалом. Сведения, сообщавшиеся этими статьями, черпались из автобиографии Федосовой, записанной

¹ Подробнее см. стр. 144—161.

² См. Андреев Н. П. и Виноградов Г. С., Русские плачи (причитания), Библиотека поэта, 1937, Вступительная статья, глава «И. А. Федосова, Н. С. Богданова», стр. XIX—XXVI; Соколов Ю. М., акад., Русский фольклор, Госучпедгиз, 1941, главы: «Похоронные обряды и причеты» и «Завоенные, или рекрутские плачи»; Виноградов Г. С. и Лозанова А. Н., Плачи и сказы, в сб. «Фольклор КФССР», Петрозаводск, 1941, стр. 123—127; Базанов В., Народная словесность Карелии, Петрозаводск, 1947, глава «Вопленицы и их поэзия», стр. 156—195; Кайев А. А., Русская литература. Учебник для учительских институтов, т. I, изд. 2-е, Госучпедгиз, М., 1953, гл. Ирина Федосова и ее «плачи», стр. 86—88; Русское народное поэтическое творчество, Пособие для вузов, Под общ. редакцией проф. П. Г. Богатырева, М., 1954, гл. «Поэтическое мастерство русских воплениц», стр. 187—188 (Э. В. Померанцева).

Е. В. Барсовым (приведена им в приложении к I тому сборника «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым»¹) и очерка А. М. Горького «Вопленица».² Иногда привлекался очерк А. Е. Грузинского.³ В перечисленных работах по-разному освещаются проблемы творчества И. А. Федосовой, вопросы же ее биографии не поднимаются вовсе. Не сообщаются важнейшие даты и важнейшие события ее жизни (напр. год рождения, год смерти, возраст, в котором она создала лучшие свои тексты и т. д.). Обычно, после пересказа автобиографии, записанной в 1867 г., сообщается только один факт — ее встреча с А. М. Горьким в 1896 г. в зале Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки в Нижнем-Новгороде. Таким образом, три десятилетия жизни И. А. Федосовой остаются вне поля зрения исследователей. Такое невнимание к личности выдающейся народной поэтессы было унаследовано от дореволюционной буржуазной фольклористики. Барсов и Агренева-Славянская, записывавшие от И. А. Федосовой, воспринимали ее импровизации как простое переложение традиционных вариантов. Исследователей причитаний занимала главным образом обрядовая или мифологическая проблематика. Отдельные указания на одаренность Федосовой (Майков, Грузинский, Вс. Миллер) не обогащали фактических знаний о ней самой. Между тем, важность изучения биографии И. А. Федосовой выходит далеко за пределы простого любопытства к поэтически одаренной личности. Без установления основных дат ее жизни невозможно единственно правильное, конкретно-историческое изучение ее мировоззрения. Без знания основных фактов биографии невозможна верная оценка ее роли и значения в истории русской культуры. Следовательно, необходимость изучения биографии И. А. Федосовой диктуется не только важностью обогащения наших представлений о ее личной судьбе, но и необходимостью создания прочной фактической основы для решения важнейших проблем ее творчества.

¹ М., 1872, стр. 313—324.

² Газ. «Одесские новости», 1896, № 3660 (14 июня); см. Собрание сочинений, ГИХЛ, М., 1953, т. XXIII, стр. 230—234.

³ Грузинский А. Е., Литературные очерки, М., 1906, см. о нем стр. 143—144.

Как показало первое же знакомство с материалом, создание такой основы вполне возможно. Обследование современной Федосовой периодической печати (журналов и, особенно, газет), мемуарной литературы и, наконец, сбор сведений от родственников Федосовой на ее родине дали возможность в значительной мере восполнить недостающее. Достаточно сказать, что в газетах и журналах 60—90 гг. удалось обнаружить около 200 статей и заметок об И. А. Федосовой, об ее поездках по городам России и о книгах, содержащих ее тексты.¹

¹ См. приложение I «Основные даты жизни И. А. Федосовой», в котором дается перечень основных источников для ее биографии. В дальнейшем, чтобы не перегружать изложение ссылками на источники, мы ссылаемся только на соответствующую страницу «приложения».

Г Л А В А I

Родиной И. А. Федосовой обычно называют Кузаранду. М. М. Михайлов, побывавший в Кузаранде, уточняет: «крестьянка дер. Лисицино ныне Кузарандского с/совета Заонежского района».¹ Но и Михайлов не совсем прав. Федосова действительно довольно долго жила в д. Лисицино, однако, по свидетельству ее родных — невестки А. Ф. Федосовой (д. Лисицино Кузарандского с/совета) и племянницы А. С. Булавкиной (урож. Юлина, д. Скорнина Кузарандского с/совета) — она **родилась в д. Сафроново б. Вырозерского общества** (ныне с/с), входившего по дореволюционному административному делению (вместе с Кузарандой и некоторыми другими обществами) в состав **Толвуйской волости Петрозаводского уезда**.² Девичья фамилия ее, как вспоминают они же, была **Юлина**. Ее родителей звали Андрей Ефимович и Елена Петровна³ Юлины.

Год рождения Федосовой до сих пор не был установлен. В научной литературе имеется разноречивое суждение о возрасте И. А. Федосовой в 90-е гг. Так, акад. Ю. М. Соколов совершенно безосновательно утверждает, что в 1896 г. Федосовой шел уже десятый десяток лет.⁴ Н. П. Андреев и Г. С. Виноградов, очевидно основываясь на сообщении Агреновой-Славянской⁵ пишут: «В 1887 г. ей

¹ Михайлов М. М., Русские плачи Карелии, Петрозаводск, 1940, стр. 31.

² См. приложение II, №№ 2 и 10.

³ См. Барсов, т. I, стр. 314.

⁴ Стр. 180.

⁵ Т. III, стр. 201.

было за 80 лет»,¹ между тем Агренева указывала на то, что Федосова не помнила точного года своего рождения. «Сколько тебе лет?» — спрашивала ее собирательница; «Иногда Ирина отвечала, — пишет Агренева далее, — «Сколько мне лет — столько тебе нет», или: «Сколько было вчера, того нет!». «Под столом ходила — хворост носила; стол переросла — коров донть пошла; косу отпустила — в работницах служила; пора настала — с молодым гуляла; пора прошла — замуж пошла; замужем двадцать лет жила — тяжело горюшко несла; овдовела — осиротела! Вот тебе и весь сказ! А когда родилась — память извелась».² Нет ничего удивительного в том, что Федосова не помнила точного года своего рождения — в прошлом неграмотные женщины обычно не знали года своего рождения, а после замужества сбивались с правильного счета лет. Да и мужчины помнили год своего рождения только потому, что это было связано с призывом в армию.

В статьях и записках о Федосовой, напечатанных в газетах и журналах 1895—1896 гг., содержится большое количество противоречащих друг другу указаний на ее возраст (от 70 до 98 лет). Очевидно, возраст ее определялся авторами статей весьма приблизительно. И все же, при сопоставлении многочисленных показаний выясняется возможность совершенно точно установить год рождения И. А. Федосовой. Не умея определить свой возраст, она, тем не менее, никогда не сбивалась (об этом свидетельствует полное совпадение таких сведений во всех статьях) в счете лет, прошедших между крупнейшими событиями ее жизни. Так мы узнаем, что 19-ти лет она вышла замуж, 13 лет прожила за первым мужем, год была вдовой, затем 20 лет прожила со вторым мужем. Следовательно, когда она овдовела вторично, ей было 53 года. В то же время все статьи,³ сообщающие дату смерти второго мужа, сходятся на 1884 г. Следовательно, в 1884 г. ей было 53 года, т. е. родилась И. А. Федосова в 1831 г.

¹ Стр. XIX.

² Агренева-Славянская, т. III, стр. 199.

³ Барсов Е. В., Ирина Федосова и ее песнопения, Московский листок, 1896, № 14 (14 янв.), прилож.; Русская вопленица-поэтесса, Нижегородский листок, 1896, № 152 (4 июня); Ирина Федосова, Всемирная иллюстрация, 1895, № 1356 (21 января), стр. 79 и др.

Родина Ирины Андреевны, как мы говорили, б. Толвуйская волость Петрозаводского уезда. В состав этой волости к началу второй трети XIX века входили 3 «общества» (с юга на север) — Кузарандское, Вырозерское и Толвуйское. Все они состояли из ряда мелких деревень (часто в 5—6 дворов), разбросанных группами по восточному берегу Заонежского (Шунгского) полуострова.

История Заонежской Толвуйской волости во многих отношениях примечательна. Постоянная борьба с суровой северной природой, гнет невероятной эксплуатации со стороны бояр и монастырей, а позже заводских чиновников, сплоченность и свободолюбие крестьян характеризуют историю заонежских деревень, наложившую несомненный отпечаток на все творчество народной поэтессы.

Точное время возникновения здесь русских поселений не поддается установлению, однако, есть все основания предполагать, что «Толвуйский Егорьевский погост Обонежской пятины Заонежской половины» — одно из древнейших новгородских поселений в пределах современных границ КФССР.¹ Причина появления здесь новгородцев совершенно ясна — Толвуй лежала на пути из Новгорода в Белое море.² Путь этот был жизненно важен для Новгорода — по нему доставлялась соль и пушнина. В перевозке соли толвуйяне принимали участие вплоть до конца XVIII века. Акад. Н. Озерецковский, посетивший родину Федосовой в 1785 г., писал: «Зимний промысел толвуйских жителей состоит в возке соли с берегов Белого моря в г. Повенец, Петрозаводск и Олонец».³

С конца XIV века «Толвоская земля», «Толвуй», «талвяне» регулярно упоминаются в исторических документах. Значительная часть крестьян в это время находилась во

¹ Барсов Е. В., Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае. Чтение Моск. О-ва Истории и Древностей Российских, 1868, кн. I, стр. 8 сл. Е. В. Барсов, отметивший это, явно преувеличивал, считая возможным говорить о появлении новгородцев на восточном берегу Заонежского полуострова уже в XI веке.

² Обозы, добравшиеся до Повенца, дождались лета, перегружали соль в лодки и переправлялись в них вдоль Толвуйского берега до южной оконечности Заонежья и затем по Пудожскому берегу до Андомского погоста (см. Мюллер Р. Б., Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 32).

³ Озерецковский Н. Я., Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, 1792.

владении Новгородского Вяжицкого монастыря, причем взаимоотношения крестьян с монастырем были по преимуществу оброчными. Помимо земледелия, рыболовства, охоты и возки соли, толвуяне занимались добыванием и плавкой меди в ямах («Падмозерские ямы» и «ямы» в соседнем Фоймогубском погосте) для продажи в Новгороде и других новгородских посадах. После включения старых новгородских земель в состав русского централизованного государства Вяжицкому монастырю удалось сохранить свои владения на Толвуйском погосте.

Вместе с тем близость другого — Палеостровского — монастыря ставила толвуйских крестьян в особенно тяжелое положение. Оброчные «великих князей» и «Николы Вяжицкого» всемерно теснились соседями-монахами, захватывавшими земли, луга, леса и рыбные тони. Толвуяне, измотанные оброками, нанимались на монастырские работы, продавали монастырю свои участки и т. д.¹

В начале XVII века² жизнь Толвуи оживилась двумя знаменательными событиями. В 1614 г. воевода Богдан Чулков построил здесь острог и при содействии местных жителей дал решительный бой «черкасам» — шведско-литовским интервентам, опустошавшим Заонежские погосты. В XVII веке Толвуя становится одним из деятельнейших районов старообрядческого движения, имевшего при своем возникновении явно демократический характер. В 1687—89 гг. здесь вспыхивает известное «старообрядческое восстание», одним из вожаков которого был толвуянин Авдей Алексеев. Восставшие (более 2500 человек) дважды захватывали Палеостровский монастырь и истребляли монахов. При приближении «государевых войск» они сожгли себя вместе со всем монастырем. Восстание приняло значительные размеры и охватило целый ряд погостов.³

В 1704 г. «черносошные крестьяне», а в 1786 г. и все остальные были приписаны к Правлению Олонецких горных заводов, т. е. стали «горнозаводскими крестьяна-

¹ См. Мюллер Р. Б., Писцовые книги Карелии, вып. I, под ред. проф. Андреева А. И. (рукопись).

² С 1601 г. по 1606 г. в Толвуе находилась в заточении опальная боярыня Ксения Ивановна Романова, мать будущего Михаила I.

³ См. «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», Петрозаводск, приложение, стр. 4—5.

ми». Наступила наиболее тяжелая полоса в истории волости.

Еще до приписки монастырских крестьян к горным заводам Толвуя снова стала одним из центров восстания горнозаводских крестьян, распространившегося на многие вотчины Заонежья. Она дала вождя и этому восстанию — «мужицкого генерала» Клина Соболева. Восставшие крестьяне 2 года героически сопротивлялись правительственным войскам. Восстание закончилось «кижской трагедией», жестокой расправой над крестьянами по требованию правительства, напуганного начавшимся уже Пугачевским восстанием на юге России.¹

Примерно с середины XVIII века начинается все усиливающееся экономическое отставание Карелии — она все больше и больше превращается в одну из наиболее глухих окраин тогдашней России.

К концу первой трети XIX в., т. е. ко времени рождения И. А. Федосовой, Толвуйская волость значительно разрослась. В 1819 г. ее населяло около 4 000 человек.² К году рождения Федосовой Кузарандское и Вырозерское общества стали уже настолько крупными, что были выделены в самостоятельные приходы.³ Однако в положении крестьян не произошло заметных улучшений. Комиссия, обследовавшая положение олонецких приписных крестьян в 1825—27 гг., констатировала их крайнюю бедность. Хлебопашество не прокармливало крестьян, хлеба в лучшем случае хватало на полгода. Заводские работы — «урки» — не только мешали развитию отхожих заработков, но и наносили ущерб сельскому хозяйству приписных крестьян, т. к. «лошади по исправлении заводских работ бывают к весне тощие и едва могут иметь движение», как писала комиссия. Дефицит годового бюджета приписных крестьян составлял 381 781 р. при общей доходности в 803 740 р. Заводская администрация не только обчитывала и обманывала крестьян, она создавала искусственную систему заниженных расценок — в счет «казенных»

¹ Балагуров Я. Кижское восстание 1769—1771 гг. (очерк истории восстания олонецких приписных крестьян), Петрозаводск, 1951.

² См. Летопись о приходе Толвуйском Олонецкой епархии, Петрозаводского у. Составлена причтом того же прихода в 1871 г., Архив КФ филиала АН СССР, отдел истории, № 1828.

³ Там же.

1 р. 70 коп. крестьян заставляли выполнять работы, ценившиеся в 22—26 р. (20-е гг.). Общины должны были от ревизии до ревизии выполнять повинности за всех умерших, нетрудоспособных и рекрут.¹

Современные кузарандские колхозники — земляки И. А. Федосовой, пашущие поля тракторами и работающие в лесу электропилами, вспоминают как далекий и жуткий сон слышанное ими об этих временах от «досюльных» дедов. За сотни верст подчас должны были уезжать их деды «рубить урки» (т. е. заготавливать лес для заводов). Единственным инструментом при этом был самокованный топор — еще в середине прошлого века заонежские крестьяне почти не знали покупных орудий труда. Бревна возили волоком и т. д.

Маленькие деревеньки теснились группами по берегу озера. Каждая такая группа была удалена от другой на десятки километров. Но и близкие деревни становились зимой, осенью и весной далекими. Бездорожье царило по всей Карелии. «В Олонецкой губернии, — писал один из путешественников, — часто деревни, весьма близкие между собой, в известные времена года так удаляются одна от другой, что, безошибочно можно сказать, сообщения между ними нет; если же и есть, то весьма дальное, так что несколько верст зимою удлиняются на десятки, когда растает лед и санная езда прекратится. Находятся местности, до того изолированные благодаря лесам, трясинам и отсутствию всякого сообщения, что туда без дела не заглядывают... говорят же, что и в настоящее время имеются в глуши бедные деревушки, до такой степени уединенные, что к ним и из них пробраться можно только на лыжах, и когда установится возможность такого сообщения, то крестьянин, у которого есть некрещеный еще ребенок, спешит к приходскому священнику, который крестит подаваемую шапку, окропляет ее освященной водой и дает заочно имя младенцу. Отец, прибывший домой, одевает шапку на голову младенца — и крещение совершено, имя малюткою получено».² Перекликаясь с ним, другой путешественник через три четверти века писал: «Легче совер-

¹ См. Балагуров Я., Положение олонечких приписных крестьян в первой четверти XIX столетия, Известия КФ, НИ Базы АН СССР, 1948, № 1, стр. 112—123.

² М. Г., Дорожные заметки, ОГВ, 1868, № 23—24.

шить кругосветное путешествие, нежели проехаться весною по волостям Карелии».¹

За очень редкими исключениями крестьянские избы были курными. И. А. Федосова не только родилась в курной избе, но и прожила в ней значительную часть жизни. «Чистые» избы стали строиться в Кузаранде лишь в 90-х гг. XIX века. Так, в кузарандской деревне Загорье до 1890—95 гг. была лишь одна изба, построенная «побелому», принадлежавшая купцу Аристову.

Выразительное описание олонецкой крестьянской избы в прошлом веке оставил внимательный наблюдатель народной жизни, известный собиратель народного творчества П. Н. Рыбников: «Войдите в крестьянскую избу с промерзшими углами, с занесенными окнами, с ее угаром и чадом, и осмотритесь кругом: перед вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Целое семейство сбиралось в кучу в одной комнате, потолок застлан вековой сажей, свет чуть-чуть проходит через щели оконных ставен, на полках запас лучин и дров, у печки тускло горит, нагорает и гаснет лучина. Темнота, холод, нечистота... Сегодня он снес подати, а завтра надобно отдавать сына или брата в солдаты, послезавтра давать ответ перед судом за порубку дров для топлива. Впереди вечное изгибание перед сильным и, пожалуй, тюрьма за то, что он крестится по-старому и вместо Иисуса выговаривал Исус. Летом — скотский падеж, зимой — долги и недостаток хлеба».²

Голод был постоянным гостем в продымленных олонецких избах. «Здесьние крестьяне, — писал Бергштрессер в 1838 г., — столь бедны, что едят хлеб, печеный из половины или одной трети или даже одной четверти муки и остальной части сосновой тертой коры или соломы».³ Крестьянство было не только забитым и голодным, оно было невежественным и темным. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1856 г. сообщает, что в середине века в олонецких селах на 100 крестьян приходилось всего 0,41 учащихся. В 1856 г. в губернии было 284 питейных заведения, 1604 церквей и часовен и всего 46 школ (из кото-

¹ Максимов Н., О северных делах и делишках, Русск. Богатство, 1893, № 4, стр. 60—61.

² «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», 2-е изд., 1910, т. I, стр. XXXI.

³ Описание Олонецкой губернии, СПб, 1838.

И. А. Федосова в 1886 г.

рых подавляющее большинство было одноклассными) и 7 больниц. Редкие деревенские грамотей были по преимуществу староверческими начетчиками, ничего не читавшими кроме церковных книг. Еще в 60-е гг., когда были открыты первые земские школы, олонецкий архиеп-реп писал толвуйскому священнику: «Стыдно и грешно вам, что ваши прихожане отдают своих детей для обучения мужикам, девкам и бабам,¹ видно, не видят в вас своих пастырей и не отдают детей в учрежденные правительством школы».² О том, какими были эти «учрежденные правительством школы», рассказывал мне Ф. И. Прохоров, учительствовавший в Кузаранде в 1896 г. На все кузарандские деревни в год его приезда была одна «школа», ютившаяся по частным домам. В ней училось всего 12 мальчиков.³

Такова была деревня, в которой родилась и жила И. А. Федосова.⁴

О детских ее годах мы знаем сравнительно мало. Это было, повидимому, типичное детство крестьянской девочки в олонецких деревнях тех лет. Огромная семья, состоявшая из 22 членов, должна была напрягать все силы, чтобы жить «прожиточно и степенно». Поэтому Ирина Андреевна уже «6-ти год на ухаж лошадь гоняла и с ухажой домой пригоняла», «8-ми год знала, на каку полосу сколько сеять». Как она сама рассказывает, у родителей, кроме нее, было 3-е детей: «брат да две сестры, а в них толку мало, я ж была сурова; по крестьянству — куды какая: колотила, молотила, веяла, убирала; сева не наймут, а класца наймут».⁵ В детстве И. А. Федосова упала с лошади и осталась хрома на всю жизнь. Отец был строг и не пускал девушку не только на гулянки, даже на «прядиму беседу», но «раз в неделю, — рассказывает

¹ Имеются в виду «грамотей»-староверы, иногда обучавшие детей читать книги «старого письма».

² Летопись Толвуйского прихода, стр. 51—52.

³ См. приложение II, № 1.

⁴ К характеристике жизни олонечских деревень в 60-е гг. мы вернемся в части II «Историко-социальная проблематика творчества И. А. Федосовой».

⁵ Барсова, т. 1, стр. 314—315.

она, — молча уходила, приду — место сделают у светца...¹ Имя мне было со изотчиной, грубого слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу».² В этом скуповатом рассказе о себе Ирина Андреевна со свойственным ей мастерством нарисовала облик девушки, в которой мы узнаем многие черты будущей народной поэтессы, мыслящей смело и самостоятельно, ясно сознающей свое человеческое достоинство. Эти качества, соединявшиеся с глубокой любовью к народной поэзии, — песням, былинам, причитаниям, сказкам, — пронесла Ирина Андреевна через всю свою жизнь. Недаром А. М. Горький через 33 года после встречи с Федосовой, вспоминая о ней, подчеркивал в ней именно эту «любовь к делу»: «Помоему есть только один талант: умение делать всякое дело с любовью к нему. «Воплениц» и «сказительниц» я знаю, встречал, слышал знаменитейшую из них Орину Федосову, это была талантливая старуха, но именно потому, что полюбила свое дело в 12 лет и на всю жизнь».³

Помимо «любви к делу» и замечательной поэтической одаренности Федосова обладала исключительной памятью, позволявшей ей для ее импровизаций широко черпать материал из всех основных жанров русского фольклора. Достаточно сказать, что Е. В. Барсов и О. Х. Агренева-Славянская, не занимаясь специально записью пословиц и поговорок, «между прочим» записали от Федосовой около 130 различных пословиц. Если учесть еще пословицы, встречающиеся в текстах Федосовой, то эта цифра возрастет более, чем до 200; какое же количество пословиц могла бы сказать И. А. Федосова, если бы ее спрашивали о них специально! О своей памяти Федосова говорила: «Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна, где што слышала — пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старину ли какую».⁴

Очень рано, с 12—13 лет, И. А. Федосова начала «подголосничать» на свадьбах и быстро приобрела известность по Кузаранде, а затем по всей волости и, наконец, по

¹ Светец — держатель для горящей лучины.

² Барсов, т. I, стр. 314—315.

³ Письмо к А. Агапкиной от 27 марта 1929 г., см. М. Горький, Письма к рабочим и писателям, б-ка «Огонька», № 55—56, 1936, стр. 27—28.

⁴ Барсов. Стр. 315.

всему Заонежью. О ее широкой известности по Заонежью рассказывают все писавшие о ней; память о ее былой популярности до сих пор жива в Кузаранде. Один из корреспондентов газеты «Новости» писал (очевидно, со слов П. Т. Виноградова¹) следующее: «Бабушку Андреевну знают не только у себя в деревне, но и далеко за околицей; за 70 верст приходят к бабушке с поклоном «вопить» над покойником или «поплакаться» в свадебной песне. И Федосова идет, идет за 70 и более верст «вопить», она очень гордится своим положением в уезде: все ее знают, и она всех знает, всякий перед ней заискивает, — ведь без нее ни одни засидки, ни свадьба, ни похороны, ни проводы в солдаты не состоятся».² Постоянный корреспондент «Олонецких Губернских Ведомостей» и один из видных знатоков Олонецкого края в конце века, Г. И. Куликовский писал: «Она считалась первою вопленицею во всем крае, и ее приглашали за десятки верст».³

Широкую известность обеспечивало ей не только мастерство сказывания; записи, произведенные от нее, убеждают нас в огромной общественной значимости ее поэтической деятельности.

Для правильного представления о характере этой деятельности необходимо внести одну существенную поправку в широко распространенное представление о «вопленицах» и «подголашивании» в прошлом. С легкой руки Дашкова,⁴ а затем авторитетом Е. В. Барсова утвердилось мнение о существовании «плакальщиц», плакавших на похоронах (Барсов назвал их «вопленицами»), свадьбах и во время проводов рекрута.⁵ Редкие возражения сомневавшихся не принимались всерьез. Более того, в свое время обсуждался вопрос о существовании «наемных», «профессиональных» плакальщиц и т. д., причем речь шла именно об Олонецкой губернии. Между тем, еще за

¹ О П. Т. Виноградове, см. стр. 123—124.

² Ирина Федосова, *Новости и биржевая газета*, 1895, № 9 (9 января).

³ Куликовский Г. И., *Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве*, ОГВ, 1896, № 4 (17 янв.), стр. 2.

⁴ Дашков В., *Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении*, СПб, 1842.

⁵ См. напр. в учебнике акад. Ю. М. Соколова (1941 г.), стр. 175 и др.

три года до встречи Барсова с Федосовой петрозаводский краевед и фольклорист К. Петров в статье «Заплачки и причитания в Олонецкой губернии» писал: «В нашей губернии плакальщицы чаще являются на свадьбах, чем на похоронах».¹ В 1910 г. другой местный фольклорист Н. С. Шайжин заявил еще более решительно о том, что в Олонецкой губернии наемных вопленниц не только нет, но и не было. Кроме того, он утверждал, что «подголосницы», как специальные участницы обряда, появляются лишь в пределах свадебного обряда.² За 15 лет до Н. С. Шайжина примерно то же утверждал и анонимный автор чрезвычайно обстоятельной статьи об И. А. Федосовой во «Всемирной Иллюстрации»: «Как вопленица Федосова приглашается на свадьбы..., а на похороны, как принято, сама идет разделить горе и причитания поет по покойникам».³

Сплошной опрос, предпринятый мною на родине Федосовой в Кузаранде в августе 1948 г., полностью подтвердил правильность утверждения Н. С. Шайжина.⁴ Более того, выяснилось, что в Кузаранде неизвестно слово «вопленица». Федосову все опрошенные мною и знавшие ее лично, называют «подголосницей», причем имеют в виду специально свадебное «подголосничество», имеющее мало общего с «воплением». Свадебная «подголосница» по заонежской терминологии — это специальное лицо, выводящее невесту к столу в доме жениха и обращающееся от имени невесты ко всем членам жениховой родни по очереди. Эти обращения, обычно индивидуализированные импровизации, создававшиеся на каждый случай заново. «Подголосница» участвует в свадьбе независимо от умения или неумения невесты причитывать. Тексты подголосницы поются, а не причитываются, хотя некоторая связь их с причитаниями и вероятна. Если невеста не умела причитывать, то в объезде родных могла прини-

¹ ОГВ, 1863, № 4, стр. 12.

² Шайжин Н. С., Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись), Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г., Петрозаводск, 1910.

³ Ирина Федосова, Всемирная Иллюстрация, 1895, № 1356, (21 янв.), стр. 79.

⁴ Совершенно то же мне рассказывали А. Т. Конашкова (Пудожский район) и Ф. Н. Быкова (Беломорский район).

мать участие подголосница, в таком случае она причитывала за невесту. На похороны же и проводы рекрута никого специально не приглашали — причитывали только родные и добровольно приходившие односельчанки. Однако кузарандцы помнят, что Федосова сама ходила на чужие похороны, как она говорила, «мертвым честь воздавать», и на проводы рекрутов.¹ Это подтверждается и свидетельством Грузинского: «Ее приглашают всего чаще на свадьбы, плакать же на похороны или на рекрутские проводы она обыкновенно ходит сама, по доброй воле; очевидно, она испытывает ясную потребность в той художественной работе, которую представляет для нее составление и исполнение этих плачей».² Повидимому, это была не просто потребность принять участие в чужом горе, это было ясно осознанное общественное призвание, осознанная обязанность помочь людям понять их собственные чувства, разобраться в социальном смысле произошедшего, научить людей трезво и смело смотреть в глаза жизни. Недаром кузарандцы до сих пор помнят Федосову как первую советчицу во всех трудных делах крестьянской жизни. А. И. Беззаботная (д. Шилово Кузарандского с/с) рассказывала мне: «А моего племянника как отдавали в рекруты, она приходила к нам, сидела около рекрута, да дредила его,³ да причитывала. Говорила, что как попадете в города да незнакомые, бросьте вы оружия да царские, да смотрите вы во сторону родимую».⁴

Воля к творчеству была необычайно сильна у И. А. Федосовой. В. Ф. Миллер, интересовавшийся характером ее творчества, подчеркивал его разносторонность: «Еще в молодости, по ее рассказам, как девушкам, ее подругам, надоедали старые песни,— писал он,— они, зная ее способность, просили ее заводить новую песню и дивились, откуда только у нее берется. Песни ее запоминались и входили в оборот в ее деревне... она складывала для девушек свои песни и говорила им: «Учитесь, учитесь, де-

¹ См. приложение V, №№ 14 и 17.

² Грузинский А. Е. Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова, в кн. «Лит. очерки», М., 1908, стр. 107.

³ Т. е. гладила по голове.

⁴ См. приложение II, № 15.

вушки, пока жива: умру, меня вспомните».¹ К сожалению, песни Федосовой, в силу особого интереса Е. В. Барсова к причитаниям, остались совершенно не записанными, и поэтому эта сторона ее творчества не может быть освещена.

Ирина Андреевна рано осознала свое общественное призвание. Об этом ясно свидетельствует история ее первого и второго замужества. Первым мужем ее был Петр Трифонович Новожилов из Кузарандской деревни Сидорова.² Девятнадцатилетняя девушка, она выбрала себе в мужа шестидесятилетнего вдовца, поставив ему единственное условие — не мешать ее поэтической деятельности.³ Несмотря на недовольство родных и нарекания соседей, она настояла на своем выборе и не ошиблась. «13 лет жила я за ним,— рассказывала Ирина Андреевна Барсову, — и хорошо было жить; он меня любил да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля идти, куда хочешь».⁴ После смерти П. Т. Новожилова (25 декабря 1863 г.), прожив один год вдовой, Ирина Андреевна вторично вышла замуж за Якова Ивановича Федосова из д. Лисицино тоже Кузарандского общества. Яков Иванович был значительно моложе ее и в новой семье она была встречена недружелюбно. «Когда она пришла в семью, — сообщает ее родственница А. Ф. Федосова, — так над ней надрыгались; не поймешь, мол, молодуха аль старуха — за водой на колодец посылали, смотрели, как она несет»⁵ и т. д. Об этом же рассказывала и сама Федосова: «Дядина да диверь бранить меня стали, всю зиму бранили, привидла всего: Яков мой такой не хлопотной, а оны базыковаты,⁶ обижали меня всячески».⁷

¹ См. конспект вступительной речи В. Ф. Миллера перед выступлением Федосовой на заседании О-ва Любителей Естествознания, Антроп. и Этнографии при Моск. университете, 3 ян. 1896 г. в статье Г. И. Куликовского «Олонешская народная поэтесса И. Федосова», ОГВ, 1896, № 4 (17 ян.).

² См. приложение V, № 2.

³ См. в автобиографии, стр. 318: «мне поважно по свадьбам ходить да игры водить».

⁴ Стр. 320.

⁵ См. приложение II, № 2.

⁶ Бранчивы, сварливы — *примеч. Барсова.*

⁷ Стр. 321.

Весной 1865 г. Яков Иванович, столяр, как большинство кузарандцев,¹ пошел на заработки к Соловкам. Жизнь Федосовой стала совершенно нестерпимой — ее заставляли вести все хозяйство. Поэтому с возвращением мужа они решили перебраться в Петрозаводск (1864 г.), где Якову Ивановичу вскоре удалось открыть столярную мастерскую.

Здесь, в Петрозаводске, и произошли первые встречи И. А. Федосовой с фольклористами, положившие начало ее широчайшей всероссийской известности.

Г Л А В А 2

В 1865—1866 гг. Федосову в Петрозаводске разыскал П. Н. Рыбников, «записавший от нее несколько былин»,² и, наконец, в начале 1867 г. (февраль) И. А. познакомилась с преподавателем логики, психологии и немецкого языка Олонецкой духовной семинарии Е. В. Барсовым, сыгравшим огромную роль в ее дальнейшей судьбе. Об истории этого знакомства Барсов пишет: «Крестьянин Матвей Савельевич Фролов, у которого я стоял на квартире, когда служил в Петрозаводске, в разговорах со мной о разных олонекских старинах, как-то сообщил мне, что у них, в Заонежье, очень жалобно причитают на свадьбах и похоронах, что там есть вопленицы на славу и слушать их собираются целые деревни; что он лично знает одну из таких воплениц — Ирину Андреевну, в деревне Кузаранде, за Яковым Федосовым. Я попросил, во что бы то ни стало, вызвать ее в Петрозаводск; оказалось между тем, что она уже несколько лет тому назад перестала ходить по свадьбам и похоронам и живет в самом Петрозаводске. Я отыскал ее и расспрашивал о причитаниях, но она решительно объявила, что ничего не знает и сказывать не умеет и с господами никогда не зналась. Однакож, благодаря посредничеству моего хозяина, который по старому знакомству уверил ее, что я человек неопасный, она откровенно призналась, что знает очень многое, что с мо-

¹ См. приложение V, № 2 и др.

² Г. И. Куликовский, там же, стр. 2. Об этом же свидетельствует и Е. В. Барсов в статье «Ирина Федосова и ее песнопения», Моск. листок, 1896, № 14, прилож. Дальнейшая судьба записей Рыбникова от Федосовой неизвестна.

лодости ей честь и место в большом углу, что на свадьбах ли песни запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный».¹ В газетном сообщении о своей работе Барсов рассказал о том же более кратко, но не менее выразительно: «В отношении ко мне сколько она была недоверчива сначала, столько же сделалась откровенна впоследствии, но постоянно повторяла: «не сошли ты меня на чужу дальну сторонушку».²

Примечательно, что, читая тексты И. А. Федосовой, В. И. Ленин обратил внимание на необходимость учитывать при их анализе неизбежность недоверия исполнительницы к собирателю-барину. «Он (т. е. Барсов — К. Ч.) сделал хорошее дело, — говорил В. И. Ленин В. Д. Бонч-Бруевичу, — собрав и записав все это. Но очень может быть, что самое важное, затаенное, ему, как барину, и не сказали».³

Елпидифор Васильевич Барсов, записавший от Федосовой не только подавляющее большинство известных текстов, но и лучшие из них, родился в 1836 г. в с. Логинове Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье сельского священника. После окончания Устюжны-Железопольского духовного училища, о пребывании в котором Барсов вспоминал цитатами из «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского, он стал студентом Петербургской Духовной Академии. «Высшее образование, — записал Е. В. Барсов в известный альбом издателя «Русской старины» М. И. Семевского «Знакомые», — я получил в Санкт-Петербургской Духовной Академии, где принадлежал к обществу «Ядро» и был не столько студентом, сколько крикуном и заговорщиком, впрочем очень неопасным, и скорее следовал за другими, чем действовал по внутреннему движению. Время это было крайне любопытное: в 4 года сменилось 4 ректора и 5 инспекторов. В академии сказывалось все тогдашнее общество, начиная от двора: это была эпоха отрицания всего минувшего. В академии

¹ Барсов, т. I, стр. 313—314.

² Барсов Е. В., Олонекская плакальщица, Современные известия, 1870, № 212, (1 авг.), стр. 4.

³ «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

это отрицание выразилось лишь в крайних ужасающих размерах: что это было лишь случайное явление — видно из того, что все студенты нашего курса явились в жизни не тем, чем были они в школе».¹

Запись эта чрезвычайно характерна не только для Барсова конца 80-х гг., но и для всей его идеологической эволюции в целом. От неглубокого и, как он сам признавался, случайного «либерализма» в 60-е гг. он быстро скатился на умеренные позиции в 70-е гг. После 1 марта 1881 г. перепуганный грозными потрясениями «основ» он становится «охранителем», слезно кающимся в убогих грехах молодости. Закономерным концом этой позорной эволюции было посвящение трехтомного исследования о «Слове о полку Игореве» Победоносцеву. Умер Барсов в 1917 г.² вместе с тем миром, который он крикливо обвинял в несправедливости в годы своей молодости и который елеяно «охранял» в предисловии ко II тому «Причитаний Северного края».

Однако было бы неверно оценивать Барсова в его «петрозаводский период» (1861—1869 гг.) с точки зрения нашего отношения к Барсову в 80-е гг. и позже — мы не сумели бы правильно понять смысл его работы над I томом «Причитаний Северного края» — книгой, которая так горячо была воспринята редакционной группой «Отечественных записок» (Н. А. Некрасовым и Н. К. Михайловским) и оказалась враждебной «гносному», как назвал его К. Маркс,³ журналу кн. Мещерского «Гражданин».

«Либерализм» Барсова 60-х гг. был неглубок и, повидимому, он действительно «скорее следовал другим, чем действовал по внутреннему движению». Однако Барсов, приехавший в 1861 г. в Петрозаводск и вскоре сошедшийся с Рыбниковым, был еще тем, чем он был в школе: демократические склонности студенческих лет еще не потеряли для него свою силу, и он, трудно сказать в какой

¹ СПб, 1888, стр. 235.

² См. «Е. В. Барсов» (некролог), Ист. Вестник, 1917, № 7—8, стр. 287—288; «Е. В. Барсов» (некролог), Моск. Ведомости, 1917, № 91.

³ К. Маркс, Письмо П. Л. Лаврову, 24 октября 1876 г., см. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1947, стр. 175.

мере сознательно, но продолжал деятельность П. Н. Рыбникова.

В настоящее время достаточно выяснен характер деятельности Рыбникова. Его с достаточной ясностью определили — М. Клевенский, М. К. Азадовский, Н. Н. Виноградов, В. Г. Базанов и А. П. Разумова,¹ опровергнувшие неправильное толкование мировоззрения Рыбникова, предложенное А. Е. Грузинским в предисловии к I тому 2-го издания «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». Важно отметить, что Рыбников — член тайного общества «вертепников», испытавший на себе влияние идей «Современника», — во время своей олонекской ссылки вел собирательскую и исследовательскую работу в русле революционно-демократической науки. В Петрозаводск он был сослан, как свидетельствуется в специальном отношении III отделения Олонекскому губернатору ген. Л. П. Волкову, «за подозрительные разъезды по слободам Черниговской губернии, населенным преимущественно раскольниками, и неуместные рассуждения в обществе сих последних; также и за прежнее его поведение в Москве, где он, быв студентом, имел у себя частые собрания, навлекавшие на себя подозрения по тем разговорам, которые вели посетители оных». Попав в Олонекскую губернию, П. Н. Рыбников продолжил внимательное изучение народной жизни, правда, в более осторожных формах. Его статьи в «Олонекских Губернских Ведомостях» и Памятных книжках — о расколе, о Шунгской ярмарке, о льняной промышленности в Пудожском уезде, о Тивдийских мраморных разработках и др. были не только следствием общего интереса к малоизученному краю. В пределах официальных возможностей он продолжает горячую защиту народных интересов. Внешне суховатые статистические отчеты,

¹ Клевенский М., «Вертепники» в кн. «Литературные салоны и кружки (первая половина XIX в.)», под ред. Н. Л. Бродского. Изд. Академия, М.—Л., 1930; (то же — «Каторга и ссылка», 1928, № 47, стр. 18—43); Азадовский М. К., Добролюбов и русская фольклористика, в кн. «Литература и фольклор», 1937; Виноградов Н. Н., Материалы для биографии П. Н. Рыбникова, Сов. фольклор, 1935, № 2—3; Базанов В. Г., Народная словесность Карелии, Петрозаводск, 1947, глава «П. Н. Рыбников в Карелии»; Разумова А. П., Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников и П. С. Ефименко. М.—Л., 1954, 141 стр.

которые он обязан был писать по служебному положению секретаря Губернского Статистического Комитета, таили в себе энергичную мысль ссыльного демократа. Так, например, статистический отчет о Шунгской Богоявленской ярмарке¹ построен на стремлении доказать невозможность перевода этой ярмарки в Петрозаводск, как этого добились петрозаводские толстосумы, так как это приведет к катастрофическому обеднению пяти тысяч жителей Шунгской волости, а вслед за ними и «жителей по всем дорогам, которые из Шуньги расходятся в разные стороны».² Статистическое обозрение льняной промышленности Пудожского уезда приводит Рыбникова к мысли о необходимости выяснения доли крестьян, производителей льна, в распределении доходов от его продажи за пределами губернии. Соответственно подобранный цифровой материал красочно характеризует не только тяжесть «положения льносеятелей», но и масштабы кулацких предлоков пудожского льняного монополиста купца Малокрошечного.³

Интерес П. Н. Рыбникова к расколу несомненно связан с усилившимися гонениями на старообрядцев в 50-х — начале 60-х гг. XIX века.⁴

Широта, с которой Рыбников приступал к изучению народной жизни, поразительна. Рыбников интересовался не только экономикой и историей края, он вел специальные этнографические, археологические, палеографические и языковедческие исследования.⁵ Одновременно Рыбников успевал принимать деятельное участие в общественной жизни Петрозаводска. По его инициативе здесь была основана Публичная библиотека, устраивались литературные вечера в помощь бедным учащимся с чтением

¹ ОГВ, 1864, № 6, 7, 8 и 9.

² Там же, № 9, стр. 36.

³ ОГВ, 1860, № 32, перепечатка, см. Памятная книжка Олонецкой губ. на 1864 г.

⁴ В 1854 г. было разрушено знаменитое Выгорецкое общежительство, о котором П. Н. Рыбников в 1866 г. писал в статье «Путевые заметки. Беглый очерк прошедшего Данилова и Лексы», ОГВ, 1866, №№ 26, 27, 35, то же, Памятная книжка Олонецкой губ. на 1868—69 гг.

⁵ Перечень статей по этнографии и лингвистическим вопросам см. в библиограф. указателе «Фольклор Карелии», П-ск, 1937, стр. 10—15.

стихотворений Некрасова, Шевченко, Курочкина, сцен из «Ревизора» Гоголя, «Сцен из народного быта» Горбунова и т. д.¹ Фольклористическая деятельность Рыбникова была лишь одной из сторон его энергичного изучения народной жизни.

Естественно, что молодой Барсов, приехавший в Петрозаводск в 1861 г., быстро сблизился с Рыбниковым и включился в его деятельность по собиранию фольклора. Позднее Барсов неоднократно подчеркивал, что он продолжает дело Рыбникова. Так, в 1867 г., начиная серию публикаций былин и духовных стихов, он писал: «Еще больше сделано по этой части известным собирателем былин П. Н. Рыбниковым, положившим своим богатым сборником начало новой эры для русской словесности». Он считал своей заслугой, что смог присоединить к «великим трудам «варианты» произведений народной поэзии, оставшиеся ненапечатанными».² О том же он писал и в письме О. Ф. Миллеру в 1868 г.³ и в предисловии к I тому «Причитаний Северного края».

Более того, и сам П. Н. Рыбников считал Е. В. Барсова своим преемником. В письме к тому же О. Ф. Миллеру 29 июня—5 июля 1866 г. он сообщал; «Впрочем и Вами когда-то заявленное желание исполняется: я уже уехал из Олонецкой губернии, а в местных ведомостях продолжают печатать варианты былин: после меня нашелся продолжатель собирания памятников народного творчества почтенный Е. В. Барсов».⁴ Вслед за своими корреспондентами и О. Ф. Миллер неоднократно писал о Барсове, как о продолжателе дела Рыбникова.⁵

Барсов не только продолжил публикации былин после отъезда Рыбникова из Петрозаводска, но и принимал деятельное участие в составлении IV тома «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». Участие в этом томе Барсова было, несомненно, более широким, чем это представлялось переиздателю «Песен» А. Е. Грузинскому. Грузинский указывает только на «Сказку об Олеше Голопузом». Однако из писем П. Н. Рыбникова О. Ф. Миллеру, опуб-

¹ См. ОГВ, 1863, № 22, 25 и др.

² См. ОГВ, 1867, № 11, стр. 177.

³ ЖМНПр, 1912, № 6, стр. 217.

⁴ Там же, стр. 314.

⁵ Там же, 1868, март, часть СXXXVII, стр. 908—909; кроме того, см. примечание О. Ф. Миллера к IV т. «Песен, собр. Рыбниковым».

ликованных И. А. Шляпкиным, на которые мы уже ссылались, мы узнаем еще о том, что один из вариантов повести об Азовском сидении тоже был доставлен Рыбникову Барсовым. Кроме того, все тексты IV тома, обозначенные «Из Олонецких Ведомостей 1867 г.», т. е. 10 загадок, 3 «чарования» и 15 заговоров заимствованы Рыбниковым из статьи Барсова «Черты из психологии Обонежского народа».¹ Возможно, что Барсовым же сообщен был текст «О начале града Москвы и о великом князе Данииле Александровиче», о котором замечено: «По рукописи, принадлежащей Олонецкой семинарии». Именно значительностью участия Е. В. Барсова в IV томе «Песен» объясняется благодарность «г. Барсову, от которого получил несколько любопытных сказаний», выраженная П. Н. Рыбниковым в письме О. Ф. Миллеру.²

Действительно, большинство публикаций Е. В. Барсова в «Олонецких Губернских Ведомостях» как бы продолжают начатое Рыбниковым. Среди них тексты былин, песен, преданий, причитаний, этнографические и лингвистические заметки и документы по истории края. Вслед за Рыбниковым (тт. III и IV) Барсов расширяет круг публикаций, начинает интересоваться не только былинами, ценит бытовые песни и причитания за непосредственность отражений современного народного быта. Однако следует отметить, что, внешне продолжая фольклористическую деятельность Рыбникова, Барсов все больше замыкал ее в узкие рамки специально-филологических исследований. Былины, песни, причеты, загадки, пословицы, заговоры интересуют его прежде всего как выражение «психологии Обонежского народа»,³ воспринимаемой в отвлеченно-этическом плане. Особенное внимание обращает он на народные предания и легенды, ценя в них отзвуки «олонецкой старины».⁴ Одновременно он приступает (сов-

¹ ОГВ, 1867, № 1.

² ЖМНПр, 1912, № 6, стр. 315.

³ См. статьи «Черты из психологии Обонежского народа», ОГВ, 1867, № 1; «Из обычаев Обонежского народа», там же, 1867, № 8, 11—14, 16; «Черты из психологии оятчан», там же, 867, № 31—33 и др.

⁴ Кладовой и Петуний о-ва на Водлозере, ОГВ, 1867, № 38; Рассказ о том, как писец Панин давал имена заонежским деревням в 1628 г., там же, № 48; Из беседы со сказителем Щ.—Г.—Л. (В. П. Щеголенком), там же, № 51, и др.

местно с советником судебной палаты В. А. Лукашевичем¹) к обследованию местных рукописных архивов и вскоре приобретает широкую известность знатока и собирателя средневековой русской письменности. Отдав дань изучению местного раскола, в истории которого его интересовали прежде всего этические проблемы («мнимое, но истинно-искренние убеждения»²), он всецело переключается на собирание материалов по истории олонецких монастырей.³ Признавая северный раскол значительным народным движением, Барсов оказался неспособным оценить его историко-социальное значение.

Таким образом, Барсов все дальше уходит от задач непосредственного изучения современной ему народной жизни, от задач изучения народного творчества, как творчества трудового крестьянства, все больше становится «книжником», фольклористом-археологом, воспринимающим народное творчество как отзвук далекой доклассовой («мифологической») эпохи. Барсов не стремится к сближению с народом, он не стремится, подобно Рыбникову, понять роль и значение народного творчества в жизни олонецких крестьян. Его вполне удовлетворяют тексты, записанные его учениками — семинаристами. В противоположность Рыбникову он изучает народное творчество, не выезжая из Петрозаводска.

Утверждая вслед за Рыбниковым значение бытовых песен (в том числе и причитаний) для изучения народной жизни (быта),⁴ он, противореча самому себе, заявляет о том, что причитания «не связуются содержанием с современной жизнью» (письмо к О. Ф. Миллеру).

Противоречивость понимания Барсовым сущности причитаний сказалась впоследствии не только во вступительной статье к I тому сборника И. А. Федосовой («Причитаний Северного края»), но и в самой композиции тома.

¹ См. ОГВ, 1867, № 15.

² Два слова о происхождении раскола, ОГВ, 1867, № 46.

³ Преподобные Обонежские пустынножителы, там же, 1867, №№ 9, 10, 26, 35, 43; 1868, № 11, 12; Исторический очерк Важезерской пустыни, Памяти. кн. Олонецкой губ. на 1868—69 гг.; Палеостров, его судьба и значение в истории Олонецкого края, 1868 и др.

⁴ См. заметку Рыбникова о бытовых песнях, т. III его сборника. В «Олонецких Губернских Ведомостях» (1867, № 47) Барсов писал о значении причитаний «особенно важных как выражение живого, современного народного творчества» (стр. 892—893).

Как уже говорилось, в начале 1867 г. (февраль-март) Е. В. Барсов впервые встретился с И. А. Федосовой и начал от нее записывать. «Я познакомился с ней, — пишет Е. В. Барсов, — в великом посту 1867 г. и тотчас же начал записывать от нее духовные стихи и старины; диктовать что-нибудь другое в это время она считала грехом. После пасхи я принялся за причитания».¹

Первые записи от И. А. Федосовой были сразу же опубликованы Барсовым в «Олонецких Губернских Ведомостях» под общим заголовком «Из обычаев Обонежского народа».² В конце публикации, состоявшей из 14 текстов, значится: «Все напечатанные здесь «стихи» записаны мною от Ирины Толвуйской». Совершенно очевидно, что «Ирина Толвуйская» это Ирина Андреевна Федосова, родившаяся и жившая (до переезда в 1864 г. в Петрозаводск) в Толвуйской волости Петрозаводского уезда. Это подтверждается и косвенными и прямыми свидетельствами; подтверждение находим и в самом составе публикации: 10 духовных стихов, былина о Чуриле и баллады «О девяти братьях-разбойниках», «Василий и Софья» и «Казань-город» (Барсов писал, что он «начал записывать от нее духовные стихи и старины»). Подтверждение дает и сопоставление публикации 1867 г. с записями Агреновой-Славянской³ (1887). Большинству текстов 1867 г. здесь находят параллели, дающие многочисленные совпадения имен, «общих мест», характернейших деталей и т. п. Наконец, подтверждает сказанное и прямое свидетельство Е. В. Барсова о принадлежности этих текстов И. А. Федосовой. В речи, произнесенной перед выступлением Ирины Андреевны на заседании Этнографического отдела О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (3 января 1896 г.), Барсов отметил: «Все записанное мною в Великом посту, было издаваемо в Олонецких Ведомостях. Так были записаны от Ирины Андреевны и тотчас же напечатаны былины о Чуриле Пленковиче и жене Берьмаса, о девяти разбойниках и обещенной ими сестре; а также былина из разряда сказаний

¹ Стр. 314. Великий пост в 1867 г. длился с 26 февраля по 16 апреля.

² ОГВ, 1867, № 11—14, 16 (8 марта — 22 апреля).

³ Описание русской крестьянской свадьбы, т. III, М., 1889, стр. 88—141.

о злых матерях, губительницах зазнобушки, под заглавием Софьи. Все эти старины были разобраны и оценены О. Ф. Миллером в журнале Министерства Народного Просвещения за 1868 г.»¹

Таким образом, поэтическое наследство Федосовой пополняется еще 14 текстами, имеющими важное значение для осмысления всего ее творчества в целом. Насколько значительны были записи Барсова на фоне современных им публикаций, свидетельствует их оценка О. Ф. Миллером: «Они... составляют, можно сказать, главное, что появилось по части народной словесности в 1867 г.»²

После пасхи (т. е. после 16 апреля), как сообщает Барсов, он принялся за запись причитаний. Однако, судя по сообщению «Олонецких Губернских Ведомостей», Барсов с 11 апреля 1867 г. по 3 июня того же года отсутствовал в Петрозаводске.³ Следовательно, запись причитаний началась не раньше 3 июня 1867 г. Следующий перерыв наступил, очевидно, в августе 1867 г. В это время около Кузаранды произошел случай, описанный Федосовой в «Плаче о потопших» № 17),⁴ и естественно предположить, что в это время она была на родине.

О ходе самих записей Е. В. Барсов сообщает следующее: «Сначала она ходила ко мне на квартиру, и дело шло успешно; но потом она нашла это неудобным, и я сам ежедневно путешествовал к ней».⁵ «Запись происходила при весьма неблагоприятных условиях: мы сидели с нею в маленькой каморочке, рядом с мастерской. Она диктовала при шуме и стуке рабочих и то и дело развлеклась хозяйственными хлопотами. В то время она была бойкая, подвижная, веселая; в полном расцвете телесных и нравственных сил; душа ее быстро могла повышаться под воспоминанием пережитых явлений народной жизни и

¹ Архив ГИМ, ф. 52 074, л. 2.

² «Олонецкие Губернские Ведомости» за 1867, ЖМНПр, 1868, март, стр. 909.

³ См. ОГВ, 1867, № 23 и № 46.

⁴ См. часть III, стр. 280—281.

⁵ Т. I, стр. 314. В неопубликованной статье «О записях и изданиях «Причитаний Северного края»; о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц», 1896 г. (Архив Гос. Инст. Муз. ф. 52 074) Барсов пишет, что вынужден был перенести работу на квартиру И. А. Федосовой, «т. к. она должна была в течение дня продовольствовать своих рабочих» (л. 2).

непосредственно создавать соответствующие художественные образы».¹

Воспоминания Барсова об их совместной работе свидетельствуют о большом такте собирателя: «Во все те минуты, в кои замечал я подобное угнетение или просто утомление, — пишет он далее, — я тотчас же прекращал записывание плачей и начал (начинал? *К. Ч.*) разговор о чем-нибудь стороннем... Иногда в подобных случаях я обращался к ней и говорил: «Ну, Иринушка, и ты утомилась и моя рука устала; отдохнем — перестанем писать. Вот расскажи-ка мне лучше какие-нибудь хитрые загадки²... Когда я замечал, что она успокоилась, окончив свои хозяйственные хлопоты, или же после нравственного угнетения приходила в равновесие духа и становилась более или менее веселой, я вновь приглашал ее продолжать причеть. «Ну-ко прочитай, что написано», — замечала она; когда я прочитывал то, на чем остановились, она опять, видимо, входила в роль вопленицы; творческая мысль ее поднималась, и слово становилось более выразительным». Как вспоминал Барсов позднее, его работа с Федосовой вызывала насмешки со стороны его сослуживцев и неприязненное отношение начальства.

Запись текстов, составивших позже I том «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым», продолжалась до ноября 1867 г. 25 ноября «Олонецкие Губернские Ведомости» известили читателей о том, что «членом Олонецкого Губернского Статистического Комитета, учителем здешней духовной семинарии Е. В. Барсовым приготовлен к изданию первый том «Сборника заонежских заплачек».³ Это сообщение интересно во многих отношениях. Прежде всего, оно дает первоначальное название сборника, с другой стороны, дает повод думать, что к ноябрю 1867 г. Барсову была уже ясна возможность продолжения работы и необходимость создания многотомного сборника (так как речь идет уже о «первом томе»). Возможно, что Барсов записывал в 1867 г. не только похоронные, но и свадеб-

¹ Ф. 52 074, л. 2.

² В рукописи приводятся 10 загадок и 8 пословиц.

³ ОГВ, 1867, № 47. В переписке с Обществом Люб. Росс. Словесности Барсов называет свой сборник «Олонецкая причеть». Название «Причитания Северного края» принято было Е. В. Барсовым по совету А. Н. Пыпина.

ные «заплачки», т. к. в упомянутом сообщении «Олонецких Губернских Ведомостей» говорится только об этих двух видах причитаний. В то же время в предисловии ко II тому сборника И. А. Федосовой Барсов относит запись рекрутских причитаний к 1868 г.¹

К 11 мая 1868 г. составил и II том будущего сборника.² 16 июля 1868 г. Барсов выехал из Петрозаводска на родину (Череповец) для того, чтобы провести каникулярное время с родными.³ По дороге ему удалось пробыть несколько дней в Петербурге и познакомиться со своей работой И. И. Срезневского, О. Ф. Миллера и В. И. Ламанского. Первая из этих трех встреч привела Барсова в смятение. Он не ожидал, что Срезневский отнесется к его работе так же насмешливо и сухо, как петрозаводские сослуживцы — чиновники. «Не увлекайтесь, молодой человек, — сказал ему Срезневский, за несколько лет перед тем высказавший сомнения в подлинности записей П. Н. Рыбникова.— Вы слишком много придаете значения Вашим записям; не угодно ли, прислуга моя расскажет Вам разных разностей — и Вы, пожалуй, записываете, но не думайте, что это будет иметь важное значение в науке. Вот у нас даже в университете есть такой увлекающийся человек, который написал целую библию об Илье Муромце.⁴ Нет ничего опаснее, чем спешить с преждевременными выводами».⁵ Отчаяние Барсова было столь велико, что он едва не сжег рукопись обоих томов. Однако О. Ф. Миллер оценил его работу совершенно иначе. Он предсказал сборнику Барсова большую роль в истории науки и требовал его немедленного издания. Он советовал не смущаться небрежным отзывом Срезневского, так как «в настоящее время Измаил Иванович занимается «юсовыми» памятниками, и «юс малый» и «юс

¹ Т. II, стр. 1.

² См. цитированное выше письмо Барсова к О. Ф. Миллеру от 11 мая 1868 г.

³ ОГВ, 1868, № 29. Барсов возвратился в Петрозаводск 2 августа 1868 г., см. там же, № 39.

⁴ Вероятно, И. И. Срезневский имел в виду монографию О. Ф. Миллера, «Илья Муромец и богатырство Киевское» (СПб, 1869 г.).

⁵ Архив ГИМ, ф. 52 074, л. 3.

большой» так увлекли его самого, что он стал равнодушным к живому творческому народному слову».¹

Не менее горячее сочувствие встретил Барсов и со стороны В. И. Ламанского. «Окруженный этим сочувствием, — пишет Барсов, — я вернулся в Петрозаводск и написал от Ирины Андреевны еще несколько плачей».

В 1870 г. Барсов по приглашению Румянцевского музея переезжает в Москву, где он становится помощником А. Е. Викторова по заведыванию отделом древних рукописей и старопечатных книг, а несколько позже библиотекарем московской Чертковской библиотеки и ученым секретарем «Общества Истории и Древностей Российских».²

Барсов, повидимому, сразу же после первых записей причитаний от Федосовой задумал их издание отдельным сборником; по крайней мере в «Олонецких Губернских Ведомостях» он не опубликовал ни одного из записанных им от Федосовой текстов, продолжая публиковать другие материалы, доставляемые ему его учениками.

Только в 1870 г., уже после отъезда из Петрозаводска, он напечатал в московской газете Н. П. Гилярова-Платонова «Современные известия» статью «Олонецкая плакальщица»³ (перепечатанную позже в «Олонецких Губернских Ведомостях»⁴), в которой вместе с отрывком из автобиографии Федосовой давался и отрывок из «Плача о старосте». Первое выступление Барсова в столичной печати было обставлено весьма примечательно. Несмотря на то, что заметка Барсова и сопровождающий ее текст Федосовой были напечатаны в нижнем углу последней страницы, читатель не мог их пропустить, так как редакционная передовая этого номера, объявившая публикацию «Плача о старосте» общественным событием, была специально ему посвящена.

«Учреждение мировых посредников, — писал автор передовой, повидимому, сам издатель газеты,⁵ — способ-

¹ Там же, л. 3. Уход в изучение прошлого при игнорировании проблем современности в свое время оттолкнул от Срезневского и молодого Н. Г. Чернышевского, начавшего было работать под его руководством в качестве студента Петербургского университета.

² «Барсов Е. В.» (некролог). Ист. Вестник, 1917, № 7—8, стр. 287—288.

³ 1870, 4 авг., № 212.

⁴ 1870, № 62.

⁵ Известно, что Н. П. Гиляров-Платонов важнейшие статьи для своей газеты писал сам.

но возбуждать поэтическое вдохновение, воскрешает эпос, создает эпических поэтов... «Что за дичь!» Нет, это шутка, но основанная на действительности. Читатель найдет ниже, в «Разных Известиях», статью г. Барсова, вместе с приложенным к ней отрывком из «Плача о старости». Автор передовой считает, что «общественное значение» публикуемого текста состоит в том, «какими образами ложатся на крестьянский мозг приезжающие из губернии господа посредники... Вы смотрите на них как на мелочь, а они оставляют глубокий след в народном сознании, титулярные советники и губернские секретари преобразуются в Бова-королевичей, Ерусланов Лазоревичей и чуть не в Добрыню с Ильей Муромцем». Однако не следует преувеличивать значения этой передовой иронически настроенного славянофила. Мировые посредники, учрежденные в центральных губерниях России в 1861 г., доживали свои последние дни — в 1873 г. они были заменены «непременными членами уездных по крестьянским делам присутствий». К 1870 г. мировые посредники выполняли свою миссию, и поэтому передовая «Современных известий» мало беспокоила официальные круги. Вполне возможно, что этим же объясняется и то, что Барсов только в 1870 г. решился опубликовать тексты Федосовой, записанные им в 1867 г.

Так, передовая «Современных известий» стала первой печатной рецензией на тексты Федосовой.¹ С другой стороны, первый текст «Причитаний Северного края», с которым познакомился читатель 70-х гг., появился именно

¹ Цитированная передовая примечательна и в другом отношении. 1870 г. в истории русской фольклористики был временем активной дискуссии вокруг книги В. Стасова «Происхождение русских былин». О роли текстов Федосовой в заключительной фазе этой дискуссии будет речь впереди. Отметим лишь, что появление первого же текста Федосовой дало возможность автору передовой «Современных известий» указать и сторонникам Стасова и сторонникам «мифологической теории» на невозможность объяснить творчество Федосовой этими теориями. Он писал: «Не падает ли отсюда свет на этих подлинных Добрыней и Ерусланов? Не придется ли по прочтении импровизаций современной плакальщицы зачеркнуть, может быть, девять десятых разных глубокомысленных рассуждений о былинах и сказках, их происхождении и значении? За многою седю древностью пришло бы, пожалуй, обращаться ко вчерашнему дню или даже к сегодняшнему...».

как текст Федосовой, недаром статья Барсова называлась «Олонецкая плакальщица».

К концу 1870 г. Е. В. Барсов закончил подготовку I тома к печати.

Вскоре по приезде в Москву Барсов сближается с московскими славянофильскими кругами и их филологическим центром «Обществом любителей российской словесности». На специальном вечере у председателя общества А. И. Кошелева Барсов демонстрировал тексты И. А. Федосовой и читал отрывки из вступительной статьи. Общество решило ассигновать 500 рублей «для напечатания I тома, заимообразно, с тем, чтобы на деньги, вырученные от его продажи, приступить к печатанию следующего тома»,¹ и создало специальную комиссию в составе П. А. Бессонова, Н. О. Беляева и Н. А. Чаева для рассмотрения подготовленного Барсовым материала и составления инструкции, которая должна была определить ход дальнейшей работы над сборником. Комиссия нашла сборник «в высшей степени замечательным», однако, неподготовленным к изданию. Комиссия предписывала составителю:² 1) поместить в сборнике «объяснения самой певницы», насколько их вспомнит Барсов, «в собственных выражениях ее языка», «об ее профессии, применении причитаний, употреблении и распространении между народом, об ее предшественниках или современниках-товарищах по занятию и т. п., вроде, как сообщал о том Барсов на публичном чтении Общества»; 2) разработать описание обряда из всех известных источников; 3) сличить плачи «обрядные» с «эпическими», помещенными Бессоновым в сборнике Киреевского; 4) дополнить варианты, записанные от И. А. Федосовой, вариантами из прежних изданий — сборников Рыбникова, «Описания» Дашкова, Терещенки, Пермского сборника, Записок о Сибири (в «Библиотеке для чтения»),

¹ Архив ГИМ, ф. 52 074, л. 4. Любопытна пометка Барсова к этому листу статьи: «Насколько я помню, особенно заинтересовался личностью вопленицы Ю. Ф. Самарин».

² Среди бумаг Е. В. Барсова в архиве ГИМ нашлась копия инструкции комиссии (ф. 52 074, прилож. к л. 4).

Сельской свадьбы Архангельской губернии («Москвитянин», 1853, XIII, 38 в ст. Жаварова) и «всего старше «Веселой Эрато» (1800); 5) сравнить публикуемые варианты со славянскими, греческими, албанскими и другими материалами по указанию Бессонова; 6) комиссия отмечала отдельные ошибки в тексте, отсутствие необходимых ударений и рекомендовала еще раз сверить тексты с записью. Кроме того, комиссия требовала выбросить все вставные частицы и обильные «однообразные», утомительные окончания уменьшительных слов», т. е. «подчистить» язык текстов; 7) отмечалась желательность составления словаря областных слов, указателя имен, терминов и «типических выражений при обряде»; 8) при издании предписывалось «соблюсти подобие в наружном виде, формате и шрифте старым изданиям Общества».

Таким образом, в инструкции комиссии со всею ясностью сказалось стремление превратить сборник текстов, записанных от И. А. Федосовой, в сборник типа «Песен, собранных П. В. Киреевским», изданных членом комиссии, известным Бессоновым. Тексты Федосовой, по замыслу авторов инструкции, должны были раствориться в массе случайных публикаций из различных областей России.

Творческая индивидуальность Федосовой, не очень ясно, но все же ощущавшаяся Е. В. Барсовым, должна была, по совету Бессонова и его друзей, оказаться совершенно затушеванной. Барсов не принял указаний комиссии полностью. Дополнив свой сборник подробным описанием обряда, статьей о языке причитаний и словарем, который был проконсультирован Ф. И. Буслаевым и И. И. Срезневским, и введя некоторые параллели из вариантов Рыбникова, Шейна, Терещенко и Дашкова в качестве подстрочных примечаний, он решительно отказался от редактирования текста, напечатав его «так, как он был записан».¹ Установилось, наконец, и окончательное название сборника. Оно было предложено, как уже говорилось, А. Н. Пыпиным.

Однако совершенно очевидно, что не без влияния Бессонова, известного издателя «Песен» П. В. Киреевского и двух первых томов сборника П. Н. Рыбникова «Сборник заонежских заплачек», записанных от И. А. Федосо-

¹ Там же, л. 5.

вой, превратился в «Причитания Северного края», сборник, в котором сведения о вопленицах давались более для документации самих текстов, чем для обрисовки обликов исполнителей этих текстов. Характерно, что сам Барсов, извещая заметкой «Олонецкая плакальщица» об окончании работы над I томом, подчеркнуто выдвигал личность Федосовой, сообщал ее автобиографию, приводил один из ее текстов и т. д.

Возможно, что именно под влиянием Бессонова у Барсова возникла мысль расположить тексты по «сюжетам», подобно тому как были расположены былины в сборниках Киреевского и Рыбникова. Сборник был разделен на две части, первая из которых признавалась более значительной, чем вторая. В ней оказались сосредоточенными тексты, исчерпывающие возможные родственные взаимоотношения оплакивающего и оплакиваемого: вдовы по мужу, «вдовца» по жене, матери по сыну и дочери, дочери по отцу и матери, крестницы по крестной, сестры по брату родному и двоюродному, племянницы по дяде родном и двоюродном и сватья по сватье. Вторую часть составили плачи на «исключительные случаи» — об убитом громом-молнией, об утопших, об у пьянсливой головушке, о старосте, писаре и попе.

Таким образом, наиболее резкие в социальном и одновременно наиболее замечательные в художественном отношении тексты были запрятаны в конец книги. Сборник, тем самым, стал доступен лишь узкому кругу профессионально-заинтересованных этнографов и фольклористов. Надо было иметь специальный интерес к сборнику, чтобы преодолеть огромные по своим размерам и медленные по развитию действия тексты первой части и добраться до второй части, содержащей тексты, насыщенные общественно-политической проблематикой.

I том печатался в типографии газеты «Современные известия» и вышел в свет в мае-июне 1872 г.¹ В окончательном виде он состоял из введения, упомянутого выше аппарата и 22 текстов, 17 (272 стр.) из которых принадлежали Федосовой и 5 (26 стр.) — четверем

¹ В первой по времени появлении рецензии, напечатанной в июньском номере журнала «Грамотей», говорится: «На днях отпечатаны причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым» (стр. 31).

другим вопленицам—Анне Первенцевой (Пудожский у.), Марье Федоровой (Каргопольский у.), Анне Лазорихе (с. Логиново Череповецкого у. Новгородской губ.) и Клавдии Мамоновой (с. Твердилово Калязинского уезда Тверской губ.). Принцип, которым руководствовался Барсов при включении этих текстов, совершенно ясен: они должны были служить параллелями к некоторым из текстов Федосовой, подобно подстрочным параллелям из других сборников (см. выше). Последние по времени записи — тексты плача дочери по отце (№ 3) и по матери (№ 5) Анны Лазорихи относятся к 1870 г.; они были записаны Барсовым во время его летнего пребывания на родине.

Г Л А В А 3

I том сборника И. А. Федосовой был значительным событием в истории изучения русского народного творчества. Прежде всего, Барсову принадлежит несомненная честь открытия малоизвестного до тех пор жанра русской народной поэзии. Отдельные публикации причитаний до выхода в свет I тома были рассыпаны по журналам и сборникам, не привлекая внимания исследователей. В этом смысле имя Барсова может быть смело поставлено рядом с именами других «первооткрывателей» русского фольклора — Рыбникова, Афанасьева, Киреевского. Вместе с тем, и введение Барсова к I тому было фактически первым крупным и чрезвычайно обстоятельным исследованием о русских причитаниях. Барсов поставил перед собой задачу монографического описания русских причитаний. В соответствии с этим он сообщает все доступные ему сведения из истории русской причеты, высказывает свои соображения о ее происхождении и эволюции, подробно анализирует «обломки доисторических созерцаний», которые он находит в основных представлениях причеты, характеризует общественное и познавательное значение записанных им текстов и т. д.

Теория эволюции причеты, изложенная Барсовым, не представляла собою ничего оригинального. В соответствии с общими представлениями мифологической школы (об «эпическом веке», об общей эволюции всех жанров от эпического к неэпическому и т. д.) Барсов строит схе-

му превращения эпических плачей в лирические, которая не подтверждается им никакими материалами и поэтому остается лишь общим предположением. С тех же позиций анализируется им и взаимоотношение христианских и нехристианских элементов в причети.

Наибольший интерес представляют страницы «Введения», посвященные характеристике причети как материала для познания быта и обычаев народа, хотя и здесь заметен значительный налет славянофильской идеализации. Так, например, явно противоречит тексту, Барсов пишет: «Плачи о свате» также обусловлены добрыми родственными отношениями сватовства» (XXII)¹ и т. д. Наиболее точно рисуется им положение вдовы, вдовца, сирот и т. д.

В характеристике общественного значения и смысла текстов I тома видно явное стремление приглушить их остроту. Так, вырывая из контекста несколько строк из «Плача по дяде родном» (№ 12), он использует их для доказательства сомнительного утверждения о «правильном взгляде» народа «на подати казенные»,² т. е. о развитии будто бы у крестьян «чувстве долга» по отношению к помещичьему государству. Тем же стремлением приглушить впечатление читателя объясняется и выдвижение на первый план внутриобщинных противоречий.³ Столкновение крестьян с мировым посредником, которое рисуется Федосовой в «Плаче о старосте» (№ 20), толкуется им как случайное: все дело лишь в том, что мировые посредники в Олонецкой губернии «не местные туземцы» (т. е. не местные помещики), а приезжие чиновники, не находящие общего языка с крестьянами. И, наконец, Барсов со снисходительной усмешкой говорит о «несложных» и «поверхностных чертах» «примерного попа» из «Плача о попе — отце духовном» (№ 22), в котором Федосова рисует крестьянский идеал «хорошего попа». Вывод Барсова прямо противоречит публикуемым им текстам: «Вообще под влиянием крепостного права и старых российских порядков народ привык сильно бояться начальства и избегает всевозможных столкновений с ним».⁴

¹ О «Плаче о свате», см. ч. III, стр. 263.

² Стр. XXVII.

³ Там же.

⁴ Стр. XXIX.

Одним словом, тенденциозность барсовских толкований не подлежит сомнению.

Мы уже отмечали значительность сборника Барсова как первой крупной публикации русской причеты и значительность вступительной статьи (при всех ее недостатках) как первого крупного исследования о русских причиганиях. Индивидуальные особенности творческой манеры И. А. Федосовой надолго предопределили ходовое представление о всей причете русского Севера. Лишь значительно позже, когда было накоплено большое количество записей из различных областей России, в том числе из Олонецкой губернии, фигура Федосовой, ее творческое своеобразие стали вырисовываться все яснее и яснее.

В конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого столетия большую роль в развитии русской науки о народном творчестве сыграли выступления революционных демократов — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина. Их статьи по народному творчеству содержали резкую критику мифологической школы и других направлений науки и в то же время указывали путь, по которому должна развиваться наука об искусстве и культуре народа. Революционные демократы боролись за превращение фольклористики из науки о сказочных и мифологических сюжетах в науку о жизни и творчестве трудового народа.

Программу Чернышевского, Добролюбова, Герцена стремились реализовать в своей деятельности молодые фольклористы-демократы 60-х гг.: И. А. Худяков, И. Г. Прыжов, Н. Н. Якушкин, П. Н. Рыбников и др. Отзвуки ее слышатся в споре Павлуши Веретенникова с Якимом Нагим в гл. «Пьяная ночь» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова. Широта и многосторонность изучения П. Н. Рыбниковым народной жизни лишь в слабой степени отразились на первых томах его сборника, издававшихся Бессоновым. «Записка собирателя», напечатанная Рыбниковым в приложении к III тому, внешне отвечала как будто лишь требованию документации публиковавшихся текстов, подлинность которых оспаривалась. В то же время «Записка собирателя» была живым очерком той среды, в которой бытовали записанные собирателем былины, и в этом смысле была откликом на программу революционных демократов, наиболее четко сформулированную в статье-рецензии Н. А. Добролюбова

на сборник сказок А. Н. Афанасьева.¹ Совершенно естественно, что вместе с общим интересом к жизни крестьян, исполнявших былины, возник и интерес к личностям народных певцов-сказителей. В этом смысле сборник Барсова был прямым продолжением деятельности Рыбникова. Он дал впервые свод текстов одного сказителя, что и было замечено некоторыми рецензентами тома (А. А. Котляревским, Л. Н. Майковым и др., см. ниже).² Вместе с тем, Барсов (как впрочем и А. Ф. Гильфердинг) значительно сузил принципы Рыбникова, сведя проблему творческой личности сказителя как типичного выразителя мировоззрения трудового народа к чисто биографическим моментам.

Значение I тома в истории русской фольклористики не исчерпывается сказанным выше. «Причитания Северного края» появились в свет, когда не были еще забыты споры, вспыхнувшие вокруг книги В. В. Стасова о русских былинах.

Замечательный деятель русского искусства, В. В. Стасов, имя которого неразрывно связано с историей становления русской реалистической живописи и музыки, за четыре года до опубликования I тома «Причитаний Северного края» выступил с глубоко ошибочной работой «Происхождение русских былин». Книга Стасова, направленная против славянофильских теорий, произвела в среде славянофилов впечатление разорвавшейся бомбы. Протестуя против лжепатриотической славянофильской идеализации русских былин, В. В. Стасов в пылу полемики зашел чрезвычайно далеко. Он считал возможным (в пику славянофилам) утверждать нерусское происхождение русских былин. Выступление Стасова имело явно памфлетный характер. Отвергая основные положения столь популярной в то время «мифологической школы», особенно в ее славянофильском варианте, Стасов доходил до отрицания национальной самобытности русского фольклора вообще.

В страстной полемике, разгоравшейся вокруг «Происхождения русских былин», приняли участие крупнейшие

¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в 3-х томах, ГИХЛ, М., 1950, т. I, стр. 589—590.

² Следует отметить, что о Федосовой читатели узнавали, лишь прочтя все тексты и описание обряда. Вступительная статья не дает никакого представления о народной поэте.

газеты и журналы, многие филологи и этнографы того времени.¹ Книга Стасова была резко осуждена М. Е. Салтыковым-Щедриным в его известной книге «Дневник провинциала в Петербурге» (гл. VI). В 1870 г. Стасов ответил своим противникам статьей «Критика моих критиков»,² вызвавшей снова оживленные отклики.

Сборник импровизаций Федосовой сыграл известную роль в заключительной фазе этой дискуссии. Мы уже указывали на использование первого же опубликованного текста Федосовой автором передовицы газеты «Современные известия» в качестве аргумента не только против Стасова, но и против сторонников «мифологической теории». Подобно автору этой передовой, и многие другие рецензенты оценили выход I тома как новый удар по концепции В. В. Стасова. Сборник Федосовой воспринимался ими как свидетельство больших творческих возможностей русского народа. При этом особенно подчеркивался тот факт, что Барсов записывал от Федосовой в тех же местах, где записывал былины П. Н. Рыбников. В былинах и причитаниях рецензенты находили общие мотивы, свидетельствующие о прочности основных эпических приемов в сознании сказителей русского Севера. Вместе с тем подчеркивалось, что по отношению к причитаниям невозможна даже сама постановка вопроса о каких-либо заимствованиях, т. к. это импровизационный жанр, выросший на основе быта и обычаев русского Севера.

* * *

Появление I тома «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» было оценено современниками как значительное событие в истории русской науки о народном творчестве.

В газетах и журналах 1872—74 гг. развернулось оживленное обсуждение тома, в котором приняли участие многие известные журналисты и ученые того времени (Н. К. Михайловский, акад. Л. Н. Майков, акад.

¹ Ф. И. Буслаев, О. Ф. Миллер, П. А. Шифнер, П. А. Бессонов, В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский и др.

² Вестник Европы, 1870, II и III.

А. Н. Веселовский, акад. А. Ф. Бычков и др.).¹ Характер и направленность этих статей были различными, однако, все авторы сходились на признании важности «открытия» новой области народного творчества. «Недавно вышла очень любопытная книга: «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым» — писал в лучшем русском журнале 70-х гг. «Отечественные записки» один из постоянных его сотрудников Н. К. Михайловский, посвятивший I тому очередную статью отдела «Литературных и журнальных заметок». Михайловский подчеркивает прежде всего «гражданские мотивы» «надгробных речей и некрологов мужика», как он называет тексты Федосовой. Он тщательно выписывает все наиболее острые по своему политическому звучанию места тома. Первая часть его статьи, по сути дела, — монтаж цитат, иллюстрирующих основные стороны социального мироощущения И. А. Федосовой. «Плач о старосте» и «Плач о писаре» пересказывается им полностью. «Вот какие глубокотрагические обороты в надгробных речах и некрологах мужика. Всякие комментарии тут неуместны», — заключает он, давая понять читателю, что комментарии к

¹ Наиболее крупные статьи: Н. М. Михайловский, Литературные и журнальные заметки. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, Отечественные записки, 1872, № 11, стр. 149—175; Л. Н. Майков, Причит. Сев. Края, собранные Е. В. Барсовым. ч. I, М., 1872, ЖМНП, 1872, ч. XIV, декабрь; А. N. Wesselofsky, Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie. I. Die russischen Totenklagen, Russische Revue, 1873, V. III., s. 487—526; А. Ф. Бычков, Причитания Сев. края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1872; Отчет о 16 присуждении наград гр. Уварова, СПб, 1874, стр. 191—193; Н. Баталин, Народное творчество (по поводу Причитаний Сев. края, собр. Е. В. Барсовым, М., 1872). Филологические записки (Воронеж), 1873, № 2, стр. 1—28; Н. Покровский, Рассказ об ульянливой головшке, Грамотей, М., 1872, VI, стр. 31—40; он же, Загробная жизнь в народных верованиях Северного края России, Православное обозрение, М., 1872, № 7, стр. 89—104; он же, Рассказы из крестьянского быта Северного края, Гражданин, 1872, IX, № 18, стр. 16—18, № 19, стр. 44—47; Причитания Северного края, ОГВ, 1872, № 86 и 1873, № 91 (из отчета о 16 присужд. наград. гр. Уварова); Ralston. W.R.S., Russian funeral literature, Laments of Northern District, Collected by E. V. Barsof, vol. I, Moscow, The Academy, 1878, Dec., V. III, N 61, p. 443—444. Несколько позже появилась статья С. Браиловского, О смерти и посмертном существовании по Причит. Сев. края, Русск. филолог. Вести., 1885, № 2, стр. 227—256.

текстам Федосовой, как он их понимает, небезопасны в цензурном отношении.

Михайловский подчеркивает огромное значение I тома для изучения народной жизни. Он считает его выдающимся историческим документом, встающим в один ряд с документами, публиковавшимися в эти годы в «Русском архиве», «Русской старине», «Сборнике русского исторического общества» и др. Он подчеркивает необходимость перехода от эмпирических собраний и изданий документов («одни издают, другие читают») к их систематическому и принципиальному изучению.

Наконец, он противопоставляет тексты Федосовой су- сальным переложениям былин и сказок (Буренин и др.), знаменующим «оскудение литературного русла», «вроде тех,— пишет он,— какие были в ходу в римской литературе времен упадка цивилизации» (стр. 157).

В начале 70-х гг. Н. К. Михайловский был еще относительно близок к великим продолжателям революционно-демократических традиций 60-х гг. — Некрасову и Салтыкову-Щедрину, он был еще идеологом революционного народничества. «Отечественные записки» начала 70-х гг., в которых появилась его статья о Федосовой, были журналом, непримиримо относившимся ко всем проявлениям буржуазного либерализма. Подобно «Современнику» 60-х гг., «Отечественные записки» были журналом «партии народа в русской литературе» (Добролюбов).¹

Общую оценку I тома сборника Федосовой, данную Н. К. Михайловским в его статье, несомненно разделяло большинство редакции журнала. Об этом свидетельствует прежде всего вся направленность статьи, прямо перекликающейся со статьями Чернышевского и Добролюбова по вопросам народного творчества; об этом свидетельствует и отношение главного редактора журнала Н. А. Некрасова к Федосовой (см. ниже).

Однако некоторые черты будущего идеолога либерального народничества, каким Михайловский стал в 80—90-е гг., пробиваются уже и в этой статье. Михайловский

¹ См. оценку «Отечественных записок» за 1872 г. (т. е. год появления в нем статьи о Федосовой) и сопоставление роли этого журнала в общественной борьбе 70-х гг. по сравнению с «либеральным народничеством» 90-х гг. в работе В. И. Ленинна «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (1894 г., Собр. Соч., т. 1, стр. 265—266).

уже пережил горечь провала первых «хождений в народ», на которые он возлагал столь большие надежды. Он оказывается неспособным точно и ясно учесть все сильные и слабые стороны мироощущения Федосовой, он лишь сокрушается о том, что «гражданские мотивы» сравнительно редко встречаются в причитаниях, собранных г. Барсовым» (стр. 153). Это кажется ему особенно горьким «в минуты тяжелых уроков истории и разочарования в настоящем и будущем». Тексты Федосовой (личность ее, кстати, совершенно не интересует Михайловского) для него — причитания того «народа», который в 1871—72 гг. не оправдал романтических надежд зарождающегося народничества.

* * *

Наиболее верная и глубокая оценка значения I тома сборника Федосовой была дана великим русским поэтом Н. А. Некрасовым. Некрасов не писал ни рецензий, ни статей о «Причитаниях Северного края», но он активно и совершенно осознанно использовал найденные им у Федосовой поэтические образы в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Следовательно, сам вопрос о том, как Некрасов понял тексты Федосовой и как он их использовал, имеет большое значение для понимания оценки I тома сборника народной поэтессы революционно-демократической критикой. Кроме того, не следует забывать и о том, что, используя тексты Федосовой в «Кому на Руси жить хорошо», Некрасов знакомил с ними широкие круги своих читателей и делал тем самым ее поэтическое наследие общенациональным достоянием, вводил его в золотой фонд великой русской литературы.

Как уже говорилось во «Введении», В. И. Ленин обращал внимание на то, что при чтении текстов И. А. Федосовой вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова, возникшие на основе крестьянских рассказов о солдатчине. «Наши классики, — говорил В. И. Ленин, — несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение».¹

Отношение Некрасова к народному творчеству в 60-е гг. характерно для революционно-демократической

¹ «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

мысли. Народное творчество для него — художественное творчество трудового крестьянства, один из источников познания народа.

Некрасовское отношение к народному творчеству, сказавшееся в произведениях поэта, в которых исследователи усматривают «элементы фольклора», не было какой-то обособленной, замкнутой в себе областью деятельности поэта, а органической частью его общелитературного дела, частью его борьбы за реализм и народность русской литературы. Эта борьба приходилась на десятилетия бурного развития русской науки о народном творчестве, горячих схваток между различными лагерями собирателей и исследователей народной поэзии — борьбы революционно-демократического направления русской науки с консерватизмом и реакционным идеализмом многих исследователей, специально изучавших творчество народа.

Подобно своим сотоварищам по «Современнику», Некрасов живо откликался на важнейшие события науки о народном творчестве. Известна его рецензия на сборник Сахарова, его оценка сборника Берга «Песни разных народов».

Как уже говорилось, отзвуки революционно-демократической программы легко обнаружить в споре Павлуши Веретенникова с Якимом Нагим в главе «Пьяная ночь», из «Кому на Руси жить хорошо» (1865).

В стихах Некрасова содержатся ценнейшие суждения о смысле, роли и месте устного народного творчества, особенно песни, в жизни трудового народа и о его исторической обусловленности. Так, например, в стихотворении «В дороге» (1845 г.) утверждается серьезное жизненное значение песни; в «Размышлениях у парадного подъезда» дана характеристика старой народной песни и устанавливаются причины распространенности «песни-стона». В «Коробейниках» раскрывается не менее острая в социальном смысле история возникновения «Песни убогого странника»; в «Крестьянских детях» рисуется трогательная любовь крестьянских детишек к мастерам занимательного устного рассказа и сказки. В «Пире на весь мир» одна за другой звучат песни, порожденные как крепостным правом, так и послереформенным гнетом, «горькие, как барщина сама»; «других в ту пору не было» — подчеркивает Некрасов. В то же время Некрасов выра-

жает уверенность в том, что русский народ сумеет добиться лучшего будущего и создаст другие «животворящие» песни:

И будут в них не жалобы
На долю подневольную,
Не рабская тоска,
А радость воссмеявшейся
Души народа русского,
Из мрака и уныния
Воспрянувшей души.¹

В любви русского трудового народа к художественному слову Некрасов видит свидетельство таланта, не истребленного в нем веками рабства и унижения, залог его великого будущего:

Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О, сеятель! Приди!..²

Немало интересных суждений о народной песне содержится и в вариантах к «Пиру на весь мир».

Некрасов жаждал быть услышанным народом, с тревогой и болью писал об этом. Общеизвестен его замысел издавать для народа «красные книжки» (цензура остановила это издание на втором выпуске). Поэт напряженно думал о возможности воздействовать на народную устную песенную традицию. Об этом говорят созданные им многочисленные песни, народные по всем своим качествам: «Калистрат», «Притча об Ермолае трудящемся», «У людей-то в дому», «Катерина», «Молодые», «Сват и жених»; песни из «Пира на весь мир» — «Веселая», «Барщинная», «Голодная», «Солдатская», «Соленая», «О двух великих грешниках», «Русь» и др.

Некрасов был прекрасным знатоком многих жанров русского устного народного творчества. Однако далеко не все интересовало его в равной мере. Справедливо отметил еще Н. П. Андреев, что Некрасова не привлекали наиболее прославленные реакционной славянской фольклористикой виды фольклора — духовные стихи, религиозные легенды, суеверные побывальщины, архаический календарно-обрядовый фольклор, заговоры и т. д. Его

¹ Из вариантов к «Кому на Руси жить хорошо», Полн. собр. соч. т. III, стр. 542.

² Т. III, стр. 362.

привлекали в первую очередь те жанры, которые с наибольшей активностью впитывали в себя мысли и чувства современного крестьянства — песни, бытовые рассказы, причитания, пословицы и поговорки. Из всего богатства русской народной поэзии Некрасов стремился извлечь максимальное количество свидетельств огромных исторических возможностей русского трудового народа, которые предстояло ему реализовать в будущем.

В то же время он не идеализировал отрицательных сторон народной жизни, видел стихийность народных форм социального протеста.

Сущность интереса Некрасова к устному народному творчеству именно и состоит в том, что он стремится проникнуть в народную психологию, понять и изобразить народ таким, каков он есть. Восставая против славянофильского иконописного изображения народа, Некрасов героем своим избрал народ, его не убитое веками рабства духовное и физическое богатство.

В свете сказанного следует понимать и некрасовскую оценку творчества Федосовой и его метод использования текстов народной поэтессы в «Кому на Руси жить хорошо».

О значении народного творчества для поэзии Некрасова писалось неоднократно.¹ Установлено немало «цитаций» и параллелей, в основном правильно оценены важнейшие факты. Большинство исследователей подчеркивалась также большая роль народных причитаний

¹ М. Д. Гофман, Некрасов и народная песня, см. «Некрасов. Памятка ко дню столетия рождения», П., 1921; В. Еланская, О народно-песенных истоках творчества Некрасова, «Октябрь», 1927 г., № 12; Н. Н. Кубиков, Комментарии к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М., 1933 г.; К. Рождественская, Элементы фольклора в поэзии Некрасова — «Штурм» (Свердловск), 1934, № 11; Н. Андреев, Фольклор в поэзии Некрасова, «Лит. учеба», 1936 г., № 7; Ю. Соколов, Некрасов и народное творчество, «Лит. критик», 1938, № 2; И. Шамориков, Некрасов и фольклор, Труды МИФЛИ, филологич. фак-т, М., 1939, т. III; В. Г. Базанов, Вопленицы «их поэзия в жв. «Народная словесность Карелии», Петрозаводск, 1947, стр. 203—216; К. В. Чистов, Некрасов и сказительница Ирина Федосова, «Научный бюллетень Ленинградского Гос. университета», Л., 1947, № 16—17, стр. 33—45; его же, Н. А. Некрасов и народное творчество (задачи изучения), «Некрасовский сборник», т. I, 1951, стр. 102—116; К. И. Чуковский, гл. «Работа над фольклором» в кн. «Мастерство Некрасова», М., 1952, стр. 331—554.

для поэзии Некрасова, особенно с начала 60-х гг. К сожалению, при этом осталась во многом еще невыясненной роль текстов И. А. Федосовой, с которыми Некрасов познакомился после выхода в свет I тома ее сборника (1872 г.). До сих пор остались в значительной мере неучтенными и материалы черновых рукописей поэта.

Предметом специального исследования могла бы явиться общность тем и образов «крестьянских произведений» Некрасова с темами и образами Федосовой до знакомства Некрасова с «Причитаниями Северного края». Не говоря о стихотворениях «Несжатая полоса» (1854), «Деревенские новости» (1860), «Орина, мать солдатская», «В полном разгаре страда деревенская» (1863) или плаче Дарьи о Прокле в поэме «Мороз, Красный Нос» (1863), непосредственно связанных с тематикой причитаний и свидетельствующих о глубоком проникновении поэта в народную психологию, можно было бы назвать большее количество произведений Некрасова, имеющих точки соприкосновения с темами и образами Федосовой. Все они полны гнева и печали, проникнуты живым состраданием к женской доле, к горю осиротевшей, потерявшей труженика семьи. Особый интерес с точки зрения поставленной темы представляет первая часть эпопеи «Кому на Руси жить хорошо».

Общность ее с произведениями Федосовой простирается вплоть до поразительного сходства некоторых главных образов. Так, например, староста Ермил Гирия, заступник за дело народное, любимец крестьян, честный и справедливый, многими своими чертами сходен со старостой в «Плаче о старосте» Федосовой (стр. 282—288). Бедный сельский поп Некрасова, понимающий и жалеющий народ, готовый в любую погоду в путь по первому зову прихожан, напоминает попа в «Плаче о попе — отце духовном» Федосовой (стр. 293—298) и т. д.

Но дело, разумеется, далеко не только во внешнем сходстве отдельных образов. В сборнике Федосовой от имени столь близких сердцу поэта крестьянских женщин искренне и правдиво рассказывалось о жизни пореформенной деревни, о мыслях и чувствах крестьян только что переживших «освобождение». В сборнике Федосовой можно было прочесть о столкновении крестьян с мировым посредником, о пореформенных противоречиях внутри сельской общины, усиливающейся ломке патриар-

хальных семейных отношений, о недородах и падеже скота, о судьбе вдовы и ее детей, о современных деревенских старостах, писарях, попах. Одним словом, содержание, смысл, идеи произведений талантливой народной сказительницы живо перекликались с замыслом грандиозной эпопеи «Кому на Руси жить хорошо», над которой трудился поэт в годы, предшествовавшие выходу в свет I тома сборника Федосовой. Чтение ее сборника было для Некрасова сокровенной беседой с одной из героинь его эпопеи.

Неудивительно, что Некрасов горячо воспринял произведения талантливой народной поэтессы. В них он мог увидеть не только богатейший материал для изучения народного быта, психологии и творчества, но и некоторое подтверждение правильности избранного им пути. И, действительно, следующая глава «Кому на Руси жить хорошо» — «Крестьянка», написанная вскоре (1873) после выхода в свет I тома «Прочитаний Северного края», построена во многом на материале плачей Федосовой. Некрасов был под свежим впечатлением I тома сборника и, быть может, знакомство с ним и определило само появление «Крестьянки» — главы, не входившей в первоначальный замысел поэта.

Черновые рукописи этой главы, хранящиеся в архиве Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом),¹ полны выписок из плачей Федосовой — поэтических заготовок, то использованных, то неиспользованных в окончательном тексте поэмы. Так, например, на стр. 119 черновых рукописей можно прочесть:

Несчастье:

(Вперед летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Вперед летит — не укатится,
Позади летит — не останется).²

Дитя умерло — укатилось:

К красну солнышку — на пригревушку,
К ясну месяцу — на придрокушку.

¹ 21.2.0
CXLV б. 21, 166 листов.

² В круглые скобки берется вычеркнутое рукою Некрасова, в прямые скобки — пояснения автора настоящей работы.

Смерть:

Дороженька бесповоротная,
Туда ветер не доносится,
Лютый зверь не дорыскивает,
Птица не залезает.

[И рядом размером поэмы]:

(Он ушел в бесповоротную
Неизвестную дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь).

Затем следует подробный конспект одного из плачей, о котором идет речь впереди, и большая выписка из него с точным обозначением страницы и строк.

В окончательном (или вернее, канонизированном) тексте поэмы первоначальные наброски предстают часто перевоплощенными до неузнаваемости, вросшими в ткань поэмы, ставшими органическими частями целого.

Поэтическая автобиография Матрены Тимофеевны из этой главы поэмы насыщена народно-поэтическими мотивами и во многом напоминает поэтические автобиографии крупнейших сказительниц (Федосовой, Крюковой, Пашковой, Голубковой и др.).

Вместе с тем следует подчеркнуть, что на общий замысел главы несомненно повлияло не только предисловие Рыбникова к III тому его «Песен», как об этом писал акад. Ю. М. Соколов в статье «Некрасов и народное творчество», но и заметка Барсова об И. А. Федосовой, включающая ее автобиографию. Некрасову без сомнения был дорог облик И. А. Федосовой, прорисовывавшийся из каждой ее импровизации, из каждого слова ее автобиографии. Женщина ясного и решительного ума, полная чувства собственного достоинства, сурово оценивающая людские пороки, она во многом родственна Матрене Тимофеевне. Больше того, судя по черновым наброскам, первым вариантом имени Матрены Тимофеевны было имя «Оринушка» (стр. 17, на полях справа), и она, как Федосова в год встречи с Барсовым,

«была старуха бодрая
пятидесяти лет», (стр. 88)¹

¹ См. заметку Барсова о Федосовой в I томе сборника (стр. 314). В действительности Федосовой в 1867 г. было 35 лет.

Вместе с тем жизненная судьба Федосовой была слишком исключительной для того, чтобы послужить прямым прототипом судьбы Матрены Тимофеевны, хотя многие обстоятельства ее жизни — детства, девичества и отчасти замужества — послужили непосредственным материалом при создании образа Матрены Тимофеевны, что доказывается многочисленными, даже текстуальными, совпадениями.

Из описания детства:

Некрасов:

...Да не в лесу родилася,
Не пеням я молилася.¹

(стр. 248)

...В день Семеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала...

(там же)

Федосова:

«Не в лесах родилась, не
пням богу молилася...»

(стр. 318)

«...восьми год знала, на каку
полосу сколько сеять; шести
год на уож лошадь гоняла и с
уожа пригоняла...»

(стр. 315)

Эта зависимость еще более проясняется при сопоставлении с черновыми вариантами:

С шести годов
Как водила в поле я
И с поля загоняла я
Саврасушку домой.
Отцу носила завтракать,
Сгребала сено; сножки
вязала.

(стр. 71 черн.)

Весь последующий рассказ Матрены Тимофеевны о себе, как о хорошей работнице и смолоду «петь-плясать охотнице», находит прямые соответствия в автобиографии Федосовой с той разницей, что Федосова очень рано определилась как знаменитая по всему Заонежью песенница и волленица. То же можно было бы сказать и о рассказе, рисующем строгое девичество обеих:

¹ Цитируется по Полному собранию сочинений и писем, ОГИЗ, М., 1949, т. III.

Жила я бранного
Я в детстве слова грубого
Не слыживала, — бедные
Обидеть деву попусту
Не смели, а богатого
Сама я оборву!

(стр. 71 черн.)

Чужая-то сторосеушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита.

(стр. 249)

Я грамотой не грамотна,
Да памятью я памятна —
До слова и запомнила,
Что говорил старик.

(стр. 71 черн.)

«Имя мне было со изотчиной,
грубого слова не слыхала, бед-
ный сказать не смел, богатого
сама обожгу».

(стр. 315)

«Чужая сторона не медом на-
лита, не сахаром посыпана».

(стр. 322)

«Я грамотой не грамотна, зато
памятью я памятна; где што
слыхала, пришла домой, все
рассказала, быдто в книге за-
твердила...»

(стр. 316)

История сватовства Матрены Тимофеевны не просто повторяет историю сватовства Федосовой, она типизирована и построена, по существу, на материалах свадебных песен (Ирина Федосова была необычно, по тем временам, самостоятельна в выборе мужа). Тем не менее, и в этой части отыскиваются текстуальные заимствования. Например, на стр. 71 черновики находим:

Научилась я
Кронть и шить, коров доить,
Ткать, прясть,
И песни петь,
Порядню водить.
Пекла-варила,
Везде попевала,
Жала,
Косила,
Молотыла,
Пряла, ткала,
С ребятами возилась.

«Гляди жених — я знаю шить,
и кронть, и коровушек доить,
и порядню водить».

(стр. 319)

«Мать — бойка. На 22 души
пекла и варила и везде поспе-
ла, не рыкнула, не зыкнула».

(стр. 314)

«...она с 9 лет пошла в поле,
жала, косила, молотила; дома
пряла и ткала и с ребятами
нянчилась, любила на беседы
ходить и песни петь».¹

(стр. 326)

В каноническом тексте читаем:

«А ты бы поглядел меня,
Как лев треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском...»

(стр. 250)

Кстати — в автобиографии Федосовой вся предистория сватовства рассказывается во время прядения и молотбы на риге.

¹ Из биографии Клавдии Мамоновой.

«...Я в подневолье с волюшки,
Бог визжит, не пойду!»
— Такую даль мы ехали!
Иди! — сказал Филиппушка:
— Не стану обижать!

А он: «Иди со мной!»
Известно: «ненаглядная,
Хорошая... Пригожая...»

(стр. 250—251)

«Бог ли понесет, с воли да в
подневолье», — ответила я.
— Нет уж, как хошь, надо ехать,
мы такую даль ехали!..
Иди, говорит, не обижу; стал
подбивать и подговаривать —
век так ласкает ваш брат.

(стр. 318)

Отношения Матрены Тимофеевны с Филиппушкой, постоянные уходы мужа на заработки, одиночество, положение в семье мужа, где вся работа по хозяйству ложилась на нее, отношения с родными и т. д. очень близки к обстоятельствам второго замужества Федосовой по ее автобиографии (см. стр. 320—328).

Следующая глава из той же части эпопеи — «Демушка» — целиком построена на материалах, почерпнутых Некрасовым из причитаний Федосовой. Многие уже отмечено в названных выше работах — описание приезда начальства по «Плачу о старосте», известное проклятие докторам и судьям, к которому Некрасов, очевидно по цензурным соображениям, сделал примечание: «Взято почти буквально из народного причитания».

Злоден! Палачи!..
Падите, мои слезоньки,
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел
на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную

Вы падите-тко, горюци мои
слезушки,
Вы не на воду, падите-тко,
не на землю,
Не на божью церковь,
на строеньице,
Вы падите-тко, горюци
мои слезушки,
Вы на этого злодя
супостатного
Да вы прямо ко ретливому
сердечушку!
Да ты дай же,
боже господи,
Штобы тлен пришел на цвето
его платьице,
Как безумице во буйну бы
головушку!
Еще дай да, боже господи,
Ему в дом жену неумную
Плодить детей неразумных!

Пошли, детей—юродивых!
 Прими, услыши, господи,
 Молитвы, слезы матерей,
 Злодея накажи!
 (стр. 274)

Слыши, господи, молитвы
 мои грешные,
 Прими, господи, ты слезы
 детей малых!
 (стр. 287—288)

Отмечалось также заимствование мотивов «Ой, плотнички-работнички» и некоторых других, но не решен вопрос о происхождении самого эпизода смерти Демушки. Указывалось, правда, на «Плач об убитом громом-молнией», но не он лег в основу главы. На той же 119 странице черновых рукописей, странице сплошных выписок, сделанных Некрасовым при чтении федосовских текстов, в правом нижнем углу после цифр, обозначающих страницы источника, стоит цифра «295», не находящая себе прямого объяснения. В этой цифре и есть ключ к окончательному установлению источников главы «Демушка». На стр. 295 I тома сборника Федосовой в плаче «О попе — отце духовном» (стр. 293—298) рассказывается о том, как в страдное время, в отсутствие родителей разбился, свалившись с лавки, ребенок. Поп, позванный горяющими родителями, советует поскорее закрыть двери и затеплить свечи:

«Быдто дитятко буде исповедано»,
 (стр. 296)

не то наедет начальство с докторами и начнется судебно-медицинское следствие. Поп оставляет родителям письменное свидетельство о том, что ребенок умер естественной смертью. Родители дают взятку начальству, и возбужденное было дело затихает. Этот эпизод и послужил отправным толчком для поэта. Однако Некрасов необычайно обострил его, развив этот, сам по себе трагический, но мирно кончающийся эпизод, при помощи мотивов, найденных им в других плачах Федосовой.

В том же «Плаче о попе» описывается, и совсем как у Некрасова, омерзительное пьянство сельского начальства, безжалостного к горю родителей, потерявших ребенка. Возможно, что строки:

— «Ножом в сердцах читаете» —
 Сказал священник лекарю... —

какой-то отзвук сочувствия к родителям, характерного для попа в плаче Федосовой.

Приезд властей, как уже отмечалось, построен в основном на «Плаче о старосте», — в основном, но не до

конца. Приезд судей и докторов, следствие, превращенное в издевательство, неоднократно описываются в плачах Федосовой («О попе — отце духовном» стр. 293—298, «Об упрякслизой головушке» стр. 271—284, «Об убитом громом-молнией» стр. 245—252, «О потопших» стр. 252—267), и отдельные параллели отыскиваются то в одном, то в другом тексте.

Вообще говоря, многие текстологические сопоставления, к которым прибегают комментаторы Некрасова, мало убедительны потому, что они зачастую являются «общими местами», мотивами, ритуально обязательными в известном роде плачей. Например,

«Ой плотнички-рабочнички...», «Обвеют ветры буйные...»,
«Я червышком свивалася», «Впереди летит ясным соколом...»

и др. Особенно приходится возражать при этом исследователям, находящим отдельные такие мотивы то у Рыбникова, то у Шейна и т. д. Нельзя при этом недооценивать живое знание Некрасовым народного творчества. Кроме того, большинство таких мотивов по несколько десятков раз повторяются в том же плаче Федосовой.

Страницы о Матрене и ее сыне Федотушке во многом напоминают отношение матери к детям в плаче вдовы из «Плача по дяде родном» (стр. 172—183). Плач Матрены Тимофеевны «Я сошла на речку быструю» еще меньше нуждается в подыскивании «общих мест», характерных главным образом для плачей невест-сирот на родительских могилах.

Глава «Трудный год» повествует о тяжести жизни Матрены Тимофеевны, оставшейся солдаткой с детьми в семье мужа. Некоторые параллели уже установлены. Однако важнее то, что значительная часть этой главы представляет собой типичный плач вдовы по мужу, причем он имеет характер рекрутского причитания. Интересна даже внешняя форма этой части главы (начиная со строки «Теперь уж я не дольщица» до «Чу, барабан! Солдатики идут...» стр. 291—292) — текст, отражая композиционное построение причети, дробится на законченные и отделенные друг от друга куски, каждый из которых имеет совершенно определенную обрядовую функцию. Подобное дробление имеется в публикации текстов Федосовой, осуществленных Барсовым. Барсов впервые уловил действительную структуру народных причитаний.

Заметим попутно, что в черновой рукописи поэмы на полях первого варианта, бывшего значительно короче и «суше», Некрасов отметил: «Надо прибавить о положении солдатки и вдовы вообще» (стр. 85).

При более внимательном анализе оказывается, что весь этот плач в поразительно краткой форме передает основную часть «Плача вдовы по мужу» (стр. 1—44) Федосовой. Плач Матрены Тимофеевны превратился (не потеряв своей связи с текстом Федосовой) в развернутый и энергичный монолог. Невозможно привести все соответствующие отрывки в плаче Федосовой — для этого пришлось бы процитировать едва ли не половину огромного по своим размерам текста (1179 строк). Укажем только на некоторые наиболее яркие соответствия:

Собрала ужин: матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопнись?»
А деверь говорит:
«Немного ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалась,
Как солнышко зайдет!»
(стр. 291—292)

Да я слажу им тут ужины
вечерняя,
Потихошеньку к дверям
да подходить стану,
Я с-за тульица, с-за липинки
поглядываю,
Из-за дверей да разговорушки
держу;
Сговорю да светам братцам
богоданным;
«Скоро ль идете за стол
да хлеба кушать?!»
Засвирипятся ветляны тут
нешутушки
На меня да на кручинную
головушку:
«Што ж торопнись за ужину
вечернюю,
Знать спешнись на спокойну,
темну ноченьку»,
Они искоса ведь все тут
заглядывают,
Со всей лихостью они да
разговор держат:
«Не устали твои белья там
руженьки,
Не работушку сегодня
работала ё,
За кудрявой деревиночкой
стояла все,
На красное на солнышко
поглядывала,
Скоро ль солнышко ко западу
двигается,

В церкви:

Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!
(стр. 292)

Обида:

С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы отстоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!
(стр. 292)

Скоро ль красное за облако
закатится,
Со работушки вдова да в дом
пришатится»
(стр. 41)
Как о светлом Христове
воскресеньице

Хоть пойдешь ты во церковь
посвященную,
Пустословье про тебя как
река бежит,
Напрасничка ведь ё как порог
шумит,
Говорят да бают люди
потихошеньку,
Што не господу пошла богу
молитися,
За гульбой пошла она
да за гуляньцем,
По подруженькам пошла
да нехорошиим.
(стр. 23)

Мне куды с горя горюше
подеватися?
Рассадить ли мне обиду
по темным лесам?
Уже тут моей обидушке
не местечко,
Как посохнут вси кудрявы
деревиночки.
Мне рассеять ли обиду
по чистым полям?
Уже тут моей обидушке
не местечко,
Задернят да все распашисты
полосушки.
Мне спустить ли ту обиду
во быстру-реку?
Загрузить ли мне обиду
во озерышке?
Уже тут моей обидушке
не местечко.
Заболотеет вода да в быстрой
риченьке,
Заволочится травой мало
озерушко.
Мне куды с горя горюше
подеватися?
Мне куды бедной с обиды
укрыватися?
Во сыру землю
горюше наб вкопатися.
(стр. 17)

Монолог Матрены Тимофеевны из главы «Трудный год» свидетельствует не только о замечательном проникновении в народную психологию, но и о не менее глубоком и тонком понимании народного творчества, его художественных приемов и традиций. Монолог Матрены Тимофеевны в тексте поэмы звучит не как плач, а как продолжение ее рассказа о себе, ярко рисует обостренный голодом «трудного года» ужас положения солдатки в тогдашней деревне «на людях» и в семье мужа.

Некрасов внимательно изучил весь сборник Федосовой. Он не расставался с ним ни в Дьеппе, ни в Висбадене, ни в Париже.¹ Об этом говорят целые страницы выписок из тома плачей, причем дважды даже указываются страницы источника. О стр. 119 уже говорилось выше, любопытна запись на полях стр. 71:

Зовут сестрой бракованн(ая) ей
(младшая вышла замуж)
О чем сухотишься?
Дедушка молится (326)
(Сколько ни плачешь,
а все слез останется).

В сборнике Федосовой на стр. 325 и 326 легко найти источники этих выписок: «Была я в браковках — меньшую сестру замуж отдали»; «А теперь я живу кое-как, все о нем сухочуся, только когда усну, забуду»; «словами причетов не скажешь, а в голосе где что берется и складнее и жалобней, сколько бывало ни плачешь, а все останется». Пометка «дедушка молится (326)» особенно интересна. Дедушка так «молится» в окончательном тексте главы:

Молюсь за Дему бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
(стр. 282)

На стр. 326 сборника читаем: «Молюсь... за любящих, за нищих и бедных, и за все страдное крестьянство». Ссылка на соответствующую страницу тома причитаний ясно говорит о том, что он был настольной книгой Некрасова при работе над «Крестьянкой», даже во время заграничной поездки.

Итак, в образе Матрены Тимофеевны Корчагиной Некрасов не просто повторил черты олонецкой крестьянки.

¹ В библиотеке Некрасова сохранился экземпляр I тома сборника Федосовой; см. описание библиотеки Некрасова — «Лит. наследство», № 53—54, М., 1949, стр. 368.

Он создал обобщенный и глубоко типичный, имеющий общенациональное значение образ русской крестьянской женщины, используя при создании его черты жизненной судьбы и отдельные моменты произведений И. А. Федосовой.

Большинство исследователей говорит о мозаичности и многосоставности «Крестьянки». До известной степени это верно, но основную роль в возникновении сюжета и стиля главы, несомненно, сыграли материалы, которые Некрасов нашел у Федосовой. Дело не только в том, что Некрасов получил прекрасную возможность проникновения в психологию русской крестьянки, возможность говорить о ней от ее же имени со всей правдивостью, но и в том, что причитания Федосовой отличались от других известных Некрасову текстов не только высокой одаренностью создавшей их народной поэтессы, но и особой общественной, социальной насыщенностью и остротой.

Однако не следует думать, что Некрасов ограничился простым перенесением некоторых мест и повторением отдельных тем, образов и приемов, найденных им у Федосовой. Типические эпизоды из крестьянской жизни, о которых рассказала Федосова в своих импровизациях, сведены Некрасовым воедино в волнующую повесть о жизни Матрены Корчагиной, получившую глубокий законченный смысл на фоне широких и ярких картин народной жизни, составляющих поэму «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов переосмыслил и углубил материал, найденный им в сборнике Федосовой, дал образец его революционно-демократического истолкования. Приведем два примера, которые кажутся нам особенно выразительными.

Неоднократно писалось о взаимосвязи главы «Бабыя притча» с легендой о Горе «Плача о писаре» (288—293) Федосовой. Однако соответствие это весьма относительно, хотя в то же время несомненно, что именно легенда Федосовой легла в основу притчи Некрасова. Об этом свидетельствует хотя бы то, что на стр. 119 черновых набросков Некрасовым записан подробный конспект легенды Федосовой со знаменательным заголовком «Происхождение горя общественного»:

«Случилось ловцам изловить в океане рыбу — хвост у рыбы будто лебединой; голова павлиная; распоролы рыбу; множество песку ею проглочено да еще были стглонуты ключи позолоченные: прилагали ключи к божьим церквям и к торговым лавочкам, но

они приладились только к тюрьмам заключенных. (У Федосовой «заключенным», т. е. запертым — К. Ч.). Не успели отпереть дверей, как

С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто поле слетело;
На чистом поле горюшко садилось...

(пропуск)

И само тут злодийно восхвалялося,
Гить тоска будет крестьянам неудольная.
Подъедать стало удалых, добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Одовило честных, мужких — молодых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек...

(пропуск)

С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на словольны эти хлебушки;
Неприятности во добрых пошли людюшках
(в конце цифры): 290, 80—84, 295.

Однако из этой легенды Некрасовым использован только мотив о проглоченных рыбой ключах для создания притчи, совсем не аналогичной федосовской. Некрасов создает новую легенду о потерянных ключах от «счастья женского», делая ее заключительным аккордом, символическим итогом всей главы «Крестьянка». Легенда приобрела большую социальную значимость и остроту.¹

Кстати, можно предположить возникновение некрасовского замысла именно из отмеченной выше ошибки («тюрьмы заключенный» у Федосовой, «тюрьмы заключенных» у Некрасова). У Федосовой это значит только то, что «тюрьмы» — «норы подземельные», «где сидело это горюшко великое», были до поры «за ключом», т. е. заперты на замок, ключ от которого и нашли ловцы. Некрасов «заключенный» прочитал как «тюрьмы заключенных», отсюда:

Наконец,

Нашли ключи сподвижники!

Примились они, —

Пришлись к рабам-невольникам,

Темницы растворилися,

По миру вздох прошел и т. д.

(стр. 305)

¹ О «Легенде о Горе» из «Плача о писаре» Федосовой см. подробнее на стр. 188—192 настоящей работы.

Отсюда — легенда о потерянных у бога ключах от темниц, от тюрем женских, легенда о «ключах от счастья женского».

Еще один пример: в ряде текстов Федосовой («Об убитом громом-молвией», «Об у пьянсливой головушке», «О потопших», «О попе» и др.) звучит тема глумления угнетателей над крестьянским несчастьем, над горем осиротевшей семьи. Эта тема приобретает в творчестве Федосовой различные формы, чаще всего она связана с необычайной смертью: гибель на озере, поражение молнией, смерть от запоя, наконец, внезапная гибель ребенка, оставленного дома родителями, ушедшими на полевые работы. Судебные и полицейские власти обычно грозят судебным следствием, хотя причина смерти совершенно ясна, нарочито подозревают горюющих в умерщвлении родственника, особенно угрожают страшным для крестьян судебно-медицинским вскрытием тела и т. д. с целью вымогания взяток. Собственно, до вскрытия тела ни разу не доходит, крестьяне откупаются или избавляются другим способом. Удачный исход воспринимается ими как чудо. Некрасов чутко уловил нетипичность таких «удачных концов», его Матрена Тимофеевна забывает дать взятку.

«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»

— Нет!

— Не примечал, равна была...
Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
с собой я не взяла.¹

Поэтому вскрытие состоялось, и Матрена Тимофеевна должна была испить чашу страданий до конца.

Так возник один из потрясающих по своей обличительной силе эпизодов поэмы. Недаром проклятие Матрены Тимофеевны «злодеям-палачам», о котором говорилось выше, звучит здесь как призыв к расправе над палачами, который произносится устами рыдающей в горе матери.

¹ Т. III, стр. 275.

Совершенно очевидно, что политическое и социальное сознание Некрасова, стоявшего на передовых прогрессивных позициях своего времени, не могло быть и не было аналогичным сознанию чрезвычайно одаренной, но неграмотной вопленицы. Каждый факт, образ, сюжет, найденный у Федосовой, Некрасов оценил и осмыслил по-своему, сообщив ему логическую законченность, подняв его тем самым на огромную социальную высоту. Недаром после «творческой встречи» с Федосовой отношение Некрасова к фольклорному материалу, которым он пользовался, еще больше активизируется. В набросках к последним главам «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов, с прекрасным пониманием того, что и как надо сказать народу, создает свои собственные песни, глубоко народные по своей сути. От использования фольклорного материала путем его переосмысления Некрасов, как сложившийся народный поэт, переходит к методу активного воздействия на фольклор, внося в него элементы революционного сознания демократа-шестидесятника.

Итак, Некрасов высоко оценил и содержание и поэтическое достоинство произведений Федосовой. Он увидел в них драгоценное для него творчество современной ему талантливой русской крестьянки, обобщившей в поэтических образах мысли и настроения крестьян первых пореформенных лет, их гневный протест против несправедливостей общественных отношений тогдашней России, их стремление к лучшему будущему.

Отношению Некрасова к сборнику Федосовой и статье Н. К. Михайловского, т. е. точке зрения «Отечественных записок», резко противостоят статьи Н. Покровского, на которых следует специально остановиться. Этот реакционный журналист предпринял хорошо продуманный поход против Федосовой. Три статьи, написанные им в июне, июле и сентябре 1872 г., взаимно дополняют друг друга. Первая из них — «Рассказ об у пьянсливой головушке» — была напечатана в журнале «Грамотей» Н. И. Алябьева, издававшемся «для народа» и официально принятом «в народных школах и училищах», как значи-

лось на его обложке. Статья состоит из двух частей. В первой части Покровский поучает народ не пить водку, т. к. это иногда приводит к смертным случаям, во второй — он пространно рассуждает о прирожденности человеческого горя и необходимости «свыкаться» с ним («Вот как умеешь, так и свыкайся с горем» — стр. 40).

Вторая статья, — «Загробная жизнь в народных верованиях Северного края в России», — напечатанная в «Православном Обозрении», имела в виду другого читателя — сельское духовенство, поэтому тексты Федосовой толкуются здесь совершенно иначе. В центре внимания обеспокоенного журналиста оказываются «языческие воззрения народа», которые подлежат изучению духовенства для их искоренения. Он подчеркивает, что христианские представления в причитаниях «крайне бедны, так сказать, «оматериализованы» и странным образом перемешаны с эпическими представлениями» (стр. 98). Общий вывод: «Евангельское учение коснулось еще мало, и то с внешней стороны, народного сознания». Покровский призывает сельских попов мобилизовать свои усилия для борьбы с остатками язычества в народном сознании. Следует заметить, что «языческие мотивы» трактуются Покровским крайне наивно. Каждая метафора, даже явно поэтическая по своему происхождению или функции, толкуется им буквально. «Языческое» мерещится ему за каждой строкой.

Третья статья Н. Покровского — «Рассказы из крестьянского быта Северного края» — была напечатана в известном своей крайней реакционностью журнале кн. В. П. Мещерского «Гражданин», который К. Маркс в одном из писем к П. А. Лаврову справедливо называл «гнисным журналом». Статья эта написана для «образованного общества». Покровский утверждает, что «Причитания Северного края» не будут иметь широкого круга читателей. Однако материал, собранный Барсовым, представляет известный интерес, и поэтому он, Покровский, решил взять на себя труд составить ряд рассказов из народной жизни для читателей «Гражданина», четыре из которых здесь же публикуются: I — «Мировой злой посредник», II — «Об убитом громом-молнией», III — «Жизнь по ту сторону гроба» и IV — «Поп — отец духов-

ный». Любой из этих четырех рассказов мог бы послужить образцом тенденциозного искажения текстов Федосовой. Так, в первом из них рисуется «благородное негодование» посредника на злостных недоимщиков — крестьян. «Случалось, что мировой так расходится, что в пылу благородного негодования приказывает схватить старосту «во страдную в рабочую пору времячко» и посадить его «во крепость во великую», но если, мол, крестьяне во-время сдержат гнев посредника, то «так или иначе, рано или поздно, буря утихает, и мировой, довольный тем, что задал страху «мужикам-глупцам», уезжает, сопровождаемый низкими поклонами» (стр. 18). Вывод таков: если бы мировые посредники знали, что «глупый и грубый мужик способен был так глубоко почувствовать всю тяжесть богатырских наездов и умел так хорошо ценить людей» (стр. 19), то подобных недоразумений не случилось бы.

Покровский замалчивает действительный характер взаимоотношений между крестьянами и мировыми посредниками, как их рисует Федосова. Он ничего не говорит и о смерти замученного в тюрьме старосты, подменяет ее мирной развязкой — крестьяне довольны, что посредник уехал, посредник тоже доволен, что напугал крестьян.

Таким образом, налицо явная попытка уничтожить социальную остроту текстов Федосовой, реабилитировать посредника, слегка пожутив его за излишнюю резкость. Примерно такого качества и остальные «рассказы». Например, пересказ «Плача об убитом громом-молвней» построен с расчетом привести читателя к выводу, явно не соответствующему замыслу Федосовой: «Так-то Илья-громовик разделяется с беззаконниками» (стр. 45). «Плач о попе — отце духовном» вызывает возмущение Н. Покровского. Он выговаривает Федосовой за то, что она рисует образ «безнравственного» попа, который решается скрыть обман от властей. «Нет, по их разумению, поп будь выше всех головой, но, в то же время — будь с ними одного поля ягода» (стр. 46).

Третий «рассказ», — «Жизнь по ту сторону гроба», — по мысли Н. Покровского, должен был дать этнографический очерк похоронного обряда и крестьянских представлений о загробной жизни. Уровень этих рассуждений хорошо иллюстрируется одним из примеров: «Для

большого удобства загробного существования — пишет он, например, — покойника и оставляли при доме: его опускали в погреба глубокие» (стр. 45).¹

Так, выступая одновременно в трех разных журналах — для народа, для духовенства и для «образованного общества», Н. Покровский последовательно и сознательно искажал облик Федосовой. Для народа он «выжимал» из ее текстов нравоучение — не пить водку и «сжиться» с горем, духовенство мобилизовал на искоренение «языческих воззрений», а «образованному обществу» преподносил тенденциозно-искаженный, примиренный «вариант» Федосовой. Сама же Федосова заслужила от него только выговор за безнравственность восхваляемого ею «крестьянского попа».

Итак, I том «Причитаний Северного края» совершенно по-разному был встречен и оценен представителями полярно-противоположных в политическом отношении журналов — «Отечественных Записок» и «Гражданина». Внимание и интерес к сборнику записей Е. В. Барсова выразились и во многих откликах, появившихся в других изданиях. Среди публиковавшихся статей имеется много рецензий, написанных представителями буржуазно-либеральной фольклористики. Разумеется, эти рецензии отличаются от статей Покровского желанием сохранить видимость научной объективности. По существу же они тоже уводили читателя от понимания творчества народной поэтессы как выражения мировоззрения пореформенного крестьянства. Большинство рецензий поражает полным равнодушием к жизни трудового народа. Такую типично «среднюю позицию» занял, например, рецензент «Журнала Министерства Народного Просвещения», акад. Л. Н. Майков. Он подчеркивает значение текстов I тома. «Нельзя, наконец, пропустить и то замечательное сказание о горе народном, общественном, — пишет Л. Н. Майков, — которое занесено, между прочим, в плач о писаре «хитромудром» (стр. 397). «Общественный дух, — замечает он далее, — еще живет полной жизнью в этих поздних потомках старых новгородских людей» (стр. 399). Однако это общее заявление не предопределило

¹ «Погреба глубокие» — одна из наиболее распространенных метафор причитаний, означает могилу.

результатов анализа наиболее важных причитаний. Л. Н. Майков пишет: «Считаем нужным указать на те народные воззрения, которые высказываются здесь относительно тех общественных деятелей (имеются в виду мировые посредники — К. Ч.), с коими ближе всего сталкивается народ» (стр. 398). Но, основываясь на «Плаче о старосте», Майков приходит вслед за Барсовым к совершенно неожиданному выводу: народ будто бы охотно исполняет свои «обязанности» перед государством помещиков и капиталистов, «народ горюет только о том, что эти подати собираются иногда без снисхождения к временным нуждам и обстоятельствам крестьян» (стр. 398).

Достоинством рецензии Л. Н. Майкова было внимание к творческой индивидуальности И. А. Федосовой. Ее одаренность он оценивает чрезвычайно высоко и говорит о необходимости изучения ее поэтического мастерства. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в рецензии Л. Н. Майкова на II том «Причитаний Северного края», на которой мы остановимся ниже.¹

Рецензия Л. Н. Майкова значительно дополняет сведения, сообщенные Барсовым о прошлом русской причеты. Все это делает рецензию Л. Н. Майкова одной из заметных работ в истории изучения русской причеты и, особенно, в истории изучения творчества И. А. Федосовой.

Среди других рецензий на I том следует отметить рецензию акад. А. Н. Веселовского, напечатанную в Петербургском журнале «Russische Revue» (издававшемся на немецком языке К. Ретгером), отзыв акад. А. Ф. Бычкова, написанный им по поручению Академии наук, присудившей Е. В. Барсову Уваровскую премию 1873 года, статью Н. Баталина в «Филологических записках» и две рецензии в иностранных журналах «Athe-naeum» и «Academy».

Рецензия А. Н. Веселовского открывала собой серию «Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie» («Новейшие исследования в области русской народной поэзии»). Значительная ее часть посвящена подысканию параллелей к мотивам причитаний в дру-

¹ ЖМНП, 1882, ССХХIII, стр. 415—424.

гих жанрах или попытке определения этнографического субстрата того или иного мотива. В обоих случаях это делалось для сведения специфики причитаний к общенародной фольклорной традиции, и в этом смысле эта рецензия не отличается от большинства работ Веселовского. Имя Федосовой, как и следовало ожидать, даже не упоминается; о ней он не говорит ни слова. Общественно-политический смысл ее текстов им совершенно игнорируется.

Статья Н. Баталина «Народное творчество. По поводу причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» ставила своей целью, «пользуясь трудами г. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и г. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян» «...указать и проследить в плачах отголоски тех верований, которые составляют одну из сторон общеславянского мирозерцания» (стр. 2). И действительно, статья Н. Баталина не отличается ни самостоятельностью, ни новизной — это результат механического приложения метода мифологической школы к причитаниям.¹ Социально-бытовое содержание и поэтические достоинства текстов Федосовой его совершенно не интересуют — о них он говорит лишь мельком да и то в подстрочном примечании (стр. 28). Саму Федосову он не заметил, тексты ее кажутся ему достаточно обычными для того, чтобы иметь основания не интересоваться личностью вопленицы.

Отзыв акад. А. Ф. Быкова не представляет особенного интереса. Отметив значительность заслуги Барсова, он выражает сожаление по поводу того, что «так поздно приступили к собиранию плачей, которые во многих местностях России уже являются не более как выражением личного, грустного, большею частью напускного чувства плакальщиц, без малейшего отношения к древнему народному мирозерцанию, которое позабылось и утратилось с течением времени» (стр. 192). Быков упрекает Барсова в том, что тот во вступительной статье недостаточно четко «разложил их (плачи — К. Ч.) на сегменты — языческий, христианский и смешанный».

¹ См. также С. Брайловского, О смерти и посмертном существовании по Причитаниям Северного края, «Русск. Филолог. Вестник», 1885, № 2.

Бычков, подобно Баталину, видит ценность причитаний, главным образом, в сохранении осколков древнего мифологического мировоззрения. Разница между ними заключается лишь в том, что Баталин, толкуя традиционные мотивы буквально, считает причитания богатым материалом для подобных изучений, Бычков же, уловив индивидуальную поэтичность текстов Федосовой, приходит к заключению о бедности причитаний мифологическими мотивами.

Помимо опубликованных рецензий, архив Е. В. Барсова¹ и архив И. И. Срезневского² знакомят нас с отзывами А. А. Котляревского и И. И. Срезневского на I том «Причитаний Северного края». Письмо А. А. Котляревского Барсову особенно интересно его подчеркнутым вниманием к поэтической одаренности И. А. Федосовой. Он пишет: «Погребальная причеть Федосовой явление изумительное, выходящее из ряда подобных народных произведений... она подтверждает все, до чего доходят долгим путем утомительных разысканий, и разрешает многое такое, что оставалось еще под знаком вопроса» (стр. 6).

И. И. Срезневский, высоко оценивая работу Барсова, высказывает сожаление по поводу того, что в томе отсутствуют нотные записи.³

¹ Гос. Ист. Музей, ф. 52074.

² Архив Академии наук СССР, ф. 216, оп. 5, № 32.

³ Отвечая Срезневскому, Барсов в письме от 18 октября 1872 г. пишет: «Не согласен я с Вами, будто записать напев может каждый порядочный певчий, а особенно петрозаводский. Попытки подобные были мною сделаны. Несколько мотивов (хоть « не относящихся собственно к плачам) у меня записано, но когда начинают петь или играть по моим записям, я тотчас чувствую, что записи неверны. Что касается отношения слогов стиха к нотам напева, то в плачах напр. Ирины Федосовой оно может быть выражено так:

Укатилося красное сол-(нышко)
За часты, звезды да подвосто-(чняя),
Не-как рoстить-то сиротных малых дe-(тушек).

Удлинение голоса бывает сначала на третьем слоге, а затем на том, который остается за отсечением двух последних слогов, так сказать, земирающих — на третьем от конца. Таково общее отношение стиховых слогов к голосу; для дальнейших определений требуется ухо музыканта» (л. 12—13).

Из письма Е. В. Барсова к И. И. Срезневскому от 1 октября того же года мы узнаем о том, что и Ф. И. Буслаев готовил рецензию на I том, которая, очевидно, осталась незаконченной. По крайней мере, опубликована она не была.¹

Итак, обозрение откликов на I том сборника Федосовой раскрывает примечательную картину. В журнальной борьбе 1872—1874 гг. вокруг I тома академической фольклористике (А. Веселовский, Баталин и др.) и реакционной журналистике (журналы «Гражданин», «Грамотей», «Православное обозрение» и др.) «Отечественные записки» противопоставили свою точку зрения. «Отечественные записки» подчеркивали гражданские мотивы в творчестве Федосовой и утверждали большое значение сборника для изучения общественного сознания и психологии современного русского крестьянства. Пример последовательного революционного истолкования и использования текстов Федосовой дал великий революционный поэт-демократ Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Творческое использование Некрасовым важнейших идей и мотивов поэзии Федосовой сделало их достоянием демократического читателя, способствовало превращению наследия Федосовой в неотъемлемую часть общенациональной русской культуры.

ГЛАВА 4

В I томе «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» была опубликована значительная часть лучших импровизаций народной поэтессы. В многочисленных рецензиях и статьях, наконец, в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» творчество ее получило широкое признание и заслужило всеобщую похва-

¹ Свообразным откликом была попытка преподавателя русской словесности 1-й московской женской гимназии Н. Алябьева перевести «Слово о полку Игореве» «под Федосову» («Слово о полку Игореве», новейший буквальный перевод в стихах Н. Алябьева и «Слово о Мамаевом побоище», изд. ж. «Грамотей», М., 1873), отмеченная еще Е. В. Барсовым и в недавнее время И. П. Еремичем (см. Е. В. Барсов, «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси», М., 1887, т. I, стр. 182 и И. П. Еремич, «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии», Ученые записки Лен. Гос. Университета, 1948, филологическая серия, вып. 13).

лу¹. Однако в жизни самой Ирины Андреевны решительно ничего не изменилось. Она осталась попрежнему безвестной петрозаводской жительницей, обремененной семейными заботами и едва находившей применение своему таланту. Имя ее промелькнуло в ученых рецензиях и было снова забыто на полтора десятка лет. Широкие массы русского народа за пределами Карелии попрежнему не знали своей выдающейся поэтессы.

Со времени отъезда Е. В. Барсова в Москву² и до смерти Якова Ивановича Федосова Ирина Андреевна продолжала жить в Петрозаводске, иногда навещая родное Заонежье. После смерти двух детей³ она взяла на воспитание трехмесячного племянника Ивана (сына Тимофея Ивановича Федосова), которого впоследствии усыновила.

В 1884 г. умер Яков Иванович Федосов; Ирина Андреевна, продав мастерскую, вернулась в д. Лисицино Кузарандского общества в «мужнин угол» и поселилась у деверя Тимофея Ивановича Федосова. Смерть мужа была для нее началом долголетних бедствий. Скудная мзда за участие в свадьбах не могла исправить положения. «Не сладка была жизнь у деверя, — писал в 1896 г. с ее слов Е. В. Барсов, — хлеб добывала она корзиной и обедала и ужинала за своим столом. Большуха не давала ей даже воды: «Принеси-де на своих плечах, а мы тебе не кормильцы и не поильцы». К концу 80-х гг. Ирина Андреевна нищенствовала, временами служила в няньках.

Нищенство ее было своеобразным — соседи считали своей обязанностью помогать ей: «Носили ей домой готовый кусок, как она прихрамывала», — вспоминает Григорий Васильевич Стафейков из д. Лисицино.⁴ Окруженная общей любовью и уважением, она платила односельчанам дарами своего замечательного таланта. Только в

¹ В 1874 г. Барсову за I том была присуждена 16-я Уваровская премия.

² В 1878 г. после завершения археологических раскопок в районе р. Ояги (совместно с Европеусом) Е. В. Барсов снова побывал в Петрозаводске. Встречался ли он в этот приезд с И. А. Федосовой, неизвестно.

³ См. Толиверова, стр. 375.

⁴ См. приложение V, № 4.

середине 90-х гг. Федосовы стали жить несколько лучше, но об этом речь впереди.

После выхода в свет I тома Барсов начал изыскивать способы для издания II тома. Между тем подходил срок возврата ссуды Об-ву Любителей Российской Словесности. Уже 1 октября 1872 г. Барсов писал И. И. Срезневскому: «Кошелев уже начинает требовать с меня ссуду, которою снабдило меня Общество Любителей Российской Словесности для издания «Причитаний». Это именно обстоятельство побудило меня представить книгу в Академию наук на соискание премии. В случае отказа со стороны Академии я, кажется, останусь неоплатным должником Общества».¹ Барсов был повидимому плохим коммерсантом, слишком велики были накладные расходы, слишком много было раздарено экземпляров, распродажа I тома принесла ему лишь убытки.

Издание II тома сильно затянулось. Барсов к этому времени был уже секретарем редакции «Чтений в Обществе Истории и Древностей Российских», его научные интересы все более и более перемещались в область древнерусской литературы, изучения исторических и юридических документов и т. п. Только через шесть лет после выхода в свет I тома, в 1878 г., Барсов писал акад. Я. К. Гроту: «Второй том «Причитаний» хотел бы приготовить к изданию в 1880 г.: в состав его войдут «плачи завоенные, рекрутские и солдатские».²

Но и к 1880 г. замысел Барсова не был осуществлен, II том был издан только в 1882 году.³ Таким образом, с 1868 г. — года записи «рекрутских текстов» — прошло 14 лет. Вполне возможно, что публикация задерживалась в связи с особой политической остротой текстов II тома. Нужно было выждать время для того, чтобы они могли быть представлены как документы далекого прошлого. В 1882 г. военная реформа была позади, и Барсов трактовал материал II тома как иллюстрацию «благодетельности» этой реформы. В цитированном уже письме к акад. Я. К. Гроту он писал: «Всеобщая воинская повинность значительно облегчила народную грусть,

¹ Архив АН СССР, ф. 216, оп. 5, № 32, л. 10.

² Архив АН СССР, ф. 137, оп. 3, № 51.

³ Издание II тома финансировал купец-меценат, городской голова Ярославля И. А. Вахрамеев.

осушила народные слезы — и эти плачи послужат драгоценной летописью былого: подобный сборник — наилучшая и красноречивейшая ода Александру II». Это заявление Барсова, искажавшее и смысл текстов Федосовой и подлинную суть «военной реформы», легло в основу вступительной статьи ко II тому.

II том составил из четырех огромных текстов Федосовой: «Плачи по холостом рекруте», «По рекруте женатом», «При проводах солдата с побывки» и «При побывке солдата на смерть своего отца» (стр. 261) и четырех текстов других воплениц, составивших вместе всего 15 страниц. Структура II тома напоминала структуру I. Тексты других воплениц были привлечены лишь в качестве отдаленных параллелей к федосовским. Вступительная статья II тома значительно слабее вступительной статьи к I тому, и, что еще важнее, она находится в резком противоречии с текстами, опубликованными в томе; статья не давала никакого представления о мастерстве Федосовой. Недаром В. И. Ленин в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем назвал ее «слабенькой статейкой».¹

Помимо текстов и вступительной статьи, в сборник вошли: «Сведения о вопленицах, от которых записаны причитания» (о Федосовой не сообщалось ничего нового), «Рассказы про беглых рекрут», записанные от известного сказителя былин В. П. Щеголенка, «Сказка о солдате и смерти» (Каргопольский уезд), «Замечания о языке причитаний» и «Северорусский словарь».

II том встретил значительно более сдержанный прием, чем I. Правда, откликов и рецензий было достаточно,² но все они, за исключением рецензии Л. Н. Майкова, не представляют собой чего-либо значительного. Впрочем, характерна рецензия некоего Z в «Русском вестнике», который упрекал Барсова в том, что его вступительная статья все же недостаточно «охранительна» по своему тону.³ Упрек был явно не заслужен Барсовым. Повиди-

¹ «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 120.

² Наиболее крупные рецензии: Л. Н. Майков, ЖМНП, г. ССХХIII, стр. 415—422; Отчет о 28-м присуждении наград гр. Уварова, СПб, 1885, стр. 66—79 (то же в кратком изложении, ЖМНП, 1885, № 11, стр. 11—13); Русск. Филолог. Вести. 1882, т. VIII, № 3, стр. 167—170; Вести. Европы, 1882, № 8; Z, Причит. Северного края, ч. II, Русск. Вестник, 1883, № 2, стр. 824—825; ОГВ, 1882, № 30; 1883 № 24 и 25 (пересказ рец. Белова из «СПб Новостей»).

³ Стр. 824.

тому, в глазах корреспондента журнала М. Каткова даже Барсов 80-х гг. был чересчур левым.¹

Если в рецензии на I том Л. Н. Майков говорил об «общественном духе», который живет в крестьянах русского Севера и толковал этот «дух» с буржуазно-либеральных позиций, то рецензия Л. Н. Майкова на II том совершенно обходила все вопросы, связанные с общественно-политическим звучанием текстов II тома. Трудно сказать, что было причиной этому, — цензурные соображения (которые в условиях цензурного режима 1882 г. могли быть основными) либо собственная эволюция Л. Н. Майкова вправо. И все же эта рецензия интересна во многих отношениях — это по существу первое исследование о самой Федосовой. Развивая и углубляя точку зрения, высказанную им за 10 лет перед этим в рецензии на I том, Майков называет тексты II тома «поэмами», Федосову — «народной поэтессой». Он тщательно выписывает сведения о ней, которые Барсов сообщал еще в I томе. «Уже по этим немногим чертам, которые мы извлекли из книг г. Барсова, — продолжает Л. Н. Майков, — можно видеть, что Ирина Федосова — личность необыкновенная, натура даровитая, способная к творчеству, и это еще больше убеждает нас в предположении, что в плачах, от нее записанных, следует допустить известную долю личного создания и видеть нечто большее, чем обыкновенные народные причитания. Г. Барсову следует поставить в большую заслугу, что он по всей справедливости оценил эту народную женщину-поэта и отвел ей главное и почетное место в своем сборнике» (стр. 75).

Л. Н. Майков не ограничивается одними утверждениями, он довольно подробно анализирует тексты II тома и приходит к выводу о сознательности поэтического творчества Федосовой. В этой рецензии Майков сделал то, что не сумел сделать Барсов. Имя Федосовой было названо во всеуслышанье, она была названа народным поэтом; необходимость изучения ее творчества была не только декларирована — на этом пути были предприняты первые шаги.

¹ Z — возможно, С. В. Флеров, см. И. Ф. Масанов, *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*, т. II—III, М., 1948, стр. 167.

В 1885 г. II том сборника И. А. Федосовой был, подобно I, удостоен высокой академической награды — Уваровской премии (28-й). Основной отзыв был поручен акад. Л. Н. Майкову.¹

Следующий III том Е. В. Барсов опубликовал в 3-й и 4-й книге «Чтений в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете» за 1885 г. («Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвенечные»). К III тому Барсов не написал предисловия, он ограничился лишь краткой статьей «Свадебный обряд в Заонежье», уже опубликованной однажды в «Беседе».² Том представляет собой один связный текст — причитания одного свадебного цикла (239 страниц), записанные только от И. А. Федосовой. Огромные размеры причитаний (всего более 8800 строк) ясно свидетельствуют об их импровизационном характере. Для их действительного исполнения потребовалось бы не менее 60 часов. Мотивы свадебных причитаний разработаны в текстах Федосовой с необычайным богатством, полнотой и разнообразием. Публикация в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских» не была доведена до конца — она внезапно обрывалась середине одной из свадебных песен (№ 6). Причины, заставившие Барсова отказаться от дальнейшей публикации материалов III тома, не ясны. «Чтения» официально числились в его «заведывании», публикация еще нескольких страниц не потребовала бы специальных затрат. Возможно, что другие работы (обширная монография о «Слове о полку Игореве», над которой он трудился в эти годы, и др.) отвлекли Барсова от окончания тома. Однако мысль о необходимости не только завершить том, но и издать его отдельной книгой еще долго не покидала Барсова. Рукописи, найденные в его архиве,³ свидетельствуют о том, что во второй половине 90-х гг.⁴ Барсов снова вернулся к работе над III томом и совершенно закончил его подготовку к печати; однако книга все же не увидела света. Подготовленный том должен был состоять из вступления, тек-

¹ Кроме того, Русское Археологическое Общество отметило II том большой золотой медалью.

² Беседа, 1872, VI, стр. 108—121.

³ Архив Гос. Ист. Музея, ф. 52 074.

⁴ Возможно, после выступлений Федосовой в Петербурге и Москве.

стов свадебных причитаний, заметки о свадебном обряде, свадебных песен,¹ «Общих замечаний о языке причитаний» (не опубликовано) и статьи «О записях и изданиях «Причитаний Северного края», о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц» (?), которая была снабжена следующим примечанием: «Статья эта была читана в Публичном заседании Этнографического отдела Императорского Общества Естествознания, Антропологии и Этнографии в присутствии самой Ирины Федосовой».²

Вступительная статья Е. В. Барсова имеет чисто описательный характер. Его суждения об этнографическом смысле свадебного обряда довольно наивны и явно не соответствуют уровню этнографических знаний 90-х гг. XIX века. Наибольший интерес представляет заключительная статья «О записях и изданиях... и т. д.», в которой содержатся ценные сведения для восстановления истории всех трех томов сборника.

III том остался почти незамеченным журналами 80-х гг. Свадебные причитания не были особенной новостью, и том был воспринят как рядовая публикация записи свадебного обряда.

Через полгода после публикации материалов III тома в «Чтениях» и через 19 лет после первой встречи с Барсовым Федосова встретила с двумя известными собирателями — фольклористом Ф. М. Истоминим и музыковедом Г. О. Дютшем. Истомин и Дютш были командированы Песенной комиссией Этнографического отдела Географического общества в Олонецкую и Архангельскую губернии для записи песен и их мелодий. Собиратели предполагали специально разыскать И. А. Федосову и произвести от нее серию записей. Однако в Петрозаводске Федосовой не было — за два года перед этим она переехала в Кузаранду. Совершенно случайно И. А. Федосова оказалась пассажиркой того же парохода, на котором Истомин и Дютш продолжали свой путь из Петрозаводска по Онежскому озеру. Здесь же на пароходе была записана свадебная песня «Пивня ягода по сахару

¹ В черновиках обнаружено лишь 3 неопубликованных свадебных песни.

² Имеется в виду заседание 3 января 1896 г.

плыла»¹, дальнейшим записям помешала буря, разыгравшаяся в этот день на озере.²

В том же 1886 г. (осенью), очевидно по рекомендации Истомина и Дютша, Федосова была вызвана О. Х. Агреновой-Славянской для записи мелодий свадебных песен и свадебных причитаний в ее тверское имение Кольцово, где пробыла больше года.³ Записи Агреновой-Славянской составили три выпуска «Описания русской крестьянской свадьбы», подготовленных ею в подарок мужу Д. А. Агреневу-Славянскому, известному певцу и руководителю этнографического хора, гастролировавшему в этот год по Америке.⁴ Первые два тома давали полное описание свадебного обряда. Третий выпуск был по существу приложением к первым двум. В нем собрано все, что попутно записывалось Агреновой, — лирические песни, былины и исторические песни, сказки, духовные стихи, похоронные и рекрутские причитания, загадки, пословицы и т. д. Кроме Федосовой, которой принадлежало 11 причитаний, 2 былины, 2 исторические песни, 9 духовных стихов, 8 экспромтов-величаний, 51 пословица и несколько лирических и балладных песен, в сборнике были представлены: «бесфамильная» Ульяна из Петрозаводска, Чуева из Шуи,⁵ Семенова из Осташковского уезда Тверской губ. и др. Записи Агреновой во многих отношениях уступают записям Барсова. Агренова не сумела уловить действительную структуру импровизаций Федосовой, плохо справилась с передачей заонежского диалекта.

¹ См. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, *Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г.*, СПб, 1894, IV, № 7; та же песня в записи Барсова, т. III, стр. 253, № 2, и Агреновой, т. II, № 16.

² Отчет о поездке Истомина и Дютша, см. Истомин Ф., *О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губ.*, Жив. Стар., 1892, III, стр. 140; Новое время, 1892, № 5763; ОГВ, 1887, № 55, стр. 468.

³ О. Х. Агренова-Славянская датирует только записи экспромтов-величаний, помещенных в конце III тома. Даты эти охватывают время с 31 декабря 1886 г. по 26 декабря 1887 г. В то же время I том «Описания русской крестьянской свадьбы» «доложен цензурой» 10 апреля 1887 г. — следовательно записи производились в основном в 1886 г.

⁴ Москва — Тверь, 1887—1889.

⁵ Повидимому, д. Шуя близ Петрозаводска.

Барсов в упомянутой выше статье, приготовленной для III тома «Причитаний Северного края», справедливо отмечал грубейшие ошибки, допущенные Агреновой. Так, например, мы находим у нее вместо «чистое полюшко» — «частое полюшко» (II, 24), вместо «у столба точеного» — «у столба печеного» (I, 8), «сладко уяданьице» — «сладко увяданьице» (II, 86), «когда стоснется» — «когда стошнитса» (II, 98), «с пораннего утрышка» — «с парадного утрышка»; «ко белому ко личушку» — «ко белому колечушку»; «блад (-млад К. Ч.) отецкий сын» передается то как «благ» (-добрый) (I, 10 и 13), то как «брад» (т. е. бородатый) (I, 40), то совсем курьезно, как «блад», с примечанием: «Блад — это значит шалун, что у нас называется «Дон-Жуан».¹

Характер взаимоотношений между Федосовой и Агреновой-Славянской не ясен, однако можно предположить, что обстановка барского поместья стесняла Федосову. С этой точки зрения характерен ее экспромт, напечатанный Агреновой под портретом в I томе:

Я ем да пью
Да и челом не бью;
Ем я досыта,
Пью я долюба;
В дело нос не ~~тозу~~
Да « перстом не щелкву.

Следует помнить, что экспромт этот был произнесен нищей кузарандкой, бродившей перед вызовом в Кольцово по заонежским деревням в поисках куска хлеба.

При всех своих недостатках записи Агреновой имеют все же большое значение для изучения творчества И. А. Федосовой. Они значительно расширяют наше представление о ее репертуаре. Повторные записи некоторых текстов (не говоря уже о текстах, известных только в записи Агреновой) дают представление о творческом характере сказительского мастерства Федосовой. Чрезвычайно любопытны импровизации-величания, помещенные в конце I тома.

Возвратившись из Кольцова в Кузаранду, Ирина Андреевна следующие 5 лет прожила чрезвычайно бедно.

¹ Дилетантский характер сборника Агреновой-Славянской был отмечен не только Барсовым, о том же писал «акад. О. Ф. Миллер в рецензии, опубликованной в «Русской старине» (1889, X).

И. А. Федосова в Соляном городке
(Петербург, 1895 г.)

После смерти деверя на руках у нее остался ее воспитанник Иван. Хромой старухе и пятнадцатилетнему мальчику не под силу было вести самостоятельное хозяйство. Приходилось сдавать участок в аренду богатым, а самим перебиваться случайным заработком, нянчить детей, подчас и батрачить.

Наконец наступил 1894 г. — год, не менее знаменательный в жизни Федосовой, чем год ее встречи с Барсовым. Последний период жизни Ирины Андреевны — годы ее наивысшей славы, годы, когда известия о ней не сходили со страниц не только местных, олонецких, но и столичных газет. Пять последних лет ее жизни тесно связаны с именем учителя словесности петрозаводской Марининской женской гимназии Павла Тимофеевича Виноградова. В 1894 г., просматривая сборники Барсова, Виноградов загорелся желанием узнать дальнейшую судьбу замечательной народной поэтессы. В июле того же года,¹ после окончания занятий в гимназии, он отправился в Заонежье и отыскал там уже престарелую Ирину Андреевну, рассчитывая организовать ее выступления в Петербурге и Москве. Вспоминая позже о первой встрече с Федосовой, Виноградов сообщал корреспонденту «Олонецких Губернских Ведомостей»: когда он «отыскал ее в глухой деревушке и уговаривал ее ехать в Петербург, она обратилась к нему с просьбой написать ей под ее диктовку письмо. Виноградов был поражен, когда увидел, что письмо вышло в стихах».²

Осенью того же года Виноградов произнес две речи — на публичных актах в Олонцкой губернской и Петрозаводской Марининской женской гимназии, в которых специально охарактеризовал Федосову и ее творчество. Отчеты об этих публичных актах были первыми упоминаниями о Федосовой в печати 90-х гг.³

П. Т. Виноградов был энтузиастом русского народного творчества, много сделавшим для его популяризации. Достаточно напомнить, что все выезды И. Т. Рябинина (в 1893 г. в Петербург, в 1894 г. в Москву, в 1902 г. в Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию и т. д.) были организованы именно им. В 1895—96 гг. по его инициативе

¹ ОГВ, 1894, № 65.

² ОГВ, 1896, № 49 (6 июня), стр. 2.

³ ОГВ, 1894, № 64 и 65.

Федосова выступала в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани и Петрозаводске. Однако П. Т. Виноградов не был ни теоретиком устного народного творчества,¹ ни даже литератором, способным подготовить публикацию фольклорных текстов. Записи, произведенные им от И. Т. Рябининой, были признаны недоброкачественными, вероятно, то же случилось и с записями от И. А. Федосовой (см. стр. 000). Вместе с тем за Виноградовым, безусловно, остается большая заслуга — он с энтузиазмом «знакомил Русь с ее неграмотной, но истинной поэтессой» (Горький).²

В декабре 1894 г. И. А. Федосова в сопровождении П. Т. Виноградова выехала из Петрозаводска в Петербург, где она должна была выступать с исполнением народных песен на специальном заседании Русского Географического Общества. Однако приезд Федосовой стал более значительным событием, чем это предполагалось. 4 января 1895 г. петербургские газеты сообщили о ее прибытии. 8 января состоялось первое публичное выступление в большой аудитории Соляного городка. Послушать «олонецкую народную поэтессу», как писали газеты, «собрались представители литературного и музыкального мира, члены Имп. Русского Географического Общества и очень много публики».³ Выступлению Федосовой было предпослано вступительное слово П. Т. Виноградова — «Похоронная и свадебная причетъ Олонецкого края и лучшая их представительница И. А. Федосова». Мастерство Федосовой произвело сильнейшее впечатление на петербургскую публику. На страницах столичных и провинциальных газет мелькают одна за другой информации об ее выступлениях, сообщаются основные факты ее биографии, даются очерки ее исполнительского мастерства. «Трудно вообразить себе, — пишет корреспондент «Олонецких Губернских Ведомостей», — с каким энтузиазмом отнеслась интеллигенция столичная, когда не так давно удалось ей воочию увидеть и услышать лучших представителей в ряду мест-

¹ Об этом свидетельствуют его статьи в ОГВ, 1894, № 64 и 65; 1895, № 6; 1896, № 18; 1896, № 78 и др.

² М. Горький, «С всероссийской выставки», гл. «Вопленица», Одесские новости, 1896, № 2660, 14 июня.

³ ОГВ, 1895, № 4, стр. 2.

ных олонечских сказителей и вопленнц: Рябинина¹ и Федосову. Ученые учреждения, общества, учебные заведения, консерватории, частные лица — все наперерыз стремились слышать у себя того и другого, приглашения следовали за приглашениями, о столичной же печати и говорить нечего: описания, отчеты постоянно наполняли столбцы газет, везде печатались портреты Рябинина и Федосовой».²

В январе 1895 г. Федосова несколько раз выступала на открытых вечерах в большой аудитории Соляного городка. Здесь среди ее слушателей были: Н. А. Римский-Корсаков и М. А. Балакирев, музыковед В. В. Ястребцев, председатель Песенной Комиссии Этнографического отдела Русского Географического Общества Т. И. Филиппов и другие известные литераторы, музыканты и любители народного творчества. Как вспоминает В. В. Ястребцев, Н. А. Римский-Корсаков живо заинтересовался мелодиями песен Федосовой, дважды посетил ее вечера в Соляном городке (8 и 10 января 1895 г.) и сделал «слуховые» записи пяти номеров из ее репертуара.³ Вполне вероятно, что мелодии, записанные от Федосовой, пригодились ему для оперы «Садко», работу над которой он закончил в 1896 г. (напр., ария Любавы в VIII картине и др.). Они могли вспомниться великому композитору и при его работе над другой оперой — «Сказание о граде Китеже» (ария Февроньи и др.). Однако это только предположения. Решить, верны ли они, — дело музыковедов.

В честь Федосовой в январе 1895 г. созываются специальные заседания Этнографического Отдела Русского Географического Общества (11 января), Археологического Института (15 января) и Общее Собрание Академии наук (10 января), на котором среди других присутствовали академики Л. Н. Майков, А. И. Соболевский, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. И. Ламанский. Академия наук награждает И. А. Федосову серебряной медалью с дипломом. По этому поводу одна из газет писала: «Большой

¹ Имеются в виду выступления И. Т. Рябинина в Петербурге и Москве в 1894 г.

² «К истории былевой поэзии» (без подписи), ОГВ, 1895, № 85, стр. 3—4.

³ См. В. В. Ястребцев, Мои воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове, вып. 2, II, 1917, записки от 9 и 13 января 1895 г.

награды она не может получить: по закону крестьянки не награждаются золотой медалью».¹

Федосову наперебой приглашают реальные училища и гимназии (напр. Рождественская — 23 января) и «виднейшие» частные дома (К. П. Победоносцев, гр. Шереметьев, Т. И. Филиппов и др.). Портреты Федосовой печатаются в большинстве петербургских газет, а 9 января «три художницами были нарисованы ее портреты».² Музыковед С. Рыбаков записывал вслед за Н. А. Римским-Корсаковым мелодии ее песен и опубликовал их в журнале «Русская беседа».³

Таким образом, на протяжении всего января 1895 г. Федосова была в центре внимания петербургской публики. В этом шумном увлечении Федосовой было, безусловно, много поверхностного и случайного, однако, серьезное историко-культурное значение ее выступлений бесспорно.

Отъезд Федосовой из Петербурга был первоначально назначен на 13 января 1895 г. Газеты уже сообщили об этом своим читателям, но дело внезапно приняло иной оборот. Председатель Песенной комиссии Р. Г. О. Т. И. Филиппов предложил ей остаться в Петербурге и поселиться в его доме. Ирина Андреевна приняла это предложение и прожила в доме Т. И. Филиппова больше четырех лет (с января 1895 по весну 1899 г.).

В конце января 1895 г. Федосова через газету «Новости и биржевая газета» выразила готовность выступать с исполнением былин, причитаний и песен в частных домах Петербурга. «Нас просят заявить, — писала газета в отделе «Хроника», — что находящаяся в Петербурге «сказительница» народных былин и вопленица Ирина Федосова проживает в квартире государственного контролера тайного советника Т. И. Филиппова; лиц, желающих пригласить Федосову к себе для пения, просят обращаться к швейцару (Мойка 74)».⁴

¹ Нижегородская почта, 1896, № 22, 5 июня.

² Свет, 1895, № 8, стр. 2. Имена художниц не поддаются установлению.

³ 1895, апрель, стр. 181—184, 6 стр. нотных приложений (былина «Добрыня Никитич», песня «Во лвзях» и 4 свадебных песни).

⁴ Новости и биржевая газета, 1895, № 20 (20 января).

В июле того же года Ирина Андреевна встретила с детской писательницей А. Толиверовой.¹ Толиверова провела с ней весь день и затем рассказала о своих впечатлениях от встречи с народной поэтессой в большом очерке «Ирина Андреевна Федосова», напечатанном в детском журнале «Игрушечка»,² который она возглавляла.

«На вид маленькая, худенькая старушка с добрыми глазами оказалась в высшей степени занимательной, — писала Толиверова. — Завезенная преподавателем олонекской гимназии П. Т. Виноградовым со своей родины, Олонекской губернии из г. Петрозаводска в Петербург, она появлялась то в ученых обществах, то в частных домах, собирая подле себя постоянно целую толпу слушателей».³

В свой очерк Толиверова включила краткий рассказ о жизни Федосовой и описание ее исполнительского мастерства, иллюстрированное то отрывками, то полными текстами различных произведений, которые Федосова исполнила для Толиверовой. Полностью были даны: сказка «Волк и лисица», две свадебные песни, колыбельная песня, «Во лужях», и в отрывках: причитание жены по мужу и причитание невесты.

Очерк Толиверовой занимает значительное место в литературе о Федосовой. Прежде всего, он знакомит нас с семью новыми текстами Федосовой, среди которых одна сказка — жанр, не представленный ни у Барсова, ни у Агреновой-Славянской. К сожалению, в записях явно чувствуется «подправка» языка и «шлифовка» ритма, произведенные в расчете на детское восприятие. Очерк написан живо и красочно; к нему приложен лучший из известных нам портретов И. А. Федосовой.

В том же 1895 г. произошла еще одна, чрезвычайно знаменательная встреча — на одном из вечеров у Т. И. Филиппова, в котором участвовала и Федосова, хозяину был представлен молодой и тогда еще не очень удачливый певец Императорской оперы Федор Иванович Шаляпин. Спустя 31 год, в 1926 г., завоевавший уже мировую славу, великий русский певец так вспоминал об

¹ Якоби-Толиверова Александра Николаевна (1842—1918). О ней см. «Литературное наследство», т. 51—52 («Н. А. Некрасов, т. II»), Изд. Акад. наук СССР, М., 1949, стр. 558—563.

² 1895, № 8, стр. 374—382, № 9, стр. 428—432.

³ Там же, стр. 374—375.

этом вечере: «В. В. Андреев¹ особенно близко к сердцу принимал мои неудачи и старался всячески быть полезным мне, расширяя круг знакомств, поучительных для меня. Однажды он привел меня к Третью Филиппову, о котором я уже слышал, как о человеке значительном в мире искусства, приятеле Островского, поклоннике всего самобытного. Здесь я увидел знаменитую «сказительницу» Орину Федосову. Она вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно «сказывала» эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче, Добрыне, о «его поездочках молодецких», о матери его, о любви. Передо мной воочью совершалось воскресение сказки, и сама Федосова была чудесна как сказка».²

Встреча с Федосовой оказалась для Ф. И. Шаляпина особенно значительной, потому что именно в эти годы (1895—96 гг.) он переживал тяжкие творческие неудачи, связанные с первыми шагами на новом, никем до него неизведанном, пути. Как известно, Шаляпин принес на русскую оперную сцену не только изумительные качества своего голоса и поражающее искусство владения голосовым аппаратом, но прежде всего представление о том, как и какими путями искусство пения должно быть сближено с искусством сценической игры. Середина 90-х гг. прошлого века была для Шаляпина временем выработки новых сценических приемов и новых приемов пения — классического шаляпинского речитатива. Начало творческого пути Шаляпина связано с его бунтом против «бельканто», с борьбой за выразительное драматическое пение, заменявшееся в итальянской манере демонстрацией голосовых возможностей. В этой борьбе, реализуя на оперной сцене эстетику «могучей кучки», Шаляпин ориентировался на русскую народную манеру пения, на русский народный речитатив, которым, по общим отзывам, так мастерски владела Федосова. Поэтому и в исполнении

¹ В. В. Андреев — талантливый музыкант, создатель балладечного оркестра, энтузиаст народного музыкального творчества.

² Ф. Шаляпин, Страницы из моей жизни. Автобиография, Л., изд. «Прибой», 1926, стр. 183—184.

Федосовой Шаляпин увидел то, над чем он напряженно размышлял в эти годы. Недаром, вспоминая позже о своем преодолении «бель-канто», Шаляпин неизменно апеллировал к естественной народной манере: «Не потому ли, думал я, так много в опере хороших певцов и так мало хороших актеров, — писал он. — Ведь кто же умеет в опере просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека».

Так закончился первый цикл публичных выступлений Федосовой. В Петербурге она встретилась с Римским-Корсаковым, Шаляпиным, Балакиревым, а также с Майковым, Соболевским, Бестужевым-Рюминым, Ламанским, Бычковым и др. С ее творчеством познакомились сотни слушателей, были написаны десятки газетных и журнальных статей.

Второй цикл ее выступлений — поездка в Москву в 1895—96 гг. — был не менее шумным, хотя, может быть, и менее значительным.

В декабре 1895 г. Ирина Андреевна в сопровождении П. Т. Виноградова выехала в Москву. В сочельник — 24 декабря — состоялось ее первое московское выступление, на этот раз в более узком кругу — на квартире у акад. В. Ф. Миллера. Это было одно из известных тогда в Москве «воскресений у Миллеров». Среди гостей были А. Е. Грузинский, Ф. Е. Корш, Н. И. Янжул, П. Д. Боборыкин, Е. В. Барсов, П. Т. Виноградов, молодой композитор А. Н. Корещенко, С. В. Смоленский, музыковед Ю. И. Блок, А. И. Чупров, Д. Н. Анучин и многие другие.¹

«Ирина Андреевна, — пишет присутствовавший на этом вечере В. В. Богданов, — держала себя просто и свободно. Такое многолюдное собрание ее не смущало. «У нас на свадьбе больше бывает», — говорила она».

А. Е. Грузинский вспоминал позже об этом вечере: «Эта низенькая, полная старушка, которой было тогда под 70 лет, производила прямо необыкновенное впечатление своей живостью, умом и увлечением, с которым она пела и говорила о своих плачах. Она чувствовала себя в большом обществе словесников и этнографов совершенно

¹ См. приложение, стр. 358, В. В. Богданов «Из воспоминаний о русской народной поэтессе Ирине Андреевне Федосовой».

естественно и непринужденно; ее речь искрилась юмором и тонкой наблюдательностью, меткие поговорки и пословицы сыпались на каждом шагу и всегда кстати. Она отдавалась своему пению и говорила о нем так одушевленно, как может это делать истинный артист; вы наглядно убеждались, что в свою профессию этот человек привык вкладывать лучшие, живые силы души... Общее впечатление было неотразимо: мы видели перед собой крупную поэтическую натуру, выдающуюся художницу-артистку».¹

3 января Ирина Андреевна выступала на торжественном заседании Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете в зале Политехнического музея. Заседание происходило, как вспоминает В. В. Богданов, «в присутствии многочисленных членов разных отделов и отделений Общества, не исключая физиков, зоологов, химиков и других, присутствовала большая группа сторонних писателей. Большой зал Политехнического музея был переполнен».² Перед выступлением И. А. Федосовой было произнесено два вступительных слова — В. Ф. Миллером и Е. В. Барсовым. О вступительной речи Е. В. Барсова мы уже говорили в связи с историей III тома «Причитаний Северного края» — текст ее должен был быть опубликован в заключительной части тома и хранится в фонде Барсова в архиве Государственного Исторического музея. Текст речи В. Ф. Миллера нашелся на страницах «Олонецких Губернских Ведомостей». Он оказался целиком вставленным в статью Г. И. Куликовского «Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве».³ Речь эта весьма примечательна. Ниже мы остановимся на ней специально. После речи Е. В. Барсова Федосова исполнила несколько импровизаций. «Кое-кто из публики, — вспоминает В. В. Богданов, — попросил Ирину Андреевну причитать по том или другом умершем, о котором Федосова расспросила подробно, также как и о его семье. Эти импровизации произвели сильное впечатление на аудиторию.

¹ Грузинский А. Е., Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова в кн. «Литературные очерки», М., 1908, стр. 107.

² См. приложение IV, стр. 359.

³ ОГВ, 1896, № 4, (17 янв.), стр. 2—4.

Наконец, одна немолодая дама попросила Федосову изложить ее горе и ее тоску по дочери, которая не умерла, но рассталась с матерью. Федосова подробно расспросила о матери, о дочери и о разных обстоятельствах и причинах разлуки. Получив после этого вопроса нужный ей сюжет для элегии, Ирина Андреевна, стоя на некотором возвышении около кафедры, начала своим ровным чистым и громким голосом импровизацию элегии на заданный сюжет. Минут пятнадцать, если не больше, сказывала Ирина Андреевна эту в ритм устроенную вдохновенную элегию. Уже на середине сказа слышались всхлипывания, потом плач, и не только самой героини элегии, но и других. Когда окончилась элегия, та дама, которая пожелала испытать импровизацию Федосовой, была в обмороке. Эта демонстрация поэтического творчества Ирины Федосовой произвела глубокое впечатление на всю аудиторию. Сама Ирина Андреевна тоже не казалась спокойной».¹

После заседания Ирине Андреевне были торжественно вручены серебряные часы с ее вензелем. Через несколько дней — 11 января — Общество собралось еще раз для вручения Федосовой второй серебряной медали с дипломом, в котором говорилось: «Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии в заседании своем 11 января 1896 г. на основании § 20 устава присудило Ирине Андреевне Федосовой за обогащение русской народной поэзии сложными ею причитаниями и в благодарность за художественное исполнение причитаний и песен в публичном заседании Общества 3 января 1896 г. **серебряную медаль**. Президент Общества Д. Анучин. Вицепрезидент Н. Жуковский. Секретарь Общества Г. Кожевников и др.».

Вслед за тем Федосова выступала на заседании славянской комиссии Московского Археологического Общества (4 января),² дважды — на открытых вечерах в Историческом музее (6 и 7 января). 5 января музыковед Ю. И. Блок записал несколько номеров на фонограф.³ В середине января Федосова вернулась в Петербург и прожила около двух месяцев в доме Т. И. Филиппова.

¹ См. приложение, там же.

² Вступительную речь произнес акад. А. Е. Крымский.

³ По свидетельству проф. Е. В. Гиппиуса, фонограммархив Ю. И. Блока не сохранился.

После возвращения из Москвы И. А. Федосова получила приглашение на выступления в концертном зале Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки, которая должна была открыться в конце мая 1896 г. в Нижнем Новгороде. Перед отъездом в Нижний Новгород она решила побывать в родном Заонежье. 3 марта она прибыла в Петрозаводск и после публичного выступления в зале Мариинской женской гимназии (6 марта) выехала в Кузаранду к родным. На родине она застала своих близких в бедственном положении — ее воспитанник Иван, после отъезда Федосовой переселившийся к родным, все больше превращался в батрака — работающий и честный, он был тихим и не очень предприимчивым человеком. В этот приезд Ирина Андреевна была иначе принята овдовевшей и растерявшей семью «большухой» — женой Тимофея Федосова. С нею «большуха» связывала теперь надежду поправить хозяйство. Незлопамятная Федосова действительно помогла родным. Сборы от публичных выступлений позволили ей вернуть часть проданных богатым земельных участков, обновить нехитрый крестьянский инвентарь, женить воспитанника¹ и снабдить его деньгами на первый случай.

В то же время Федосова, со свойственной ей широтой, сумела подумать и об общих делах Кузаранды.

Кузарандцы старшего поколения до сих пор еще помнят, как она помогла беднейшим соседям в свой приезд весной 1896 г.² Но не это было основным. Значительную часть сборов — 300 р. — Ирина Андреевна пожертвовала на строительство школы для кузарандских детей. Газеты и журналы сообщали об этом ее намерении еще в 1895 г. Так например, «Новое время» писало 13 января 1895 г.: «В с. Кузаранде (Олонецкой губ., Петрозаводского у.), где проживает И. А. Федосова, учреждается библиотека ее имени, на образование которой отчислено из сборов, поступивших 8 и 10 января в Соляном городке, 125 руб.»³ В очерке Толиверовой это сообщение уточ-

¹ Вдова Ивана Тимофеевича — Анна Федоровна Федосова, ныне колхозница колхоза им. Ленина (д. Лисицино) Кузарандского с/с. Ей мы обязаны сообщением многих ценных сведений об Ирине Андреевне. См. приложения.

² См. приложение V.

³ № 6780, стр. 3; кроме того, см. «Свет», 1895, № 7 (прилож.) и 10 и др.

нялось: «Ирина Андреевна в разговоре со мной очень жалела, что она неграмотна, а потому все деньги, которые она здесь выручила, так как учитель (т. е. П. Т. Виноградов — К. Ч.) устраивал вечера с платою за вход, она пожелала отправить на свою родину, чтобы на них была устроена школа».¹ Однако в 1895 г. деньги отправлены в Кузаранду не были. Дополнив их поступлениями от двух публичных вечеров в Москве, Ирина Андреевна сама привезла их в Кузаранду в марте 1896 г.²

Федор Ильич Прохоров, учительствовавший в то время в Кузаранде (позже преподаватель Кооперативного техникума в г. Петрозаводске), в своих воспоминаниях подтверждает это сообщение журналистов.³ Он рассказывает, как, приехав в конце 1895 г. в Кузаранду, нашел там «школу», в которой обучалось всего 12 учеников, причем среди них не было ни одной девочки. Школа не имела собственного помещения — каждый год арендовалась какая-нибудь комната в частном доме. Взнос Федосовой позволил выстроить специальное помещение и заново оборудовать школу. Ф. И. Прохоров, ходивший благодарить Федосову за замечательное пожертвование, вспоминает о том, что народная поэтесса живо интересовалась делами школы и особенно советовала ему «учить девочек».

В Кузаранде И. А. Федосова пробыла меньше двух месяцев. За это время она успела заняться еще одним общественным делом. Кузарандцы вспоминают,⁴ что после реформы 60-х гг. они лишились возможности рубить лес на Пудожском берегу (восточное побережье Онежского озера). Тогда же начались хлопоты о выделении Кузаранде специальной лесной дачи в Пудожском уезде, так как в Заонежье соснового (т. е. строительного) леса не было. Хлопоты эти не давали результатов до середины 90-х гг. Федосова предложила поручить ей эти хлопоты и снабдить ее для этого соответствующими документами. Из тех же воспоминаний известно, что инициатива Федосовой увенчалась успехом. В том же 1896 г.

¹ Игрушечка, 1895, № 8, стр. 376.

² Кроме того, по свидетельству «Олон, Губ. Вед.», от выступления 6 марта 1896 г. в пользу Петрозаводской женской гимназии было отчислено 40 р. 70 к. (при общей выручке 84 р. 12 к.).

³ См. приложение II, № 1 и др.

⁴ См. приложение V, №№ 2, 4, 6, 9, 12, 17.

Кузарандское Общество получило извещение о выделении ему лесной дачи «за Онегом».

Эти факты, — пожертвования на постройку школы, помощь беднейшим соседям и хлопоты о лесной даче для Кузаранды, — извлеченные нами из памяти старых кузарандцев, чрезвычайно интересны. Большинство земляков Федосовой, от которых были записаны воспоминания об Ирине Андреевне в августе 1948 г., помнят ее лишь в последние 5 лет ее жизни, т. е. в приезд в 1896 г. (два месяца) и в 1899 г. (два-три месяца), когда Федосова была больной. Следовательно, они знали ее всего 3—4 месяца. При этом следует учитывать, что большинству помнящих Федосову было в 1896 г. 15—20 лет. Следовательно, прочность их воспоминаний (с тех пор прошло 53 года) объясняется не долговременностью их общения с народной поэтессой, а большой популярностью Федосовой в Заонежье. И, действительно, все они говорят о всеобщем уважении, которым была окружена Федосова, говорят о ее уме и талантливости, о ее участливости к судьбам земляков. Выражая общее мнение, Ирина Семеновна Горелкина из д. Великая Нива рассказывала: «Почет ей был ото всех. Была она обходительная со всеми, рассудительная. Но ходила (причитывать — *К. Ч.*) не для заработка, а **интересовалась людьми всеми**». Отношение к поэтической деятельности как к общественному призванию, о котором мы уже говорили, необычайная острота социального мировосприятия легко ассоциируются с приведенными только что фактами, характеризующими общественную деятельность Федосовой. Поэтому с уверенностью можно сказать, что эти факты не случайны. Однако теперь утрачены уже все возможности восстановить эту сторону жизни замечательной русской женщины. Буржуазная фольклористика прошлого мало интересовалась личностью Федосовой, еще меньше интересовал ее общественный облик народной поэтессы.

24 мая 1896 г. И. А. Федосова и П. Т. Виноградов выехали из Петрозаводска в Петербург, чтобы затем направиться в Нижний Новгород, где 28 мая должно было состояться открытие Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки.

В Петербурге Федосову ожидало приглашение посетить Америку, от которого она, однако, отказалась:¹ предстояли месячные «гастроли» в Нижнем, да и здоровье уже было не настолько крепким, чтобы пускаться в столь далекое путешествие.²

5 июня нижегородские газеты сообщили о приезде Федосовой и объявили о предстоящем (9 июня) выступлении в концертном зале Выставки. Начался третий и самый крупный цикл публичных выступлений Ирины Андреевны. В продолжении двух месяцев, с небольшим перерывом для выезда в Казань, где было дано три вечера (15, 16 и 17 июня), Федосова демонстрировала свое мастерство перед многочисленной выставочной публикой. Первые два выступления (9 и 11 июня) были особенно широко отражены в печати. После возвращения из Казани «сеансы Федосовой», как называли тогда газеты ее выступления, приобрели известную регулярность: она выступала каждое воскресенье в выставочном зале и в будни в зале Городской думы или одного из реальных училищ или гимназий Нижнего Новгорода, обычно бесплатно, для учителей и учащихся. Об успехе Федосовой можно судить по следующему, весьма характерному факту: по первоначальной договоренности Федосова должна была выступать с 9-го по 23 июня; однако, 26 июня газеты сообщили: «Известная олонекская «вопленица» Ирина Федосова, как мы слышали, по желанию администрации Всероссийской Выставки остается еще на месяц в Нижнем Новгороде. Она выступит еще несколько раз в выставочном концертном зале».³

Есть основания считать, что Федосова выступала в Нижнем Новгороде не менее 20 раз. Нижегородские «сеансы» особенно значительны в историко-культурном

¹ См. Нижегородский Листок, 1896, № 152.

² В 1895—96 гг. некоторые западно-европейские и американские газеты сообщали о выступлениях Федосовой. В 1895 г. председатель англо-русского Литературного Общества в Лондоне д-р Казалега запросил у П. Т. Виноградова реферат об И. А. Федосовой для оглашения его на заседании Общества (См. «Новости», 1895, № 9; «Свет», 1895, № 6; «Волж. Вестн.», 1895, № 134).

³ В заявлении «Председательствующему в Отделении Русского Языка Императорской Академии наук» в 1902 году П. Т. Виноградов писал о том, что он в июне и июле 1896 г. жил на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, где более 4000 чл. слушали Федосову. (Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 806).

смысле. Здесь слушателями Федосовой были представители всех областей России, здесь она приобрела наиболее многочисленную аудиторию.¹ Кроме того, здесь в концертном зале Выставки произошла знаменательная встреча — 9 июня среди слушателей Федосовой был Алексей Максимович Горький. Великая народная поэтесса, наследница лучших традиций русского народного творчества и замечательный новатор в народном творчестве, встретила с наследником лучших традиций русской классической литературы и великим пролетарским писателем, зачинателем новой советской литературы.

Горький и Федосова — проблема, заслуживающая специального рассмотрения, ей будет посвящена следующая (5-я) глава нашей работы.

В конце июля Федосова выехала в Петербург для того, чтобы снова, теперь более, чем на два с половиной года, поселиться в доме Т. И. Филиппова. С середины 1896 г. по весну 1899 г. сообщения о Федосовой пропадают со страниц печати.

* * *

Таким образом, в 1895—96 гг. газеты и журналы информировали своих читателей о 31 выступлении народной сказительницы в различных городах России. По далеко не полному подсчету за это время было написано и опубликовано около 200 статей и заметок о Федосовой. Разумеется, газеты и журналы сообщали лишь о важнейших публичных выступлениях.

Федосову слушали литераторы, музыканты, художники, учителя, сотни представителей молодежи. Ее мастерство вызывало восхищение слушателей, прочно входило в их сознание как образец высокого народного искусства, как свидетельство необычайной одаренности русского трудового народа. Социальная острота ее мировосприятия волновала их не меньше, чем «домашних», кузарандских слушателей. Народное слово, мысли, чувства русского народа становились достоянием слушателей Федосовой.²

¹ Нижегородская почта, 1896, № 43 (26 июня), стр. 3.

² См. в «Жизни Клина Самгина» А. М. Горького о «народе (имеются в виду слушатели концертов И. А. Федосовой в Нижнем Новгороде — К. Ч.), восхвалявшем Орину Федосову сказит. льницу древних былии Северного края» (Собр. сочинений, ГИХЛ, М., 1952, т. XIX, стр. 519).

Таким образом, выступления И. А. Федосовой в 1895—96 гг. — значительный факт в истории русской культуры. Не случайно описание выступления Федосовой оказалось включенным и в замечательную историческую эпопею А. М. Горького «Жизнь Клим Самгина».

Статьи и заметки о Федосовой в современной ей периодической печати и воспоминания о ней, публикуемые нами в «приложении», дают неоценимый материал для изучения творчества Федосовой. Прежде всего, они значительно пополнили наши сведения о жизни Ирины Андреевны. Из них удалось извлечь больше двадцати дотоле неизвестных текстов.¹ Они дали нам возможность восстановить историю публичных выступлений Федосовой — незаслуженно забытую страницу в истории русской культуры, позволили мобилизовать новый материал, важный для правильного понимания значения выступлений И. А. Федосовой и их места в общем развитии русской общественной мысли, литературы и искусства. Они содержат интересный материал и для восстановления человеческого облика Федосовой. В большинстве статей дается описание ее исполнительского мастерства, ее поведения перед зрителями, наконец, ее внешнего облика. Наиболее значительны в этом отношении два великолепных очерка Горького — без сомнения, лучшие очерки о сказителях в русской фольклористической литературе.

Некоторые другие очерки мы уже цитировали. Большинство из них отмечает исключительную память Федосовой, легкость, с которой она воспроизводила огромные по своим размерам тексты, образное богатство ее речи. «Федосова, — писал анонимный автор статьи «Вопленица Федосова» в газете «Новости дня» — поражала всех своей памятью: стихи у нее лились свободно один за другим и совершенно не было видно, чтобы старушка проявляла какие-либо усилия вспоминать их».²

«Речь Федосовой, — писал в статье «Ирина Федосова» корреспондент «Всемирной Иллюстрации», — в высшей степени замечательна: пословицы, поговорки, шутки, прибаутки и рифмы так и сыплются на каждом шагу;

¹ См. приложение II, «Воспоминания о И. А. Федосовой», в которых рассыпаны ее шутки и поговорки.

² Новости дня, 1896, № 4515, 4 янв., стр. 3.

словом, Федосова — поэтическая натура, такая, каких днем с фонарем нужно искать».¹

Большинство корреспондентов отмечает ее спокойную уверенность в себе, сознание собственного достоинства, которое она не теряла ни перед шумными толпами ее слушателей, ни перед так называемыми «высокопоставленными особами». Газета «Волгарь» в статье от 10 июня 1896 г. писала: «Федосова уже пожилая женщина, маленького роста, довольно бодрая, с симпатичной ласковой улыбкой на лице. Держится она очень просто, поет, нисколько не смущаясь перед незнакомыми слушателями».² При первом знакомстве с Т. И. Филипповым в беседе участвовал и кн. Волконский — товарищ министра народного просвещения. Вельможи снисходительно спрашивали о ее жизни. «— Я хорошо знаю твоего земляка Ивана³ Рябинина — он тоже много песен знает, — говорит ей Т. И. Филиппов.

— Так, так... знаю и я его, ведь он ко мне еще ребенком хаживал»,⁴ — отвечала ему как равная Ирина Андреевна.

В другой статье (газ. «Свет») сообщалось: «По окончании пения августейший президент⁵ изволил расспрашивать старушку-певицу о ее происхождении и о песнях и причитаниях, которые она хранит в своей памяти. И. А. Федосова отвечала бойко, без всякого смущения».⁶

И, наконец, статьи и воспоминания дают возможность в значительной степени исправить наше представление о репертуаре народной поэтессы. Сообщения о публичном исполнении песен, былин, причитаний, сказок, собранные воедино, составляют замечательную картину богатейшего и чрезвычайно разностороннего репертуара Федосовой.

Федосова была далеко не только воплощением-импровизатором, она была великолепным знатоком песен и творцом новых лирических песен.⁸ Об этом вспоминает,

¹ Всемирная Иллюстрация, 1895, 21 янв., № 1356, стр. 79. См. о том же Нижегородский листок, 1896, № 152, и др.

² № 158, стр. 3.

³ В статье ошибочно «Терентия».

⁴ Новости и биржевая газета, 1895, № 9 (9 янв.).

⁵ Великий князь Константин Романов, бывший президент Академии наук.

⁶ Свет, 1895, № 10 (12 февр.).

⁷ См. приложение II, «Репертуар И. А. Федосовой».

⁸ См. приводившееся выше свидетельство В. Ф. Миллера.

например, В. М. Комляков из д. Юсова Гора Кузарандского с/с: «Она не только повторяла, но была такая расторопная, сама много складывала». ¹ О своем знании песен говорила и сама Федосова Барсову еще в 1868 г.: «Противу меня песеннице не быть; будет отвечать господу богу». ²

Само собой разумеется, что ни слушатели Федосовой, ни корреспонденты газет и журналов, писавшие о ней, не были однородной массой. Писалось немало статей, в которых высказывались самые различные оценки творчества Федосовой вплоть до презрения к «неграмотной олоонецкой старухе», которою неизвестно зачем «забавляется образованная публика». Так, например, выступления Федосовой явно раздражали речистого корреспондента петербургской газеты «Новости дня». В статье «В Соляном городке» он писал: «В Соляном городке на том самом месте, где г-н Боборыкин объяснял, что красота есть тайна, ³ вчера показывалась олоонецкая «сказительница» и «вопленица» Ирина Федосова. Ей около 70 лет. Память у ней необыкновенная. Она знает 19 000 пар стихов, переложенных на музыку. Тут есть все, что полагается в обиходе народной поэзии: эпос про Добрыню, свадебная песня, подблюдная о том, как муж жену учил да приговаривал, о пивной ягоде, плач безутешной вдовы и пр. и пр. Старушка все это исполняет с замечательным разнообразием. У нее меняется и мимика и голос, а драматический плач вдовы хватает прямо за сердце.

Она больше «вопленица *dramatique*», нежели «сказительница-*grand-coguette* или «шутиха-*ingenue*». Вопль у нее удивительный, с взвизгиваниями, истерическими замираниями и голосистой трелью. Что ей давали за этот мастерский вопль? Полдесятка яиц, либо кринку молока? А тут она получила бенефис по повышенным и произвольным ценам». И для усиления эффекта продолжает тем же тоном: «Кстати о бенефисах. В воскресенье состоялся бенефис г-жи Андерсен, едва не сгоревшей в прошлом году. Под гримом она казалась все такую же

¹ См. приложение V, № 8.

² Барсов, т. II, стр. 263.

³ За три дня до выступления И. А. Федосовой (5 января 1895 г.) П. Д. Боборыкин в том же зале Соляного городка читал лекцию «Что такое красота?» (газ. «Новости», 1895, № 5, 5 января).

хорошенькой. Руки были затянuty в тельное трико...» и т. д.¹

Некий Александр Олонецкий в «Олонецких Губернских Ведомостях» с глубокомысленным видом поддакивал столичному писакe: «Федосова знает более 18 тысяч стихов, разных песен, былин и причитаний, но это еще отнюдь не дает ей право не только на принятие ее в Члены Академии наук, но даже и на преподавание русской словесности в любой из наших гимназий».² Нередко сообщения о Федосовой и ее выступлениях помещались на последней странице и набирались петитом. Или, например, в «Новгородских Губернских Ведомостях» статья о Федосовой была напечатана в отделе «Разные Известия» вместе с заметкой «Целебные свойства яблок»³ и т. д.

Однако гораздо важнее отметить не наличие положительного или отрицательного отношения к выступлениям Федосовой, а различие позиций авторов статей и корреспонденций, в равной мере положительно оценивших ее поездку по России. При рассмотрении всей массы печатавшегося о Федосовой под таким углом зрения вырисовывается интереснейшая и поучительнейшая картина борьбы за Федосову, аналогичная той, которую мы установили, анализируя рецензии и отзывы на I том ее сборника.

Если, с одной стороны, в 1895—96 гг. Федосова встречалась с Горьким, Римским-Корсаковым, Шаляпиным и другими представителями передового русского искусства, то, с другой стороны, следует помнить, что постоянным покровителем Федосовой в 90-е годы был Т. И. Филиппов — в прошлом «самый старый» в «молодой редакции» «Москвитянина», в 80-е годы — один из чиновных столпов монархии Александра III, государственный контролер и действительный тайный советник, мечтавший о возвращении России «ко дням Котошихина». Филиппов — чиновный меценат, покровительствовавший изучению старинных песен, один из организаторов «Песенной Комиссии при Русском Географическом Обществе» и бессменный ее председатель (1884—1899 гг.). Характер его интереса к народной поэзии вполне определен. Он ценит

¹ Новости дня, 1895, № 416, (12 янв.), стр. 3.

² Еще об олонах, историко-филологические наброски, ОГВ, 1895, № 11, стр. 5.

³ Новг. Губ., Вед. 1895, № 3 (8 января).

в народном творчестве традиционность, видел в нем прежде всего любезную ему архаику. Для него Федосова — «обломок старины», как и для анонимного автора статьи с таким же названием в газете «Курьер Торговли и Промышленности». Совершенно ясно, что ни Филиппов, ни интересовавшиеся Федосовой Шереметьев и Победоносцев не хотели, да и не могли, видеть в творчестве Федосовой того, что увидели в нем Некрасов и Горький.

Попытки противопоставления Федосовой новому в народном творчестве и литературе, незакономерные потому, что Федосова сама была крупнейшим новатором и передовым народным художником своего времени, звучат во многих статьях, речах и корреспонденциях. Так, например, В. Ф. Миллер противопоставляет творчество Федосовой «фабричной песне».¹

Следует сказать, что основной смысл статей правых и официозных газет — изображение Федосовой как «живой носительницы старинных сказаний и обычаев»,² перенесение интереса к ней в чисто этнографический план, архаизация ее творчества при полном игнорировании его социальной остроты и содержательности.

Из теоретических статей о Федосовой наибольший интерес представляют — речь В. Ф. Миллера (3 января 1896 г.), о которой мы уже упоминали, и статья А. Е. Грузинского, написанная десятью годами позже, но основанная на воспоминании Грузинского о вечере Федосовой 24 декабря 1895 г. на квартире у В. Ф. Миллера. Речь В. Ф. Миллера особенно интересна тем, что прозвучала за год до выхода в свет I тома «Очерков русской народной словесности» В. Ф. Миллера (М., 1897) — книги, давшей теоретическое обоснование нарождавшейся в те годы так называемой «исторической школе».

«Историческая школа», как известно, утверждала аристократическое происхождение русского эпоса. Былины в крестьянской среде, якобы, лишь разрушались и искажались. Народ не признавался творческой силой истории, ему отказывалось и в правах на авторство исторического эпоса. В. Ф. Миллер утверждал, что север-

¹ ОГВ, 1896, № 4, стр. 3.

² Нижегородская почта, 1896, № 22 (5 июня).

ные крестьяне, якобы, не создали ни одного былинного сюжета за исключением «подражательной» былины о Рахте Рагнозерском. Любые позднейшие изменения в былинах расценивались им как искажения. Казалось бы, И. А. Федосова, творческий характер исполнения которой не может быть подвергнут сомнению, была живым отрицанием теории В. Ф. Миллера, и глава «исторической школы» должен был бы при первом же соприкосновении с нею почувствовать противоречие своей теории с реальной жизнью. Но В. Ф. Миллер, не скрывая сложности стоящей перед ним задачи («Вопрос в самой простой форме сводится к тому: чему нас может поучить Ирина Федосова, к чему могут нам послужить личные наблюдения над этой олонеккой старушкой «крестьянкой?»), легко выходит из положения. Он признает выдающуюся одаренность Федосовой, признает ее произведения — творчеством, но объявляет ее без оговорок индивидуальной, личной поэтессой, не опирающейся на творчество коллектива и не выражающей идеологии породившего ее коллектива. Таким образом, подчеркивая творческий характер ее исполнения, он одновременно разрушает понятие народного творчества как творчества коллективного. Он говорит: «Ее бесхитростный и правдивый рассказ о том, как она слагала свои причеты и песни, вводит нас в самый процесс народного творчества, который до сих пор облачен некоторым мистическим туманом. Мы обыкновенно слышим фразу — «коллективное народное творчество» и, прислушиваясь к ней, не отдаем себе отчета в том, как происходил в действительности этот таинственный процесс, неизвестный нашему времени. Мы склонны были думать, что каждый слагатель песни был выразителем коллективной мысли и чувства...». «В действительности же — говорит он далее — при ближайшем изучении народной поэзии, при наблюдении творчества таких лиц, как Ирина Андреевна, оказывается, что народная психика и творчество те же, что и в культурных классах», разница только в том, что «горизонт ее мысли и чувств уже, чем у поэта культурного класса, конечно, и поэтические мотивы и краски ее песен однообразнее, чем стихотворения культурных классов». Таким образом, творят «отдельные деревенские поэты», поэтому «понятие» коллективное творчество... исчезает при более пристальном наблюдении процесса сложения песен».

Следовательно, вывод, к которому направлял В. Ф. Миллер своих слушателей, прямо переключался с основными мыслями о народном сказительстве, которые он высказал в I томе своих «Очерков». Следующим шагом, закономерно завершившим эту антинародную теорию, был известный тезис Д. Овсяннико-Куликовского, вызвавший в свое время резкий отпор со стороны А. М. Горького: «Песни, былины, сказки и т. д. создаются не массой, а отдельными лицами, отдельными умами и талантами, обособившимися и вышедшими из рамок «сплошной» народной психологии и воспринявшими продукты чужого творчества (чужого — в классовом, а также и в племенном смысле), созданные раньше»¹ (подчеркнуто мною — К. Ч.).

Статья А. Е. Грузинского «Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова», о которой мы говорили, была написана им в 1906 г. и опубликована в 1908 г. в сборнике «Литературные очерки». Грузинский уже не первый раз писал о Федосовой. Еще до встречи с ней в Москве им была написана статья «Народные певцы», в которой, наряду с характеристиками других сказителей, давалась общая характеристика Федосовой (на основании материалов I тома ее сборника). Грузинский преследовал тогда чисто популяризаторскую цель — дать учителям доходчивый материал для занимательной классной беседы.²

В декабре 1895 г. он видел и слышал Федосову на описанном вечере у В. Ф. Миллера. Впечатление было настолько сильным, что спустя десять лет Грузинский с легкостью восстанавливал детали этого вечера. Прекрасное описание исполнительского мастерства Федосовой — одно из лучших в литературе о народной поэте, однако, не в нем был смысл статьи А. Е. Грузинского. Сопоставляя поэтическое творчество немецкой крестьянки Иоганны Амброзиус с творчеством русской крестьянки Ирины Федосовой, он отмечал несравненно большую одаренность последней. Но, заключал он, общественные условия таковы, что судьба талантливейшей женщины была по существу трагической — до конца дней своих

¹ Д. Овсяннико-Куликовский, История русской интеллигенции, ч. 2-я, Соч., т. VIII, 1911, стр. 158.

² Десять чтений по литературе, М., 1895 г.

она осталась неграмотной и темной олоонецкой крестьянкой, известной сравнительно небольшому кругу любителей народной словесности. И если ее выступления имели успех, то тексты ее, запрятанные в тома сборника Барсова, попрежнему мало доступны широкой читающей публике. «Ее читателю — пишет он — надобен известный запас знания и расположенного внимания, чтобы за формами мужицкого олоонецкого языка и бабьих причитаний рассмотреть что-нибудь побольше случайного курьеза».¹

Судьба Федосовой, подчеркивает Грузинский, типична, но она навевает не только грустные раздумья, но и рождает надежды. Одаренность Федосовой — прямое свидетельство больших возможностей русского народа, а знать это особенно важно, «когда колесо нашей истории сходит с мертвой точки».

Даже при беглом знакомстве с этой статьей нетрудно заметить на ее строках отблеск великих событий первой русской революции (статья написана в 1906 г.). Однако демократизм ее автора совсем неглубок. А. Е. Грузинский не поднимается до идеологического осмысления творчества Федосовой, — в ней он видит только замечательно одаренную личность. Так, «легенда о Горе» рассказывается им без третьей части, раскрывающей социальное содержание всей легенды в целом, «плач о старосте» — без описания смерти старосты и т. д., т. е. социальная острота текстов Федосовой в значительной степени приглушается и замазывается им. Вместе с тем, следует еще раз подчеркнуть, что статья Грузинского выгодно отличается от большинства статей и корреспонденций о Федосовой, написанных в 90-е гг. прошлого века.

Г Л А В А 5

Среди всего написанного об И. А. Федосовой особое значение имеют работы А. М. Горького. Великий русский писатель, основоположник советской литературы, А. М. Горький был, как известно, замечательным знатоком

¹ Стр. 6.

народного творчества.¹ Особенную любовь и пристальное внимание вызывало у него устное творчество русского народа. «Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным», — писал он. Статьи и письма Горького пестрят упоминаниями сборников и исследований по русскому народному творчеству. Среди них почетное место занимают книги, посвященные русскому Северу и, в первую очередь, бывшей Олонецкой губернии (Рыбникова, Гильфердинга и др.).

Еще молодым писателем, через четыре года после первого выступления в печати, Горький встретил Ирину Андреевну Федосову. Великий писатель не только увековечил образ талантливейшей русской сказительницы, но и дал первое научное истолкование ее творчества.

Все написанное А. М. Горьким о Федосовой — очерки в газетах «Одесские новости» и «Нижегородский листок»,² изображение ее выступления в I части «Жизни Клим Самгина», отдельные упоминания о Федосовой, рассыпанные в письмах и статьях, — занимает совершенно исключительное место в литературе о народной поэте.

Дискуссия о Федосовой в 90-е гг. явилась прямым продолжением спора о ней, завязавшегося в связи с выходом в свет I тома ее сборника в 1872 г. Как уже говорилось, оценка творчества Федосовой А. М. Горьким, Н. А. Римским-Корсаковым, Ф. И. Шаляпиным и другими представителями передового русского искусства резко противостоит высказываниям правых и официозных га-

¹ См. Пиксанов Н. К., Горький и фольклор, Сов. этнография, 1932, № 5—6, стр. 28—55; его же, Горький о фольклоре, Сов. фольклор, 1935, № 2—3; его же, Горький и фольклор, 1935, 2-ое изд., 1938; Соболев П., Горький и фольклор, Рабочий путь (Смоленск), 1932; № 226, 27 сент.; Бялик Б., Эстетические взгляды Горького, Л., 1939; его же, О Горьком. Статьи, М., 1947, гл. «Коллективное творчество народа», стр. 150—215 и др.; Красильников Н. В., Народная песня в творчестве М. Горького. Автореферат канд. дисс. Харьковский Университет, Харьков, 1952; Дмитриков И. П., Горький и народное творчество (Ранний период жизни), сб. «Вопросы советской литературы», вып. I, изд. Института Русской Литературы АН СССР (Пушкинский дом), М.—Л., 1953, стр. 324—359 и др.

² Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня; Нижегородский листок, 1896, № 159, 11 июня. См. приложение к настоящей работе стр. 348—354.

зет и реакционных фольклористов, изображавших Федосову как «живую носительницу старинных сказаний и обычаев», переносивших интерес к ней в чисто бытовой и обрядовый план, архаизировавших ее творчество при полном игнорировании его социальной остроты и содержательности.

А. М. Горький не только унаследовал, но и значительно развил и углубил точку зрения «Отечественных записок» начала 70-х гг. Очерки Горького в названных выше газетах — неотъемлемая часть большого публицистического цикла, сыгравшего важную роль в творчестве молодого тогда писателя. Цикл этот часто называют «выставочным», так как он составил из статей и корреспонденций Горького с Всероссийской Художественно-Промышленной Выставки в Нижнем Новгороде, в концертном зале которой 9 июня 1896 г. произошла его встреча с Федосовой.¹

Открытие Выставки, состоявшееся 28 мая того же года, сопровождалось грандиозной официальной шумихой. По замыслу правительства Выставка должна была превратиться в торжественную демонстрацию мощи русской промышленности, плодов «медовых» лет небывалого еще в России промышленного подъема. Захлебываясь от восторга и умиления, официальная и правая печать сообщала о шефстве «самого» С. Ю. Витте над Выставкой, о предполагаемом посещении Выставки Николаем II сразу же после коронации в Москве, о новой железной дороге, построенной специально для подвоза гостей к территории Выставки, и т. д. К этому же времени была приурочена не только годичная ярмарка, но и Первый всероссийский торгово-промышленный съезд, в котором должны были принять участие крупнейшие фабриканты во главе с Морозовым.

Горький приехал в Нижний Новгород в мае 1896 г., когда заканчивались последние приготовления к открытию Выставки. Он был приглашен в качестве корреспондента газетой «Нижегородский листок». Одновременно началось и его сотрудничество в «Одесских новостях».

«Нижегородский листок» был органом народнически настроенной земской интеллигенции. Основанный в

¹ См. Блудхатый С. Д., Горький о Нижегородской Выставке, 1898 г. Уч. Записки ЛГУ, филологическая серия, 1948, вып. 13

1895 г. при участии В. Г. Короленко «Нижегородский листок» должен был, по мысли его организаторов, противостоять купеческому «Волгарю».¹ Однако «Нижегородский листок» был далеко не просто местной, провинциальной газетой. В первом номере его за 1896 г. было объявлено об участии в нем В. Г. Короленко, А. П. Чехова, Н. К. Михайловского, К. М. Станюковича, С. Н. Южакова, К. К. Арсеньева, В. А. Гольцева и др. Большинство из них, правда, в дальнейшем фактически не участвовало в газете, но само уже объявление такой серии крупных имен было необычным для провинциальной газеты. Значение «Нижегородского листка» особенно возрастало в связи с открытием Выставки. Согласившийся на сотрудничество в «Нижегородском листке», Горький относился к нему, тем не менее, с холодком — его раздражал народнический либерализм его руководителей.²

Горький приехал в Нижний Новгород из Самары, где он сотрудничал в «Самарской газете». После тихой и застойной самарской жизни он попал в водоворот города, приковывавшего к себе в те месяцы внимание всей России.

Главными объектами внимания Горького-корреспондента, с мая по октябрь 1896 г., как подчеркивает Е. Э. Лейтнекер в своем комментарии к этому циклу,³ были: художественный отдел, павильоны Врубеля⁴ и Маковского, отделы художественной и кустарной промышленности, элементы прикладного искусства в других отделах, гастролы Малого театра, оркестр В. И. Главача, оперы Мамонтова и Малкиэля, оркестр хорватских студентов, хор русской песни Д. А. Агренева-Славянского, владимирские рожечники, музыкальные выступления в этнографических павильонах различных национальностей, цирк Никитиных, лекции по искусству А. Н. Карелина, эпизодические концерты, гастролы и пр., эс-

¹ См. Гриневицкая А. Д., Горький и Нижегородский листок, в кн. «М. Горький в Нижнем Новгороде», Н.—Н., 1928.

² О расхождении Горького с основной группой сотрудников «Нижегородского листка» см. И. Груздев, Горький и капитализм, Октябрь, 1934, № 2, стр. 170 сл.

³ Горький об искусстве, М., 1940.

⁴ Павильон Врубеля был построен по соседству с Выставкой вне ее территории.

трады ресторанов, «синематограф Люмьера» и т. д. Все эти темы разрабатывались Горьким в связи и на фоне общественно-экономических условий помещичье-капиталистической России, демонстрировавшей на Выставке свое хозяйство. Таким образом, касаясь многих сторон и видов искусства, представленного на Выставке, Горький постоянно обращался к той социальной основе, на которой это искусство выросло.

Весь цикл объединен одной, ясно выраженной программой, сильно отличавшей корреспонденции Горького от корреспонденций других, народнически настроенных литераторов «Нижегородского листка». Горький со всей резкостью ставит вопрос о трудовом народе — создателе всех ценностей, собранных на Выставке, о жизни и труде которого сама Выставка не давала никакого представления. Он подчеркивает катастрофический неуспех Выставки, превращенной ее устроителями в гигантскую витрину, всероссийскую рекламу, «универсальную лавочку» и т. д. Вместо технических достижений посетителям демонстрировалась нелепая колонна из стеариновых свечей двух аршин в поперечнике и восьми аршин высоты, или бюсты четырех императоров из мыла, ворота из гигантских бутылок вин трех цветов и т. д. Горький требует показа приемов и условий труда народа. «Кто эти художники?» — спрашивает он об екатеринбургских гранильщиках. «Очень хочется знать — пишет он в другой статье — кто, чем и как вытащил из земли эти десять тысяч пудов золота и дал государству за тридцать лет почти 300 000 золотых рублей, не считая серебряных и медных, не принимая во внимание драгоценных камней. Кто они, эти добрые гномы? Как они это делают и как при этом поживают?»

Внимательно присматриваясь к экспонатам отделов кустарной и художественной промышленности, Горький смело заявляет, что капитализм душит и уродует народное искусство. «Русская песня — пишет он в одном из очерков — уже является редкостью в деревне... то же самое творится с русским рисунком, со старым русским орнаментом. Обратите внимание на рисунки кружев, много ли среди них истинно русских, и посмотрите, как вышиты рубахи деревенских парней и фартуки девушек. Я видел на одном парне рубаху, на груди которой была вышита реклама фабрики Асмолова, на другой рубахе по

подолу были вышиты модели, тоже, очевидно, с какой-то рекламы».¹ Он отмечает ненародный, нерусский стиль выставочных павильонов — от «сусального пряничка» à la *tuigique gusse* до западного кривляния в стиле «рококо — знай наших». «Искусство», соответствующее стилю всей Выставки, — это не Малый театр и не опера Мамонтова, а кафе-шантанное шансонье Омона.

В одной из первых русских статей о кино (о «синематографе Люмьера») Горький с возмущением говорит о том, что фильмы демонстрируются в кафе-шантане Омона, «где пропагандируется и популяризируется только разврат».² Он указывает на несоответствие мирных, «буколических» сюжетов этих фильмов со всей обстановкой ресторации Омона. Он пишет: «Я уверен, эти картины заменят иным, более подходящим к общему тону концертного зала жанром. Дадут, например, картины «Она раздевается», или «Акулина, выходящая из ванны», или «Она надевает чулки». Можно также фотографировать бои казавинского мужа с женой и дать публике под названием: «Прелести семейной жизни». Да, это несомненно будет сделано. Буколика и идиллия не могут иметь место на всероссийском торжище, жаждущем пикантного и экстравагантного».³

Поэтому, описывая выступления Федосовой в очерке для «Нижегородского листка», Горький подчеркивает прежде всего ее чуждость выставочной публике. «Маленькая, хромая, вся в морщинах, с серебряной головой, она как-то выкатилась, а не вышла на эстраду, и выставочная публика, привыкшая видеть перед собой артистов, корректно одетых, с элегантными жестами, импозантных, с эффектами шика во всей фигуре, от прически до конца ботинок, — публика была изумлена, видя перед собой эту хромую старушку в ситцевом платье и в белом ситцевом платке на голове». Или в конце очерка: «Она сидит задумчивая, тусклая; вне своей старины, среди этих странных зданий, блеска и всякой вычурности костюмов и зданий, так далеких от истинно русского, — ей очевидно неловко, не по себе».

¹ Нижегородский листок, № 178, 30 июля.

² Там же, № 182, 4 июля.

³ Там же, № 182, 4 июля. В этих строках А. М. Горький прощески предвосхитил судьбу киноискусства капиталистического мира.

Та же тема звучит и в очерке, написанном для «Одесских новостей»: «Но этот возглас так оригинален, так не похож на все кафе-кабацкое, пошрое и утомительно-однообразное в своем разнообразии — на все то, что из года в год, изо дня в день слушает эта пестробрючная и яркообочная публика, воспитанная на родоно-омоно-тулонских былинах, что ее как-то подавляет этот задушевный голос неграмотной старухи».

В других очерках «выставочного» цикла Горький упоминает имя Федосовой обычно в этой же связи. Так, например, в «Нижегородском листке» от 10 июля (№ 188) мы читаем: «Русью запахло... Я это говорю без всякой задней мысли, имея в виду такие явления как вопленица Федосова с ее старинными русскими песнями и эпосом, как капелла Славянского, восстанавливающая XVII век своими боярскими костюмами и воскрешающая старую народную песню... И, наконец, владимирских рожечников». Или в «Одесских новостях» с явной иронией: «А чего же вы к нам не едете? У нас теперь такая масса платных и бесплатных развлечений: Славянский, Федосова, Главач, владимирские рожечники», и, с другой стороны, «негритянская опера на ярмарке, плохая опера в городе и шансонетка».¹

Через 30 лет в I части «Жизни Клим Самгина» Горький возвращается к той же мысли: он называет Федосову «милой ведьмой, явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную наскоро и на показ».²

Горький противопоставляет Ирину Федосову как представительницу народного реалистического искусства лжеискусству разлагающегося капитализма. Он утверждает, что русское искусство не умерло. Оно продолжает свою героическую борьбу, продолжает служить народу, веря в его силы и призывая к борьбе за лучшее будущее. Это передовое искусство отвоевывает себе арену и на Выставке. Горький восторженно приветствует гастроли Московского Малого театра, реалистическую живопись Репина, Айвазовского и Маковского, реалистическую музыку, звучащую на концертах дирижера Главача, выступление хора сербских и хорватских студентов,

¹ Одесские новости, № 3693.

² Собр. соч., ГИХЛ, 1952, т. XIX, стр. 525.

прославляющих борьбу своего народа за свободу и национальную независимость, оперу Мамонтова с Шаляпиным во главе, концерты хора русской песни Д. А. Агренева-Славянского и выступления И. А. Федосовой. Во всем этом Горький видит проявление народной культуры; это искусство, полное глубины и силы, народное по своей сути и героическое по своему характеру. Это искусство не по душе шумной, ярмарочной публике, «кафе-кабакским завсегдатаям, которым днем нечего делать и которые от скуки лезут всюду, куда их пускают, «интернациональным дамам» из гостиниц, одетым с резким шиком, экспонентам, тоже изнывающим от безделья»,¹ как пишет о них Горький.

Этой «публикой» была, например, холодно встречена картина Маковского «Минин».

«Картина не нравится, — пишет Горький от имени «публики». — А быть может потому нам не нравится, что она уже чужда нам, что слишком далека от наших дней, когда мы, раньше срывавшие последние рубахи для нужды страны, теперь собрались срывать рубахи с наших выставочных гостей?»²

Горький настойчиво подчеркивает истинность и непосредственность искусства Федосовой. Он называет ее «неграмотной, но истинной поэтессой».³ Он пишет: «Это истинно народная поэзия, это тот стон, который создал народ, наша стомиллионная масса».⁴

Искусство Федосовой для него не «экзотика простонародного» — это нечто настоящее, жизненное. Горький противопоставляет простоту, силу и народность импровизаций Федосовой разлагающемуся искусству декаданса: «А вопли, — вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле, — все рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций — да! — но полных чувства, искренности, силы — и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофа-

¹ Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.

² Нижегородский листок, 1896, № 159, 11 июня.

³ Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.

⁴ Там же.

нов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания».¹ «Стон» Федосовой «полон страшной боли», «силы страшной, рвущей сердце тоски». Он не имеет ничего общего с унылой, вялой и извращенной поэзией мятущихся индивидуалистов. «Стон» ее полон общественного содержания. «Федосова, — пишет Горький, — была пропитана русским стоном; около семидесяти лет она жила им, выпевая в своих импровизациях чужое горе и выпевая свое горе жизни в старых русских песнях».² Этот «стон» — непосредственное и сильнейшее выражение трагичности русской жизни той поры. «Храните старую русскую песню, — говорит он далее, — в ней есть слова для выражения невыносимого русского горя, от которого мы гибнем в кабаках, в декаденстве, в скептицизме и других смутах отчаяния».

Горький ясно видел огромную историко-познавательную ценность творчества Федосовой. Мысль эта чрезвычайно ярко выражена в известном горьковском тезисе: «Русская песня — русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей». Вместе с тем в творчестве русского народа Горький видит залог будущего. Народ не пассивный страдалец, он полон сил и любви к свободе, поэтому так мощна героическая поэзия русского народа.

Нет нужды напоминать о том, как важна была для молодого Горького героическая тема. Индивидуалистическому безволию символистской поэзии молодой Горький противопоставляет культ подвига, культ героя, сильного своей связью с коллективом, ведущего свой народ к счастью и свободе. Поэтому и в творчестве Федосовой Горькому особенно ценно героическое начало. Он с особенной любовью описывает исполнение ею былин: «В зале раздался задушевный голос, говоривший старинную народную былинку о Добрыне... На публику повеяло седой стариной, поэзией русского народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой. Просит-молит Добрыня свою матушку отпустить его во чисто-поле; жалко матери расставаться с ним. Федосова подчеркивает сильные места диалога жестами, вдохновляется, вся горит, при-

¹ Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.

² Там же.

встает со стула и наклоняется к публике, как бы желая внятнее и ярче сказать ей о старине, полной кипучих сил и богатырской удали, полной любви к свободе, искания подвигов».¹

Сила мастерства Федосовой потрясает даже «выставочную публику». «Публика аплодирует, хотя эта в большинстве своем публика, ищущая легких развлечений, но и ее тронула, взяла за душу эпическая красота старухи, сила ее изложения и новая ей, публике, мелодия... За каждую песню ей аплодируют все горячее... Конечно. Около Федосовой толпа, ей жмут руки, говорят «спасибо».² Или в другом очерке: «Она кончила петь. Публика подошла к эстраде и окружила поэтессу, аплодируя ей горячо, громко аплодируя. Поняли! Хороший это был момент. Импровизаторша — веселая и живая — блесит своими юными глазами и сыплет в толпу прибаутки, поговорки, толпа кричит ей вперевод: «Хорошо, бабушка Ирина. Спасибо, милая!»³

Таким образом, в отличие от всех других статей, речей и очерков о Федосовой, написанных или произнесенных в 90-е гг., очерки Горького дают чрезвычайно четкую характеристику творчества Федосовой и значения ее выступлений. Очерки Горького дают основу научного понимания творчества Федосовой — он первый указал на его историческую обусловленность и социальную содержательность.

Творчество Федосовой анализируется Горьким в связи с конкретным состоянием русской общественной жизни и русского искусства конца прошлого века. В Федосовой Горький увидел воплощение лучших черт русской народной поэзии, той поэзии, которую он сам прекрасно знал, и которая должна была поддержать его в борьбе с декадансом, только что начинавшим распространяться среди некоторой части русских литераторов. Горький увидел в Федосовой живое свидетельство неиссякаемости творческих сил русского народа, самостоятельности и силы его поэтического и исторического мышления.

Очерки Горького дают в то же время прочную основу для правильного понимания творческой индивидуальности Федосовой. Высоко оценивая ее поэтическую одарен-

¹ Нижегородский листок, 1896, № 159, 11 июня.

² Там же.

³ Одесские новости, 1896, № 3660, 14 июня.

ность, артистическое мастерство сказывания и поразительное богатство ее речи, Горький отмечает ее дар импровизации. Он называет ее «импровизаторшей», ее песни и причеты «импровизациями». Чрезвычайно характерно, что в отличие от большинства корреспондентов, Горький называет Федосову не «вопленицей», а «народной поэтессой», иногда просто «поэтессой». Безусловно, это не случайное терминологическое различие. Горькому важно было подчеркнуть творческую природу народного искусства, противопоставить свое понимание фольклора отрицанию коллективности народного творчества, характерному для нарождавшейся в те годы «исторической школы». Подобно тому, как индивидуалистическому искусству декаданса Горький противопоставляет поэзию героического подвига личности, рожденной коллективом и совершающей подвиг во имя счастья народа, в трактовке творчества Федосовой для него оказывается чрезвычайно важным понять «истинную поэтессу» Федосову, как «истинную народную поэтессу», а ее творчество как социально-содержательное и исторически-определенное, как «стон, который создал народ, наша стомиллионная масса», как героическую поэзию народа, творящего героическую историю и имеющего героическое будущее. В этом смысле очерки о Федосовой — один из важных этапов борьбы Горького за утверждение творческой роли народа в истории мировой культуры и мирового искусства. Не случайно в «выставочный» цикл входят статьи о Врубеле и «Ответ А. Карелину», основной темой которых было разоблачение попыток Карелина вычеркнуть народ из истории искусства, истолковать творчество великих художников как творчество великих индивидуалистов. Через 12 лет, в 1908 г., в статье «Разрушение личности» Горький дал классическую формулировку мысли, занимавшей его с первых лет его творчества: «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».¹

¹ «Разрушение личности» в кн. «Статьи 1905—1916 гг.», II, 1916, стр. 9, см. Собр. соч., ГИХЛ, М., 1953, т. XXIV, стр. 26.

Нельзя упускать из виду еще одно обстоятельство, которое усугубило остроту восприятия импровизаций Федосовой молодым Горьким. Великого пролетарского писателя, с первых дней его идеологического становления, постоянно волновала проблема человеческой судьбы, проблема человеческой активности, борьбы с естественным и социальным фатализмом. В предисловии к сборнику «Статьи 1905—1916 гг.» Горький писал: «Смысл двадцатилетней общественной работы моей, как я понимаю ее, сводится к страстному моему желанию возбудить в людях действенное отношение к жизни».¹

Во второй половине 90-х гг. Горький, после аллегорического воплощения этой темы в сказках и легендах, выходит к созданию широких полотен социальной действительности, не теряя при этом связи с характером и смыслом трактовки этой темы в народном творчестве («Фома Гордеев», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» и др.). Федосова, в творчестве которой огромное значение имело стремление к преодолению патриархального фатализма, к социальному переосмыслению традиционных представлений о Судьбе-Доле, не могла не заинтересовать молодого Горького, активно искавшего путей художественного воплощения этой темы.

Впоследствии Горький часто вспоминал о замечательной встрече 1896 г. В 1929 г. он писал о ней в цитировавшемся уже письме к селькору А. А. Агапкиной.²

В 1930 г. в очерке «На краю земли», посвященном новой социалистической Карелии, которую только что посетил Горький, он не забыл упомянуть и о Федосовой: «Вспоминаешь изумительную кудесницу Федосову, — писал он, — маленькую безграмотную олонецкую старушку, которая знала на память все былины северного края, 30 000 стихов — больше, чем в «Илиаде»».³

¹ Стр. 3.

² Письмо к А. Агапкиной от 27 февраля 1929 г., см. А. Горький. Письма к рабочим и писателям, Биб. «Огонька», № 55—56 (1968—1969), М., 1936, стр. 27; первоначальная публикация в газ. «Ленинский путь» (Рязань) от 30 июня 1936 г.; Агапкина — селькор, колхозница, с. Сентова, Касимовского р-на, Московской области.

³ М. Горький, На краю земли, Наши достижения, 1930, № 1, стр. 11, см. также Карело-Мурманский край, 1930, № 2; Собр. соч., ГИХЛ, М., 1952, т. XVIII, стр. 243.

В письме к писателю Сергееву-Ценскому мы находим еще одно любопытное упоминание о Федосовой: «Сказительный стих я хорошо знал с малых лет от бабушки, час и более мог говорить этим стихом «бунтарские» речи... Любовь к этому стиху весьма подогрела Орина Федосова».¹

Каждое из этих упоминаний, при всей их беглости, уточняет наше представление о горьковском понимании творчества Федосовой. Они еще раз свидетельствуют о высокой оценке одаренности и изумительной памяти Федосовой; письмо к Сергееву-Ценскому подтверждает активное восприятие Горьким ее сказительского мастерства.

Нам неизвестно, знал ли Горький сборник Барсова до встречи с Федосовой в 1896 г., однако, несомненно, что позднее он читал его неоднократно. Утверждать это дает нам право письмо к К. П. Пятницкому от ноября 1907 г., в нем Горький просит прислать ему крупнейшие фольклорные сборники: «Если Вам попадутся у букиниста или у знакомых книги по фольклору, например, сборники Барсова, Сахарова, Афанасьева, Кириши Данилова, давайте их мне. Купите, ибо летом я и Луначарский, вероятно, примемся за историю литературы для народа, и все эти вещи нужны».² Примечательно в этом письме упоминание сборника Барсова на первом месте в качестве важнейшего источника для «истории литературы для народа», которую Горький предполагал написать совместно с А. В. Луначарским.

Наиболее значительное свидетельство прочности воспоминаний о Федосовой и того значения, которое придавал Горький ее выступлениям и своей встрече с ней, — страницы, посвященные Федосовой в «Жизни Клина Самгина».

¹ См. Октябрь, 1940, № 6—7, стр. 283.

² См. Красная газета, вечерний выпуск (Ленинград), 1928, № 87. По свидетельству К. Чуковского, в 1919—1920 гг. сборник Барсова был в составе личной библиотеки А. М. Горького. Он пишет: «Перебирая книги в своем кабинете на Кронверском проспекте (в Ленинграде), он (т. е. Горький — К. Ч.) каким-то особенным, почти-льстливым и ласкающим жестом брал с полки то ту, то другую книгу и говорил о ней певуче и страстно, глядя ее как живую: О Кирише Данилове (которого он знал наизусть), о «Плачах» Барсова, о тимиразевской «Жизни растений», о «Русской истории» Ключевского, о «Калевале», о «Мадам Бовари». — К. Чуковский, «Релик. Горький. Маяковский. Брюсов. Воспоминания», М., 1940, стр. 89.

Эти страницы — один из «исторических эпизодов» повести. Горький заставил своего героя пережить все или более типичные события политической, экономической и культурной жизни России с конца 70-х гг. до Великого Октября 1917 г. Среди них — выступления Федосовой в 1895—1896 гг. в различных русских городах должны были занять свое скромное, но законное место.¹ Вместе с тем для правильного понимания горьковской оценки творчества И. А. Федосовой важно уяснить значение этого эпизода в художественной ткани романа.

«Жизнь Клим Самгина» — это «история пустой души», история «мещанина среднего качества». Столкновения с народом потрясли Самгина, вызвали в нем раздражение и растерянность. Такое же впечатление произвело на него и выступление Федосовой в концертном зале Художественно-Промышленной Выставки. Самгин почувствовал в мастерстве Федосовой большую непонятную силу, потрясшую его своей простотой. Индивидуалист, оторвавшийся от народа, он почувствовал в поэзии Федосовой чуждую ему силу творчества коллектива. Это было искусство народа и оно было не менее непонятно, чем сам народ.

Федосова поразила его, но Самгин остался Самгиным — в его пустой душе она не вызвала ничего, кроме мыслей о самом себе. Он возмечтал, что такими же устами «скажет история когда-то и о том, как жил на земле человек Клим Самгин. Затем Самгин почувствовал, что никогда еще не был он таким хорошим, умным и почти до слез несчастным, как в этот странный час, в рядах людей, до немоты очарованных старой, милой ведьмой, явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную наскоро и напоказ».²

Былины, исполнявшиеся Федосовой, не могли быть правильно восприняты Самгиным — Добрыня чудится ему рыцарем на западный манер («стоит на коленях и держит меч на вытянутых руках, глядя покорными гла-

¹ В «Заметке для печати» Горький писал о «Жизни Клим Самгина»: «Автор вводит в ряд эпизодически действующих лиц: цари Николая II, Савву Морозова, некоторых художников, литераторов, что, по его мнению, и придает роману отчасти характер хроники» (Горьковские чтения. Институт Мировой Литературы им. А. М. Горького, М., 1951, стр. 28).

² Собр. соч., ГИХЛ, 1952, т. XIX, стр. 525.

зами в лицо матери»). Былина о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром дала почувствовать мощь и самостоятельность исторического мышления народа, однако, в глазах Федосовой он увидел «острую ироническую усмешечку, отдаленно напоминавшую хитренькие и мудрые искорки глаз историка Василия Ключевского».¹

Возвратившись домой и рассказывая Спивак о Выставке, Самгин усиленно старался «найти свою линию», по-своему рассказать о виденном и пережитом. Но случилось то, что обычно с ним случалось, — слова его гасили действительность. «Даже для Федосовой, — читаем мы во II части повести, — он с трудом находил те большие слова, которыми надеялся рассказать о ней, а когда произносил эти слова, слышал, что они звучат сухо, тускло. Но все-таки выходило как-то так, что наиболее сильное впечатление на Выставке всероссийского труда вызвала у него кривобокая старушка».² Так случилось и после Выставки. Ощувив мощь народа — создателя богатств, щедро представленных на Выставке, ощутив героическую мощь его искусства и самостоятельность его исторического мышления, Клим стал искать встреч с людьми, которые обладали бы «системой фраз», уводящей от неприятных размышлений. Такими людьми казались ему фельетонист местной газеты, яростный человеконенавистник Робинзон и реакционнейший местный историк Козлов, возводящий косность и пошлость обитателей родного ему городка в идеал. О русском народе Козлов говорит: «Народ у нас смиренный, он сам бунтовать не любит. Это разные господа, вроде инородца Шапова, или казачьего потомка Данила Мордовцева облыжно приписывают русскому мужику пристрастие к «политическим движениям» и враждебность к государыне Москве. Это — сущая неправда — наш народ казаки вовлекал в бунты».³ И как бы имея в виду впечатление Самгина от былины о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, исполненной Федосовой, замечает: «Озоруют у нас от избытка сил, хвостун Садко дурит, неумный Васька Буслаев кичится».⁴ Из всего русского фольклора его осо-

¹ Собр. соч., ГИХЛ, 1952, т. XIX, стр. 525

² Собр. соч., т. XX, стр. 7.

³ Там же, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 37.

бенно интересует «уцелевший от глубокой древности праздник в честь весеннего бога Ярилы и многие другие пережитки языческой старины».¹ Его возмущает лубочная картинка, найденная у одного из арестантов, — «Микула Селянинович, мужик-богатырь, сражается оглоблей со Змеем Горынычем; змей — двуглав, одна голова в короне, другая в митре, на одной подпись — Петербург, на другой — Москва».²

Таким образом, Горький прямо противопоставляет героинку народного эпоса в исполнении Федосовой реакционной философии Козлова: «Кривобокая старуха Федосова говорила большими словами о сказочных людях, стоя где-то в стороне и выше их, а этот чистенький старичок рассказывает о людях обыкновенных, таких же маленьких, каков он сам, но рассказывает так, что маленькие люди приобретают некую значительность, а иногда и красоту. Это любовное раскрашивание будничного, обыкновенного нежными красками рисовало жизнь как тихий праздник с обедами, оладьями, вареньями, крестинами и свадебными обрядами, похоронами и поминками, жизнь бесхитростную и трогательную своим простодушием».³

Клим прекрасно понимал наивность и кустарность размышлений «чистенького старичка», но слушал его молча и почтительно, не чувствуя желанья возразить, «наслаждаясь песней, слова которой хотя и глупы, но мелодия хороша»,⁴ ибо именно это и нужно было ему, чтобы окончательно изгладилась из его памяти «выставочные» впечатления.

Заключая этот спор в душе Самгина, Горький сталкивает его с большевиком Степаном Кутузовым, который прямо и смело решает недоступную разуму Клим проблемы. Осуждая мещанское квасное понимание «народности», он говорит: «Особенности национального духа, община, свирели, соленые грибы, паюсная икра, блины, самовар, вся поэзия деревни и графское учение о мужицкой простоте — все это, Самгин, простофильство, — говорил Кутузов, глядя в окно через голову Клим. — Не отрицаю, и в этой плесени есть своя красота, но пора

¹ Собр. соч., т. XX, стр. 34.

² Там же, стр. 39.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 37.

проститься с нею, если мы хотим жить. И с героями на час тоже надо проститься, потому что необходим героизм на всю жизнь, героизм чернорабочего мастерового революции. Если вы на такой героизм не способны — отойдите в сторону».

Наконец, следует остановиться еще на одном вопросе, связанном с темой «Горький и Федосова». В работах, написанных на эту тему, стало традицией ссылаться на страницы, посвященные народной поэтессе в «Жизни Клима Самгина», как на нечто документальное. Между тем, нельзя не учитывать художественную природу этого эпизода в повести. Несомненно, что выступление Федосовой на Выставке было само по себе типичным явлением русской жизни 90-х гг. XIX века (народное искусство на «всероссийском торжище»). Однако Горький не останавливается на простой констатации типичного факта, он подвергает этот реальный факт художественной типизации. Так, явно типизирован облик П. Т. Виноградова, превратившегося в повести в типичного буржуазного фольклориста, «выводящего» на публику сказительницу (ср. реплику Инокова — «этот, всегда глуп»; ср. мягкость всего облика Федосовой и «точно из листового железа склепанный пиджак» Виноградова, его «гулкий голос» и «певучий голос» сказительницы и т. д.). Особенно значительно в этом свете то, что в «Жизни Клима Самгина» Федосова исполняет былинку о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, тогда как в действительности она этой былинки не знала, а 9 июня 1896 г. исполняла былинку «Добрыня и Алеша». Такая замена, несомненно, не случайна, она не может быть сведена к простой ошибке памяти. Из всего запаса русских былин Горький выбрал наиболее острую в социальном отношении, рассказывавшую об открытом столкновении любимого народного богатыря с князем.

Мысли, высказанные молодым Горьким в связи с его встречей с Федосовой, не потеряли своего значения и в наши дни. Понимание Горьким ее творчества и его исторической обусловленности, прямота, с которой он поставил вопрос о судьбе искусства, в частности народного искусства в эпоху капитализма, борьба Горького за реалистическое искусство, органически связанное с народом, звучат и теперь, через полстолетия, не менее актуально и значительно. Очерки Горького о Федосовой несомненно

остаются и доныне в числе лучших очерков о сказителях в русской и мировой фольклористической литературе.

Итак, встреча с Федосовой оставила значительный след в сознании молодого Горького, сыграла заметную роль в формировании взглядов великого писателя на вопросы народного творчества, его общественную роль в эпоху капитализма и его значение в борьбе передового искусства с упадочным искусством декаданса.

Вслед за Некрасовым передовые деятели русского искусства конца века (Горький, Римский-Корсаков, Шаляпин, Балакирев и др.) способствовали превращению поэтического искусства замечательной народной поэтессы в неотъемлемую часть русской общественной жизни 90-х гг. XIX века. Творчество А. М. Горького, как и творчество Некрасова, явилось важнейшим каналом, по которому одно из лучших передовых достижений поэтического творчества трудового русского народа влилось в общенациональный фонд передовой демократической русской культуры.

Г Л А В А 6

Как мы уже говорили, после выступлений на Всероссийской Художественно-Промышленной Выставке в Нижнем Новгороде Федосова вернулась в Петербург и поселилась на два с половиной года в доме Т. И. Филиппова.

Характер взаимоотношений И. А. Федосовой и Т. И. Филиппова в эти годы не ясен — он не освещается известными нам документами того времени. Вполне возможно, что покровительство Федосовой было одним из барственных жестов меценатствовавшего сановника. С другой стороны, несомненен реакционный характер интереса Филиппова к «старинной песне». Мы уже говорили, что Т. И. Филиппов проповедовал идеи возвращения «ко дням Катошихина». Народные песни он ценил как художественные памятники культуры древней Руси, как выражение «коренных начал» русской жизни. Он был убежден в том, что «пора народного песенного творчества на Руси прошла и никогда уже не возвратится»; поэтому все новое в песне он расценивал как искажение.

Известно, что в 1895—1899 гг. Филиппов принимал деятельное участие в подготовке нового сборника текстов

И. А. Федосовой. История этого неосуществленного сборника не поддается восстановлению. Сам сборник пропал безвозвратно — следов его не удалось обнаружить ни в личном фонде Т. И. Филиппова в ЛОЦИА, ни в архиве Песенной Комиссии Географического общества; ничего не помнят о нем и родственники П. Т. Виноградова. Несомненно одно: сборник такой не только задумывался, но и была проделана значительная работа по его подготовке к печати. Зарождение его, очевидно, следует относить к июлю 1894 г. — времени первой встречи И. А. Федосовой с П. Т. Виноградовым. По крайней мере, в январе 1895 г. Виноградов сообщает о наличии у него уже значительного количества записей, в общей сложности — 2842 стихов.¹ Следующий цикл записей относится, по видимому, к февралю-декабрю 1895 г. Возможно, что в это время произошла передача записей Виноградова Т. И. Филиппову, так как в дальнейшем имя Виноградова не фигурирует.

В конце 1895 г. «Олонекские Губернские Ведомости» сообщают: «Есть слухи, что готовится новое полное издание всего, так сказать, репертуара Федосовой, в которое войдет весь тот песенный запас, который она хранит в своей феноменальной памяти».² В марте 1896 г. та же газета говорит уже о трех томах записей от Федосовой и называет впервые цифру 30 000 стихов, постоянно повторяющуюся во всех статьях 1896 г.³ Наконец, последнее свидетельство о сборнике Виноградова — Филиппова находим мы в корреспонденции А. М. Горького в «Одесских новостях»: «В скором времени, — пишет Горький, со слов П. Т. Виноградова, — государственный контролер Филиппов — любитель и знаток древней русской поэзии — выпустит четыре тома импровизаций, причитаний, воплей, былин, духовных, обрядовых и игровых песен Федосовой».⁴ Вполне вероятно, что завершению работы над сборником и изданию его помешала смерть Т. И. Филиппова (1899 г.).

¹ См. *Новости дня*, 1895, № 4156, стр. 3.

² *ОГВ*, 1895, № 85, в анонимной статье «К истории былевой поэзии», стр. 3—4.

³ Там же, 1896, № 18.

⁴ М. Горький, *С всероссийской Выставки*, гл. «Вопленица», *Одесские новости*, 1896, № 3660, 14 июля.

Дальнейшие известия о Федосовой прерываются до весны 1899 г. По сообщению И. Благовещенского, весной 1899 г. Ирина Андреевна почувствовала себя нездоровой и решила вернуться в д. Лисицино.¹ Здесь она разболелась еще сильнее. 10 июля 1899 г. великой народной поэтессы не стало. И. А. Федосова была похоронена на кладбище при Кузарандской приходской церкви (у д. Юсова гора, на берегу Онежского озера).²

¹ И. Благовещенский ошибочно говорит о «д. Щелья». «Щельями» кузарандцы называют южную группу деревень Кузаранды, в которую входит и д. Лисицино.

² Точного места захоронения живущие ныне родственники И. А. Федосовой не помнят.